

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Новосибирский государственный
университет экономики и управления «НИНХ»

**ПРАВО И ЭКОНОМИКА:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ
И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ**

Сборник статей
по итогам V Новосибирского
международного юридического форума
(24–26 мая, 22–23 июня 2023 г.)

Часть 1

Новосибирск
2024

ББК 67.021

П68

Ответственные редакторы:

канд. юрид. наук *О. Н. Шерстобоев,*

канд. ист. наук *М. С. Саламатова,*

канд. юрид. наук *Н. А. Кирилова,*

канд. юрид. наук *М. В. Громоздина*

П68 **Право** и экономика: национальный опыт и стратегии развития : сб. ст. по итогам V Новосиб. междунар. юрид. форума (24–26 мая, 22–23 июня 2023 г.) : в 2 ч. / Новосибир. гос. ун-т экономики и управления ; под ред. О. Н. Шерстобоева, М. В. Громоздиной, М. С. Саламатовой. — Новосибирск : НГУЭУ, 2024. — Ч. 1. — 279 с.

ISBN 978-5-7014-1129-4

ISBN 978-5-7014-1131-7 (ч. 1)

В сборнике представлены научные статьи, подготовленные участниками V Новосибирского международного юридического форума «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития», который состоялся в г. Новосибирске 24–26 мая, 22–23 июня 2023 г.

Издание рекомендовано для научно-педагогических работников, сотрудников государственных и муниципальных органов, а также для всех читателей, интересующихся вопросами взаимодействия правовых систем.

Статьи представлены в авторской редакции.

ISBN 978-5-7014-1129-4

ISBN 978-5-7014-1131-7 (ч. 1)

ББК 67.021

© Новосибирский государственный
университет экономики
и управления «НИНХ», 2024

Уважаемые читатели!

Предлагаем очередной сборник работ участников V Новосибирского международного юридического форума «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития», который состоялся 24–26 мая и 22–23 июня 2023 г. в г. Новосибирске.

Программа форума включает традиционные ежегодные конференции, посвященные разным аспектам развития правовых систем различных государств, их взаимодействия, а также теории и практике функционирования отраслей права. Всего состоялось девять международных научно-практических конференций: «Взаимодействие правовых систем: евразийское измерение — правовая интеграция на евразийском пространстве»; «Эволюция семейного права: традиции и ожидаемые новеллы семейного законодательства»; «Правосудие и судебные реформы: международный и национальный опыт»; «Гармония частного права: современные глобальные тенденции развития международного и национального права»; «Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы»; «Развитие уголовно-исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты»; «Корпоративное право и корпоративное управление: проблемы гармонизации в российском праве»; «Административное право: проблемы усмотрения»; “Interaction of Legal Systems: Comparative Law Issues”. Последняя конференция проводилась на английском языке, а работы ее участников вошли в самостоятельный сборник “Annual Comparative Law Review. 2023”. Надеемся, что он найдет своих читателей в азиатских странах и других государствах, где интересуются вопросами сравнительного права; также отдельный сборник составили статьи конференций по уголовному и уголовно-исполнительному праву. Кроме того, работы участников конференции, посвященной административному усмотрению, публикуются в коллективной монографии. Остальные статьи и тезисы представлены в настоящем сборнике.

Организационный комитет форума выражает благодарность всем участникам и хочет отдельно отметить вклад его соучредителей. Помимо Новосибирского государственного университета экономики и управления, свой вклад в организацию мероприятий внесли Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан, министерство юстиции Новосибирской области, Кузбасский институт ФСИН России, Университет региона Кампании имени Луиджи Ванвители. Ваше участие позволило расширить представительство специалистов из разных стран, регионов России, а также рассмотреть значительное число актуальных проблем, которые волнуют юристов разных стран.

Приглашаем к участию в следующем VI Новосибирском международном юридическом форуме «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития». Всем нашим читателям желаем удачи и благополучия!

*С уважением, организационный
комитет
Новосибирского международного
юридического форума*

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ:
ЕВРАЗИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ —
ПРАВОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ
НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ»**

**РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ ЦИФРОВИЗАЦИИ
И РОБОТИЗАЦИИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ
ЭЛЕКТРОТРАНСПОРТНОГО, АГРОТЕХНИЧЕСКОГО
И ВОДОРОДОМОБИЛЬНОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ
КАЗАХСТАНА И РАЗВИТЫХ ГОСУДАРСТВ
(КАЗАХСТАНСКОЕ, ЗАРУБЕЖНОЕ
И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО)**

М. А. Сарсембаев

Институт законодательства и правовой информации
Республики Казахстан
главный научный сотрудник отдела международного права
и сравнительного правоведения, КГ «Болашак»
доктор юридических наук, профессор
daneker@mail.ru

Аннотация. В данной статье большое внимание уделено актуальной научной теме, посвященной вопросам цифровизации и роботизации в производственных процессах заводов транспортного, сельскохозяйственного машиностроения Республики Казахстан. Во взаимосвязи показаны процессы цифровизации и роботизации. В сравнительно-правовом ключе проанализированы организационно-правовые особенности внедрения цифровых технологий и роботов различного назначения на электротранспортных, сельскохозяйственных и водородомобильных предприятиях. В данной статье приводятся предложения о новых казахстанских законах, иных нормативно-правовых актах, о нормах международного публичного и частного права, регулирующих вопросы цифровизации и роботизации машиностроительного производства.

Ключевые слова: цифровизация, электромобиль, водородомобиль, роботизация, закон, конвенция, отрасли машиностроения.

Adstract. In this article, attention is paid to an urgent scientific topic devoted to the issues of digitalization and robotization in the production processes of plants of transport, agricultural engineering of the Republic of Kazakhstan. The processes of digitalization and robotization are shown in the relationship. In a comparative legal way, the organizational and legal features of the introduction of digital technologies and robots for various purposes at electric transport, agricultural and hydrogen-mobile enterprises are analyzed. This article presents proposals on new Kazakh laws, other normative legal acts, on the norms of international public and private law governing the aspects of digitalization and robotization of machine-building production.

Key words: digitalization, electric car, hydrogen car, robotization, law, convention, engineering industries.

Данное исследование осуществлено при финансовой поддержке Комитета по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН № AP09261449).

Цифровизация и роботизация взаимно связаны между собой. Смысл этой связи заключается в том, что производственная цифровизация представляет собой внедрение новейших цифровых технологий во все сферы заводского производства в целях сокращения монотонного физического труда для человека-работника, организации и контроля трудовых и производственных процессов и обеспечения безопасности труда рабочих завода. Роботизация хотя и является продолжением цифровизации, тем не менее этот процесс по-своему автономен. Поэтому здесь есть смысл привести определение данного понятия. Это — автоматизация производственных процессов, которая в значительной мере обеспечивается с помощью индустриальных роботов. Роботы сами по себе не могут полностью автоматизировать производство, но они включены в это производство; поскольку сами представляют собой интеллектуализированные, автоматизированные орудия производства, тем самым они поднимают уровень автоматизированного производства еще на одну ступень. Вместе с тем надо отметить, что есть общее понятие роботизации, под которым подразумевают всю совокупность автоматизированных и роботизированных станков, станков с числовым программным управлением, производственных линий, промышленных роботов-манипуляторов и автономных индустриальных роботов, заменяющих работников.

Благодаря цифровой трансформации, роботизации, на машиностроительных заводах резко меняются подходы к производству электромобилей, водородомобилей, сельскохозяйственных машин. В связи с автоматизацией производственных процессов с участием в них роботов минимизируется человеческий фактор. Происходит максимально резкое сокращение рабочего времени и материальных ресурсов как на этапе производства, так и на этапе эксплуатации машин. На этапе производства такое сокращение происходит в результате роботизации, автоматизации производственных процессов, а также тотального автоматизированного контроля над ними [1]. Завод не теряет связи с клиентом, заказчиком и на этапе эксплуатации транспортных средств и сельскохозяйственных машин посредством удаленного автоматизированного мониторинга режимов эксплуатации произведенных им машин. Это позволяет обеспечивать для клиента нормальный режим эксплуатации соответствующей машины, ее ремонт, замену вышедших из строя компонентов.

Каждый завод имеет свои, специфические технологии, выпускает самые разные виды и марки транспортных средств. Даже тогда, когда все заводы выпускают электромобили, электрогрузовики, электробусы, электрокомбайны, электротрактора, электровозы, они устанавливают разные типы и виды и разной мощности электродвигатели. Соответственно, у этих заводов могут быть не только сходства, но и особенности при внедрении цифровизации и роботизации на своем производстве.

Роботы и роботизация представляют собой продукты искусственного интеллекта. Под роботизацией, по моему мнению, следует понимать процесс внедрения в работу цехов промышленных, машиностроительных заводов сконструированных и запрограммированных станков и производственных линий, а также искусственных созданий, умеющих самостоятельно передвигаться по цеху, заводу, решать производственные вопросы, совершенствовать самообучение, запускать и останавливать станки и процесс производства в целом в случае ожидаемой или случившейся поломки станка или оборудования [2]. Процесс роботизации начинается задолго

до его внедрения в цехах заводов машиностроительного производства. Нам нужно готовить со школьной и студенческой скамьи высоких профессионалов в сфере познания механизмов и программирования роботов. Целесообразно, чтобы наша молодежь стажировалась в зарубежных странах — с тем, чтобы она имела реальное представление о роботах, их видах, о том, какие виды и типы роботов более предпочтительны для нашей страны, для наших машиностроительных заводов.

В качестве некоторых примеров приведем предприятия транспортного и агротехнического машиностроения республики. Так, расположенный в Костаное завод ТОО «СарыаркаАвтоПром» производит промышленную сборку автомобилей мировых брендов: Chevrolet (Франция), Lada (Россия), Kia (Республика Корея), Iveco (Италия), Toyota (Япония), MAN (Германия). ТОО «СемаЗ» является автосборочным заводом в городе Семей, на котором производят промышленную сборку грузовых автомобилей «Урал» (Россия), Shacman (Китай). АО «КамАЗ-Инжиниринг» (г. Кокшетау) функционирует как совместное казахстанско-российское предприятие с элементами внедренных цифровых технологий. Предприятие ТОО «ПКК Сактаган» (г. Алматы) производит грузовые автомобили. Железнодорожное машиностроение представлено, в частности, локомотивосборочным заводом (г. Астана), вагоностроительными заводами (г. Рудный и г. Экибастуз), заводом по производству электровозов (г. Астана). Сельскохозяйственные машины в Казахстане производят «Агромаш-Холдинг RZ», Семипалатинский машиностроительный завод (производящий запасные части для тракторов), которые успешно сотрудничают с предприятиями сельскохозяйственного машиностроения России.

В ходе внедрения цифровизации, роботизации в деятельность заводов желательно разработать и принять отдельный новый казахстанский закон *«О стимулировании внедрения цифровых и иных технологий, инновационной продукции, об активизации прикладных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в отрасли всех видов транспортного и агротехнического машиностроения».*

Руководители транспортно-машиностроительных предприятий республики накануне внедрения цифровизации и роботизации в производство проводили с инженерами, мастерами, офисными работниками совещания, в ходе которых ставили задачи о необходимости изготовления деталей, проведения промышленной сборки автомобилей, тестирования их в автоматизированном режиме посредством промышленных роботов, оснащаемых соответствующими датчиками, видеокамерами и программируемым искусственным интеллектом; о внедрении системы электронного документооборота; о необходимости сбора, хранения всех данных о проектах, расходах и доходах, запасах, количестве произведенных транспортных средств, о выписываемых нарядах, заданиях мастерам и рабочим, контроле над их выполнением в единой заводской информационной системе с последующим анализом. Эти данные могут быть переданы из подразделения в отдел, из цеха в цех, из цехов в соответствующие отделы администрации завода в режиме реального времени на основе таких технико-юридических инструктивных документов, как *«О своевременном заполнении всеми подразделениями завода документов в соответствии с их компетенциями, передаче их руководящим отделам»*, *«Об обеспечении надлежащего программирования промышленных роботов в целях автоматизации производственного процесса»*.

Решение проблем внедрения индустриального интернета вещей (IIoT) возможно при охвате всех этапов производственного цикла автопродукции, агротехнической продукции предприятия. Производственные проблемы решаются на основе собранной информации: именно она с помощью IIoT позволяет казахстанскому заводу избегать незапланированных простоев, четко оценивать ход производственных процессов, ликвидировать сбои в поставках комплектующих компонентов, что обеспечивает эффективное управление предприятием машиностроения. В процессе внедрения цифровых технологий казахстанские машиностроительные заводы должны соединять новые и существующие технологии. Значимой проблемой «умного» предприятия является недостаточный уровень взаимодействия между людьми, а также между людьми

и производством. IoT с соответствующим приложением мог бы решить эту проблему.

Аддитивные технологии как разновидность цифровых технологий планируется активно использовать на казахстанских заводах транспортного и агротехнического машиностроения, поскольку создание сложных узлов и деталей электромобиля требует вычерчивания сложных, порой уникальных геометрических линий. На изготовление одной маленькой детали с некоторыми изгибами раньше (в доцифровую эпоху) уходило несколько десятков часов. В настоящее время уже можно отлить все необходимые детали с помощью технологии 3D-печати и создать воздушный беспилотник с электромотором, который может быть использован как транспортное средство за более короткое время. Это касается всех других необходимых деталей транспортных средств и сельскохозяйственных машин.

Благодаря цифровизации и роботизации заводы стали увеличивать количество выпускаемых автотранспортных средств и сельскохозяйственных машин, удалось улучшить качество всех производимых машин, стал увеличиваться экспорт машин, оборудования, что свидетельствует о конкурентоспособности выпускаемой заводами продукции.

Для того чтобы внедрение цифровизации и роботизации на предприятиях прошло успешно, инженерно-технический персонал, сотрудники были специально обучены работе с новыми технологиями. Они постигли тонкости программирования, моделирования, работы с цифровой технологией в виде больших данных. Они видели, что курируемые ими роботы на основе программирования адаптировались к разным техническим и технологическим задачам, на основе установленных ими датчиков обменивались информацией друг с другом и обеспечивали техническую информированность со станками с числовым программным управлением, со всеми автоматизированными и интеллектуализированными производственными линиями. Внедряемые цифровизация и роботизация делают легковые и грузовые автомобили, тракторы, комбайны более качественными, инновационными, эффек-

тивными и эстетичными. Клиенты свою удовлетворенность выражают в положительных отзывах.

Для оказания практического содействия заводам транспортного, агротехнического машиностроения Министерство индустрии и инфраструктурного развития и Министерство цифрового развития Республики Казахстан могли бы разработать и принять такой технико-юридический документ, как совместный нормативный приказ под названием *«О порядке внедрения цифровизации и роботизации в деятельность промышленных, машиностроительных заводов республики»*. Кроме того, есть, на мой взгляд, смысл принимать по линии Министерства цифрового развития Республики Казахстан нормативные приказы о поэтапном внедрении каждой цифровой технологии в отдельности в деятельность каждого машиностроительного завода: *«О детальном порядке внедрения цифровой технологии “промышленный интернет вещей” в деятельность завода машиностроительной промышленности»*; *«О детализированном порядке внедрения цифровой технологии “большие данные” в деятельность машиностроительного завода»*, *«О поэтапном внедрении цифровой технологии “виртуальная реальность” в работу машиностроительного завода»*, *«Об особенностях внедрения технологии “цифровое, машинное обучение”»*.

Приобретение станков и оборудования, комплектующих для производства транспорта, внедрения цифровых технологий, технологий искусственного интеллекта в виде промышленных роботов на конвейере требует немалых инвестиций. Их можно запросить из государственного бюджета в виде субсидий, из оборотных заемных средств отечественных и международных банков посредством, к примеру, интернет-банкинга [3]. Солидные финансовые средства можно также получить за счет выпуска акций, облигаций машиностроительными заводами Казахстана.

В мире, как известно, конструируют и создают разнообразные типы и виды роботов: промышленных роботов насчитывается примерно 3 миллиона единиц. По данным Казахской Ассоциации автоматизации и робототехники, Республика Корея является мировым лидером по количеству робо-

тов — 1 тысяча роботов приходится на 10 тысяч работников, занятых в промышленности, у Сингапура — 670 роботов (второе место), у Японии — 399 роботов (третье место), усредненный мировой показатель равен 141 роботу на 10 тысяч работников промышленности. На этом фоне Казахстан как страна, находящаяся в начале пути, выглядит скромно: 4 робота на 10 тысяч населения, занятого в промышленности (это примерно 400 роботов). Из них десятки роботов функционируют в отраслях машиностроения, в автопроме. Они бывают интеллектуальными, коллаборативными, промышленными, сервисными. К интеллектуальным, шагающим роботам в промышленности, машиностроении [4] относят таких роботов, которые достаточно автономно работают в производственных цехах соответствующего завода машиностроения. Одни роботы могут человеческим голосом подавать сигнал тревоги в случае необходимости во время производственных процессов, другие — могут поддержать разговор с потенциальным покупателем о той или иной марке автомобиля (электромобиля), трактора, комбайна, могут убедить человека в необходимости покупки соответствующего автомобиля (электромобиля) или комбайна. Индустриальные роботы принимают непосредственное участие в производственном процессе, например флагмана казахстанского автомашиностроения «СарыаркаАвтоПром» в качестве роботов-манипуляторов. Такие роботы закрепляются стационарно на конкретном месте у конвейера и выполняют ряд однотипных, вместе с тем точных, выверенных действий, которые скоординированы со всеми другими действиями данного производственного конвейера.

Другой тип индустриального робота работает совместно с живым работником, мастером. Он выполняет команды работника, отчитывается о проделанной работе, запрашивает необходимость выполнения других видов работ. Такой вид робота называют коллаборативным роботом [5], т. е. роботом, сотрудничающим с работником. Его специально программируют под такое сотрудничество. Не исключены несчастные случаи, когда робот может представлять реальную опасность для работников завода. В программе должны быть заложены

типичные обстоятельства соприкосновения робота с человеком и соответствующие алгоритмы отключения робота от электропитания, другие способы остановки его действий. Кроме того, в таких случаях рабочий, мастер должны знать, как его оперативно в ручном режиме обездвижить. Есть другой тип индустриального робота, похожий на коллаборативный. Его отличие состоит в том, что он запрограммирован на независимое от людей функционирование. На начальном этапе человек запускает такого робота, а дальше он работает самостоятельно, практически независимо. Разумеется, такой робот может и должен находиться под удаленным или близким автоматизированным контролем специалиста, ответственного за работу самостоятельных роботов. Для совершенствования процесса роботизации целесообразно разработать и принять новый казахстанский закон *«О создании и развитии отрасли робототехники и искусственного интеллекта в промышленности (машиностроении) и других сферах жизни», а также правительственное постановление «О создании условий для конструирования и программирования роботов для промышленности (машиностроения)»*. Министерство индустрии инфраструктурного развития Республики Казахстан могло бы разработать и принять нормативный приказ *«О создании технических, технологических, организационных условий по созданию стационарных, мобильных индустриальных роботов, о внедрении роботов в производственный процесс завода»*.

В перспективе Республика Казахстан может приступить к созданию собственного национального бренда электромобиля и созданию национального бренда трактора и зерноуборочного комбайна. Поэтому имеет смысл задуматься о разработке и принятии концепции и нового закона РК *«О создании моделей национальной марки электромобиля, электрогрузовика, водородомобиля, электрокомбайна, электротрактора»*.

Мировая тенденция развития цифровой системы свидетельствует о своей способности решать разнообразные задачи, в том числе машиностроительные, но только после того, как их сформулирует человек-специалист: ее автономное поведение и технические действия станут возможными в ближайшей перспективе. Это машиностроительное будущее примет

облик индустриального робота с искусственным интеллектом. В среднесрочной перспективе цифровая система может демонстрировать свою автономность от человека на производстве, и к тому же успешно.

«Цифровое предприятие» как «умная фабрика, умный завод» [6] может вполне сочетать массовое производство электромобилей, агротехнических машин с возможностью их изготовления по индивидуальным заказам клиентов. Такое сочетание возникает при условии функционирования цифрового производства, в рамках которого производственные операции автоматизированы, станки работают с числовым программным управлением, все объекты производства объединены цифровыми инструментами, у конвейеров и оборудования функционируют промышленные роботы разного назначения [7].

Республика Казахстан должна запланировать создание кастомизированной машиностроительной продукции, суть которой состоит в учете индивидуальных пожеланий клиента. Есть смысл создавать биржи «компетенций и сервисов», которые обеспечивали бы еще большую производительность труда. Сегодня требуется реализовать переход к цифровому государственному управлению заводами промышленности; в свою очередь, требуется перейти к цифровому управлению внутри машиностроительных предприятий. Для внедрения цифровых технологий в деятельность заводов транспортного, агротехнического, в перспективе — водородного машиностроения [8] необходимо создание межотраслевых моделей данных, что предполагает взаимное сотрудничество этих заводов и IT-компаний на основе этих моделей. Особенно важно создать общегосударственную, национальную систему стандартизации и сертификации, которая базировалась бы на технологиях виртуальных испытаний на основе проекта «Цифровой инжиниринг». Реализовать межотраслевые модели и проект «цифрового инжиниринга» нелегко, поскольку понадобятся немалые усилия казахстанского правительства, Министерства индустрии и инфраструктурного развития, Министерства цифрового развития Республики Казахстан, законодательных институтов и, безусловно, самих заводов машиностроения.

Надо иметь в виду, что со стандартизации и начинается осуществление промышленной, машиностроительной политики, осуществляемой государством.

Концерн CLAAS (Германия) как один из крупнейших производителей сельскохозяйственной техники в мире стремится к улучшению качества своих машин, к внедрению разнообразных инноваций. Поэтому отнюдь не случайно то, что одним из направлений развития концерна стало внедрение цифровых технологий в свое производство. Это позволило повысить безопасность, экологичность, качество выпускаемых сельскохозяйственных машин. Это удалось сделать благодаря цифровым технологиям, которые оптимизировали производственные процессы, позволили повысить эффективность производства, уменьшить затраты и, соответственно, увеличить прибыль. Инженеры этого концерна оказывают содействие североказахстанским работникам в промышленной сборке соответствующих агротехнических машин, тем самым получают определенные знания и навыки по цифровым технологиям. Но этого все же недостаточно. Необходимо договориться на уровне концерна и правительства Республики Казахстан, чтобы казахстанская делегация из представителей разных агромашиностроительных предприятий республики могла бы в течение ряда месяцев стажироваться на производственных линиях этой компании в Германии, на месте увидеть функционирование цифровых технологий, роботов, технологий искусственного интеллекта [9] и научиться реальному управлению инновационными технологиями.

Производители транспортных средств, сельскохозяйственных машин и оборудования обязаны руководствоваться стандартами — как отечественными, так и международными. Для получения доступа к стандартам представитель машиностроительного завода заходит на портал при Казахском институте стандартизации и сертификации, выбирает раздел «Нормативные технические документы государственных органов», через «Личный кабинет» проходит регистрацию, авторизацию и через каталог выбирает текст необходимого стандарта, действующего в машиностроительной сфере — «отечественный стандарт — стандарт Республики Казахстан»,

«ИСО — стандарт международной организации». Машиностроительные заводы Казахстана при внедрении в производство цифровизации и роботизации руководствуются не только своими заводскими интересами и потребностями, но и соблюдают законодательство, технические стандарты, которые направлены на обеспечение высокого уровня качества для всех потребителей, безопасности и эффективности технологических инноваций.

На основе вышеизложенного Казахстану есть смысл разработать и заключить международные договоры и соглашения с иностранными государствами под примерно следующими названиями: *«О трансферте цифровых технологий в целях внедрения в деятельность предприятий транспортной, сельскохозяйственной промышленности»*, *«О сотрудничестве для подготовки высокопрофессиональных специалистов и об участии в разработке фундаментальных и прикладных исследований по техническим, технологическим, организационно-правовым, экономическим и иным проблемам всех отраслей машиностроения»*, включая агротехническое и транспортное машиностроение, *«О сотрудничестве по обучению казахстанской молодежи тонкостям конструирования и программирования промышленных и иных роботов»*.

Водородомобилестроение в ряду транспортных средств пока занимает особое положение. Знаменитые японские, южнокорейские, германские, американские автоконцерны и заводы Toyota, Honda, Hyundai, Audi, BMW, Ford, Nissan в той или иной степени поддерживают это направление автопрома. Поезд компании Alstom (Франция) передвигается на водородной тяге. Водородом как топливом пользуются автобусы марки MAN. Компания Boeing запустила беспилотный самолет с водородным двигателем фирмы «Форд». Некоторые подводные и надводные суда экспериментируют свое плавание посредством водорода. После трагедии на Фукусиме Япония активизирует свои действия по наращиванию водородной энергетики. Казахстан на западе республики планирует строительство крупного завода по производству «зеленого» водорода.

Преимущества водородного двигателя и водородного транспортного средства проявляются в следующем. Водородное топливо обладает высокой экологичностью: в процессе работы двигатель водородного транспорта не загрязняет атмосферу диоксидом углерода. Другое преимущество водородного двигателя видно в его высоком коэффициенте полезного действия: если у двигателя внутреннего сгорания он равен 35 процентам, то у водородного — 45 процентам. Бесшумная работа водородного двигателя в сравнении с бензиново-дизельным двигателем является еще одним преимуществом анализируемого вида двигателя. По сравнению с электродвигателями заправка водородного двигателя более ускоренная. Водородное топливо приходит на смену бензину, авиационному керосину, дизельному топливу, вырабатываемым из нефти, запасы которой во всем мире, в том числе в Казахстане, подходят к концу. Нужно иметь в виду, что электропитание для электромобилей сегодня обеспечивают электростанции, функционирующие преимущественно на угле и продуктах нефти (мазуте). Численность таких электростанций будет возрастать по мере количественного увеличения электротранспорта (электромобилей, электрогрузовиков, электроходов, электровозов, электролетов). Это означает, что электростанции выбрасывают и будут выбрасывать диоксид серы, иные вредные вещества в атмосферу, создавая в том же объеме вредный «парниковый эффект». Отсюда следует вывод: электростанции уже в ближайшей перспективе должны работать на водородном топливе или ином экологически чистом топливе [10].

Как всякое другое топливо, водородное топливо имеет свои недостатки. Первым недостатком водородного топлива является его высокая стоимость: оно почти в три раза дороже бензина. Дороговизна обусловлена тем, что водородные батареи используют платину, которая является очень дорогим металлом в мире, а также тем, что во избежание взрывов баки и системы хранения готовят из углепластика. Водородные станции для заправки стоят дороже традиционных. Бензин огнеопасен, но водород более огнеопасен. При производстве водородного топлива используются углеводороды.

Однако есть другой способ выработки «зеленого» водородного топлива — электролиз, при котором водород извлекается из воды посредством электрического тока. Но эта проблема может быть решена, если сделать замкнутую цепочку: использовать электричество, выделяемое в водородных топливных элементах, в целях получения новой порции водорода.

Если мировое сообщество решит, что альтернативы водородному топливу в среднесрочной перспективе нет, то проблема дороговизны данного топлива и его инфраструктуры будет снята за счет его массового потребления. Что касается его огнеопасности, то нужно сказать: чем выше огнеопасность топлива, тем мощнее коэффициент его полезного действия. В этой связи необходимо, чтобы все научные усилия были направлены на поиск способов многократного усиления безопасности топлива при хранении и применении.

Исходя из вышеизложенного, думается, что уже сегодня заводы Казахстана и других стран должны направить свои интеллектуальные усилия для создания заводов, которые могли бы производить разнообразные транспортные средства и сельскохозяйственные машины, могущие работать на водородном топливе. Юристы также сегодня должны прорабатывать правовые средства в виде законодательных норм, а также норм международного публичного и частного права, чтобы оказать содействие развитию исследуемого направления научно-технологического характера. Казахстану целесообразно подписать двусторонние соглашения с развитыми государствами под примерно таким названием: *«О стратегическом сотрудничестве с развитыми странами для содействия Казахстану в становлении и развитии водородной энергетики и водородно-транспортной промышленности»*.

В России по линии исследовательского центра RoboPravo 24 ноября 2017 года был обнаружен проект модельной конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте, которая продиктована стремлением осмыслить сценарии «массового использования роботов и искусственного интеллекта, которые могут иметь катастрофические последствия для существующего мироустройства или всей человеческой расы», решить вопрос о договоренностях и правилах по над-

лежащему использованию сконструированных роботов. Есть смысл юристам-международникам и другим заинтересованным лицам обсудить все аспекты робототехники и искусственного интеллекта и предложить мировому сообществу свои рекомендации.

Необходимо поддержать деятельность Спецкомитета ООН по разработке всеобъемлющей конвенции по противодействию информационной преступности [11]. Когда такая конвенция будет принята хотя бы большинством государств-членов ООН, можно утверждать, что это станет началом жесткой борьбы мирового сообщества против изощренных преступных действий хакеров, их криминальных формирований. Тем самым мы создадим благоприятные условия цифровизированной, компьютеризированной деятельности промышленных, машиностроительных заводов. Необходимо продумать вопрос о разработке и принятии универсальной международной Конвенции о правовом статусе роботов. В этом международно-правовом документе можно прописать основные принципы деятельности роботов, компетенцию их деятельности, в том числе в промышленной, машиностроительной сфере, сформулировать обязанности ответственных лиц в отношении роботов, обеспечить защиту роботов от дискриминации, очертить границы их деятельности, а также установить ответственность тех лиц, которые по неосторожности и (или) умышленно переходили эти границы. Это должно быть сделано с тем, чтобы обеспечить и безопасность сотрудников машиностроительных предприятий, работающих в тандеме с роботами, и в целом безопасность всех людей, проживающих на планете.

Литература

1. Popescu S. (2023). Digital Transformation and Technological Innovation in Contemporary Society. Scientific Bulletin. Vol. 28. Pp. 96–108. DOI: 10.2478/bsaft-2023-0011; Li Shiguang & Tian Yixiang. (2023). How Does Digital Transformation Affect Total Factor Productivity: Firm-Level Evidence from China. Sustainability. Vol. 15. Pp. 1–17. 9575. DOI: 10.3390/su15129575.
2. Veeraboyina Sai. (2023). Industry oriented automation robot. Bvrit Hyderabad College of Engineering for Women (India). 6 p.; Горбаченко В. И. Машинное обучение: учеб. пособие / В. И. Горбаченко, К. Е. Савенков, М. А. Малахов. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2023. 217 с.

3. Ekmen I. (2023). Internet Banking Index as a measure of digital financial coverage in banking // *International Journal of Human Sciences*. Vol. 20. Iss. 1. Pp. 1–15.
4. Рукавицын А., Чжо Пе Вэй П'о Вей. Исследование динамики конечностей бионического шагающего робота // *Транспортное машиностроение*. 2023. № 1 (13). С. 14–23. DOI: <https://doi.org/10.30987/2782-5957-2023-1-14-23>.
5. Weidemann Carlo & Mandischer Nils & Kerkom Frederick & Corves Burkhard & Hüsing Mathias & Kraus Thomas & Garus, Caryl. (2023). Literature Review on Recent Trends and Perspectives of Collaborative Robotics in Work 4.0. *Robotics*. Vol. 12 (3). Pp. 1–30. 84. DOI: 10.3390/robotics12030084.
6. Calvo Roque & Yagüe-Fabra José & Tosello Guido. (2023). Special Issue Reprint Advances in Sustainable and Digitalized Factories: Manufacturing, Measuring Technologies and Systems. Basel, Switzerland. 398 p. ISBN 978-3-0365-7659-6.
7. Coronado E., Itadera S., Ramirez-Alpizar I. G. (2023). Integrating Virtual, Mixed, and Augmented Reality to Human–Robot Interaction Applications Using Game Engines: A Brief Review of Accessible Software Tools and Frameworks // *Applied Sciences*. Vol. 13. 1292. 10.3390/app13031292.
8. Mostafa El-Shafie, Shinji Kambara, Yukio Hayakawa. (2019). Hydrogen Production Technologies Overview. *Journal of Power and Energy Engineering*, Vol. 7. Pp. 107–154.
9. Bharadiya Jasmin & Thomas Reji & Ahmed Farhan. (2023). Rise of Artificial Intelligence in Business and Industry. *Journal of Engineering Research and Reports*. Vol. 25. Iss. 3. Pp. 85–103. 100807. DOI: 10.9734/JERR/2023/v25i3893.
10. Suprava Chakraborty, Santanu Kumar Dash, Rajvikram Madurai Elavarasan, Arshdeep Kaur, Devaraj Elangovan, Sheikh Tanzim Meraj, Padmanathan Kasinathan and Zafar Said. Hydrogen Energy as Future of Sustainable Mobility. In: *Frontiers. Sustainable planning and life cycle thinking of energy infrastructure*. Clemson University, Clemson, South Carolina (US). 2023. Pp. 141–163.
11. Bala Indu & Mijwil, Maad & Guma A. & Sadikoğlu Emre. (2023). Analysing the Connection Between AI and Industry 4.0 from a Cybersecurity Perspective: Defending the Smart Revolution. *Mesopotamian Journal of Big Data*. Vol. (2023). Pp. 63–69. DOI: 10.58496/MJBD/2023/009.

СИСТЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА: ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

О. Н. Шерстобоев

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
декан юридического факультета
кандидат юридических наук, доцент
sherson@yandex.ru

Аннотация. Взаимодействие систем административного права разных стран должно производиться с учетом специфики правовых систем в целом, особенностей становления и функционирования административного права. Важно, чтобы власти имплементировали зарубежный опыт, выбрали сопоставимые индикаторы, позволяющие провести качественный сравнительно-правовой анализ административно-правовой конструкции. Международное административное право — это относительно устойчивая концепция, которая с начала XX века периодически актуализировалась в работах по административному и даже международному праву. Сейчас она связана с проблемами действия административного права за рубежом, реализации международных договоров. Коллизионное административное право также заслуживает всестороннего обсуждения, а может быть, и практической реализации.

Ключевые слова: административное право, сравнительное административное право, административная реформа, международное административное право.

Abstract. Different countries have different the systems of administrative law, and they may interact with each other. Such interaction should be implemented taking into account the specific of legal systems, features of formation and development of administrative law. It is important that the authorities implement foreign experience and select comparable indicators that allow for a high-quality comparative legal analysis of the administrative law structure. International administrative law is a relatively stable concept that has been periodically updated in works on administrative and even international law since the beginning of the twentieth century. Now it is connected with the problems of the operation of administrative law abroad and the implementation of international treaties. Administrative conflict law also deserves comprehensive discussion, and perhaps practical implementation.

Key words: administrative law, comparative administrative law, administrative reform, international administrative law.

Проблемы взаимодействия, конвергенции правовых систем в целом в юридической науке представляются довольно популярными. О них пишут как отечественные, так и зарубеж-

ные авторы, часто в рамках сравнительно-правовых исследований. Такие работы представляют несомненный научный интерес, имеют практическое значение, поскольку авторы стремятся объяснить, какие системы способны к взаимодействию, как оно может осуществляться, кто является участником данного процесса. Следующим этапом изучения проблем взаимодействия правовых систем должно стать изучение отраслевых и межотраслевых конструкций, что может оказаться более продуктивным для представителей власти и иных лиц, задействованных в вопросах имплементации, рецепции правовых норм, институтов и иных юридических конструкций. Бурное развитие административного права, которым характеризуется правовая жизнь России в последние двадцать лет, требует активизации исследований в области сравнительного административного права. Следует, в частности, выделить типы административно-правовых доктрин и систем, пути их взаимодействия, особенности имплементации, позитивные и негативные черты. В этой работе дается характеристика двум путям такого взаимодействия, их условно можно назвать традиционным и нетрадиционным путем взаимодействия. Хотя эти наименования условны и указывают не столько на их содержание, сколько на востребованность среди властей разных государств.

Начать следует с традиционного взгляда на взаимодействие систем административного права. Его опорной конструкцией является весьма уважаемая концепция о внутренней структуре правовой системы, внутри которой выделяются частное и публичное право. Пожалуй, наиболее популярной теорией об этом является известная формула Ульпиана: «Публичное право, которое (относится) к положению Римского государства, частное, которое (относится) к пользе отдельных лиц; существует полезное в общественном отношении и полезное в частном отношении...» (Дигесты 1.1.1.2 Ульпиан). Критерий пользы, или цели, которая достигается через правовое воздействие на общественные отношения, позволяет обеспечивать имплементацию зарубежных юридических конструкций на микроуровне, руководствуясь соображениями пользы для собственного правопорядка. Например,

административное регулирование в праве стран англосаксонской и континентальной систем имеет существенное отличие. В таких условиях имплементировать «крупные юридические образования» одной системы в другую довольно затруднительно, а местами даже невозможно. При этом если государство сочтет полезным, то без труда можно имплементировать отдельные конструкции. Например, связанные с иммиграционным задержанием, порядком высылки иностранцев. На этом уровне принципиальные различия административных правопорядком нивелируются и, следовательно, открываются двери, через которые такое взаимодействие оказывается возможным. Так, внутри континентального права присутствуют две якорные системы административного права, сформированные в течение XIX-XX вв. во Франции и Германии. Они существенно отличаются и в исторической перспективе конкурируют друг с другом, но в более прикладных плоскостях эти системы прекрасно взаимодействовали друг с другом для взаимной выгоды государствам и народам. Более того, Э. Шмидт-Ассманн и С. Дагрон видят в этом процессе мощный импульс для инновационного развития обоих государств и наиболее естественный путь развития их систем административного права [15, s. 407, 467].

Очевидно, что взаимодействие систем частного и публичного права осуществляется собственными путями, что предопределено их спецификой, сформированной исторически и закрепленной в основополагающих источниках права. Так, гражданское право государства является естественным полем взаимодействия с другими аналогичными правовыми полями, что предопределено возможностью граждан перемещаться за пределы своей страны, торговать, осуществлять иные традиционные частные трансграничные контакты. В этих сферах взаимодействие правовых систем имеет глубокие исторические традиции, поскольку во все времена люди стремились идти навстречу друг другу для достижения своих частных интересов. Часто государственные границы не были для этого препятствием, а власти старались поощрять трансграничные связи, по крайней мере в экономической сфере. Уже в первых юридических документах Древней Руси, договорах великого

князя Олега с Византией (X в.), существенное место было отведено правилам о статусе иностранных купцов [4, с. 6–10, 30–35]. В современном частном праве легко найти множество правовых норм, открывающих возможность взаимодействия частных правопорядков разных государств. Ярким примером этому является международное частное право, а гражданские кодексы разных стран, как известно, опираются на исторические традиции (Дигесты, Институции), власти разных стран активно используют зарубежный опыт, модернизируя собственные частные правопорядки.

В результате многие государства развивали свое гражданское право параллельно, следовали одним и тем же правовым принципам и другим схожим правовым конструкциям. В отличие от частного, публичное право формировалось в иных исторических условиях, его содержание выстраивалось с учетом государственных интересов, которые могли существенно различаться в разных странах и разные эпохи. Национальная специфика публичных правопорядков определялась прежде всего четкой взаимосвязью с представлениями о государственном суверенитете, национальных интересах, они формировались собственной бюрократией, которая часто не видела смысла в изучении зарубежного опыта, следуя своему видению правового режима организации государственной власти.

При этом публичные правопорядки государств никогда не были абсолютно закрытыми и недоступными для взаимодействия друг с другом. Властям приходилось во все времена искать лучшие управленческие решения, они могли находиться в иностранном законодательстве и практике его реализации. Значительную роль в этом процессе играла правовая идеология, которая формировалась внутри юридической доктрины. При том что единство доктринальных взглядов так же, как и в частном праве, во многом опиралось на достижения римского права, некоторые из которых получили развитие в средневековом каноническом праве. Иными словами, римские и канонические формулы, до определенной степени воспринятые властями стран, представляющих системы общего и континентального права, позволили властям разных госу-

дарств общаться на одном юридическом языке, понимать правовую действительность друг друга, а значит, выстраивать механизмы взаимодействия систем публичного (административного) права.

Так, Э. Бернатцик, один из основоположников доктрины австрийского административного права, отмечал, что римские юридические термины позволяют лучше понять суть административного права, поскольку римская идеология и в конце XIX в. составляла основу европейской правовой жизни. Заметный вклад в утверждение римских устоев публичного права внесли средневековые церковные власти, которые использовали римские конструкции для организации собственной власти, в том числе и в светской части их деятельности. Затем, в период активного формирования централизованной светской власти, государи смогли воспроизвести часть канонических принципов, а римские формулы помогли им обосновать структуру и содержание некоторых аспектов их управленческой деятельности [7, s. 29–32]. М. Ориу, известный французский мыслитель в области административного права, также призывал к изучению римских и канонических книг. По его мнению, читатели были бы удивлены, обнаружив схожий юридический язык, который использовали авторы прошлого с языком современного административного права [9, p. 56–57].

Таким образом, точные формулировки римского и частично канонического права составили «первоначальную» терминологию административного права в период его зарождения. Столкнувшись с новыми реалиями, юристы XIX–XX вв. часто предпочитали адаптировать известные и хорошо работавшие римские конструкции для объяснения современных им реалий, складывавшихся в системе государственного управления, рассмотрения административных споров, защиты субъективных публичных прав. Конечно, и мотив общего исторического контекста, в котором формировалась система управления государствами, также сыграл важную роль, позволяя властям сопоставлять свое право с юридическими конструкциями, принятыми в близких системах административного права [10, p. 436]. Сравнительное административное правоведение в этих условиях шаг за шагом преврати-

лось из учебной и познавательной дисциплины в инструмент правовой политики государства, позволило проводить реальные реформы управления, воспринимать лучшие практики, избегать некачественных решений [15, s. 467].

Этот подход, основанный на римском и каноническом праве, юридической доктрине, во многом сформированной в университетах, особенностях исторического развития государств, позволил разным странам выстраивать схожие управленческие модели. Результатом этого процесса стало то, что сегодня публичное право разных стран может определяться схожими показателями, которые и позволяют осуществлять сопоставимые исследования систем управления, соответствующих правовых норм, практики и доктрины. В итоге лучшие зарубежные практики (или практики, которые могут показаться лучшими) могут применяться при совершенствовании административного законодательства, обосновании практики его реализации. Безусловно, правильные показатели — это важнейшее условие результативности сравнительно-правового анализа, и юридическая доктрина представляет качественный материал для формирования их выборки, а также должного понимания смысла иностранных административно-правовых конструкций. К сожалению, власти не всегда следуют этому правилу, предпочитая копировать зарубежное законодательство, иногда практику и оставляя за бортом административных реформ доктринальные выводы. Может случиться, что выбор «лучшей» зарубежной практики объясняется исключительно политическими, экономическими или иными предпочтениями, без необходимого анализа всех составляющих, обуславливающих принятие за рубежом регулятивных моделей. В таком случае техническое копирование иностранных правил вызывает к жизни усеченные доктрины, которые не способны в полном объеме решать практические задачи, то есть выполнять их изначальное предназначение.

Так, показательна недавняя административная реформа, которую российские власти провозгласили в начале XXI в. Было объявлено, что власти изучат лучший зарубежный опыт, а затем примут правовые нормы, более современные и более подходящие российскому административному праву. Нужно

отметить, что ряд качественных показателей был достигнут, и теперь каждый житель России может воспользоваться результатами реформы. Прежде всего— в официальных зданиях отсутствуют толпы людей, желающих получить какую-либо государственную услугу и вынужденных тратить на это значительное время. В этом качестве была реализована концепция сервисного государства. Однако, и это широко известно, имелись и недостатки.

Например, отношения между органами публичного управления и гражданами (организациями) в ходе реформы были урегулированы административными регламентами. Значение регламентов очевидно: в них подробно регламентируются действия должностных лиц, реализующих управленческие функции. Этим достигается предсказуемость управленческих решений, минимизируется возможность действий на основании усмотрения, защищаются права и законные интересы граждан и организаций. Тем не менее в этой части реформа иллюстрирует случай неполной (усеченной) административно-правовой доктрины. С одной стороны, властям удалось воплотить в жизнь важную часть теории, требующей детального описания взаимоотношений, складывающихся по формуле «орган власти — гражданин». С другой стороны, вторая часть теории посвящена системе защиты, которая применяется после нарушения прав граждан или возникновения угрозы этим правам. Она представлена в учении об административных процедурах, которое объективировано в соответствующих законах, широко известных в странах континентальной правовой семьи. Эту теорию можно обнаружить и в судебных решениях, а также в трудах по административному праву. В таком смысле административные регламенты не являются самоцелью, а также важнейшей составляющей системы управления, первое место в ней занимают так называемые принципы административных процедур. В этой части российская реформа оказалась незавершенной, а значит, и регламенты не достигли максимального результата.

Справедливости ради нужно отметить, что в последнее время появились важные судебные акты, которые указывают на эти принципы, а также включают ряд иных элемен-

тов теории административных процедур. Прежде всего, следует назвать Постановление Пленума Верховного суда РФ № 21 (2022 г.)¹. В нем определяются особенности разрешения судами административных споров, в том числе с учетом принципов пропорциональности, защиты доверия. Впервые в отечественной практике официально проявилась теория благоприятных и неблагоприятных административных актов. Фактически Пленум Верховного суда РФ, опираясь на конституционные нормы, восполнил пробелы законодательства. Иными словами, если бы авторы реформы, приступая к ней, изучили правовую карту мира, то они смогли бы выявить схожие системы административного права, изучить весь механизм правового регулирования, а не отдельные его части. В этом случае метод сравнительного правоведения дал бы более полезные результаты, а суды могли бы направить свою энергию на решение других полезных задач.

Второй канал для взаимодействия между системами административного права — это противоречивая, но интересная теория международного административного права. Сущность этой конструкции и даже ее возможность до сих пор вызывают дискуссии среди ученых и практиков, но сам термин довольно устойчив, а современное состояние трансграничных отношений требует приглядеться к теории более пристально. Этот термин, вероятно, был создан немецкими учеными в конце XIX — начале XX вв., а их идеи основывались на практике взаимодействия немецкоязычных государств. Популярным примером, иллюстрирующим теорию, являются соглашения о применении иностранных административно-правовых норм. Так, в 1829 г. Австрия и Бавария договорились обеспечить безопасность горных работ в Дюрренберге, и баварские власти смогли осуществлять свою исполнительную власть на австрийской территории [8, р. 364].

---

¹ О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства РФ и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ: постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2022 года № 21. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/31334/> (дата обращения: 04.05.2024).

Считается, что в таком контексте «международное административное право» (*Internationales Verwaltungsrecht*) впервые описал Л. Штейн в 1866 г. [8, р. 364]. О. Майер, отец немецкого административного права, также использовал этот термин, посвятив в 1896 г. международному административному праву параграф второго тома своей основополагающей работы «Немецкое административное право». В ней термин характеризовался как новый и дискуссионный, но известный специалистам и вполне им понятный. По мнению О. Майера, международное административное право — это система правовых норм внутригосударственного административного права, определяющих отношения, складывающиеся за пределами государства (деятельность консульских учреждений), а также принятых в развитие международных обязательств государства [11, s. 455–458, 460–461].

Представители системы общего права заговорили о международном административном праве практически параллельно с континентальными коллегами. Чаще всего в связи с этим цитируется мнение П. С. Рейнша (1909 г.). Автор призывал публичные администрации сотрудничать по наиболее значимым управленческим проблемам, решение которых в одностороннем порядке невозможно. В частности, он упомянул трансграничные перевозки, борьбу с преступностью, защиту товарных знаков, здравоохранение и стандарты общественного питания. Единые правила и процедуры, полагал Рейнш, усилят прозрачность управления, что скажется на большей определенности в административном праве [14, р. 4, 6–8, 12–13].

В представленном видении международного административного права от властей требуется унификация правил, обеспечивающих деятельность исполнительных органов в определенных сферах. Такие нормы фактически дополняют международные обязательства, заставляют их работать, но сами они остаются внутри внутригосударственной отрасли административного права. Этот взгляд выстраивается вокруг базовой идеи — государство обязано соблюдать международные обязательства, но без его воли эти обязательства не возникают [5, с. 10], при этом «государство санкционирует непо-

средственное применение международно-правовых норм во всех сферах административных правоотношений» [3, с. 109]. В таком контексте международное административное право необходимо как раз для «обеспечения баланса внутрисударственных и наднациональных правовых регуляторов организационных отношений, связанных с участием российского государства в международных интеграционных процессах» [2, с. 46].

Наряду с этой вполне очевидной точкой зрения был сформулирован более сложный и противоречивый подход, в котором международное административное право рассматривалось по аналогии с международным частным правом. Его автором являлся известный немецкий юрист-международник К. Ноймайер, опубликовавший в 1910 г. первый том объемного многотомника «*Internationales Verwaltungsrecht*». Автор предложил идею коллизионного административного права, которое регулировало бы применение национального публичного права за рубежом, и предложило определять признание иностранных административных актов. Основная идея Ноймайера состоит в том, что современные государства не могут не взаимодействовать друг с другом, следовательно, их публично-правовые порядки также должны взаимодействовать [12, s. III, IV]. Эта позиция остается дискуссионной среди специалистов как по административному, так и по международному праву, поскольку вопрос о том, каким образом суверенная власть может следовать иностранным административным актам, кажется по меньшей мере странным и в теории публичного права на него нет однозначного ответа. К. Ноймайер использовал известный и часто эксплуатируемый его коллегами метод. Еще в XIX в. правоведы, встретив новые публично-правовые явления, сопоставляли их с хорошо функционирующими частноправовыми конструкциями, оставляли принципы и общие формы, а затем помещали в них новое публично-правовое содержание. Полученный итог оказывался похожим на свои прототипы, но, подчиняясь управленческой логике, приобретал иное звучание.

Так, в варианте публичного коллизионного права отдельные лица и организации лишались возможности выбора

административно-правового режима [16, s. 18–19]. Им не позволялось выбирать собственный или иностранный правопорядок, привязки таким образом оказывались более жесткими, в сравнении с международным частным правом, основанном на свободе воли участников правоотношений. Кстати, предложенные решения являлись ключом к многочисленной критике идеи международного административного права в варианте Ноймайера. Однако уже в наше время идея приобрела новый импульс. Так, К. Олер сформулировал классическое мнение в пользу коллизионного административного права. Во-первых, публичное право обеспечивает правопорядок и тесно связано с создавшим его государством, гарантирует его существование. Эти отношения могут быть организованы горизонтально. Они складываются между государствами, реализующими международные договоры, в рамках которых власти принимают большое количество нормативных правовых актов, предполагающих трансграничное действие. Во-вторых, ради общего блага, правительства обязаны задействовать функцию международной координации, особенно в сфере экономики. Современные власти предпочитают реализовывать ее через гармонизацию национального законодательства, но этот метод подходит не для всех ситуаций и страдает от промедлений. Результатом таких решений может стать конфликт между публичными правопорядками разных государств. В-третьих, выходом из конфликта могут стать односторонние шаги национальных властей, а наиболее подходящий метод решения задачи заключается в теории коллизионного права. Немаловажно, что коллизионное право в большей степени, чем международная гармонизация законодательства, связано с идеей государственного суверенитета, поэтому его реализация не противоречит общим принципам публичного права, в том числе административного права [13, s. 1–2, 6, 10 ff].

Необходимо добавить, что определение государства и вопросы суверенитета никогда не были частью доктрины административного права. Эти вопросы решаются конституционным правом. Поскольку и государство, и суверенная власть определены и закреплены конституцией, то их нали-

чие в рамках административного права подразумевается, является очевидным фактом. Власти всегда обладают полномочиями по защите публичных интересов, но такие интересы могут быть множественными и даже подразумевать учет иностранного публичного порядка. Государство, как метко заметил Э. Шмидт-Ассманн, не нуждается в раскрытии заново, а коллизионный смысл международного административного права очевиден и связан с множеством трансграничных связей, при которых публичные порядки разных стран становятся более открытыми друг другу [16, s. 30]. В этом смысле нельзя согласиться с точкой зрения том, что международное административное право посягает на государственный суверенитет [1, с. 164–169].

Второй подход к международному административному праву актуализировался в контексте наднациональных объединений. Так, внимание современной юридической науки, по мнению Я. Хандрлица, к этой конструкции возникло после «увеличения количества источников права ЕС, предусматривающих случаи с иностранным элементом в административных отношениях» [8, р. 373]. Представляется, что развитие Евразийского экономического союза также заставит рассмотреть вопросы коллизионного регулирования в административном праве государств-членов этой организации. Так, О. А. Ястребов, А. Е. Парфентьева связывают международное административное право с увеличением влияния международных и наднациональных организаций и органов. В частности, создание Таможенного союза ЕврАзЭС (2007 г.) вызвало к жизни не только наднациональные нормы, но и предписания государств-членов. Они дополняют друг друга, образуют единый механизм регулирования, реализуются органами государственного управления и определяют правовой статус граждан (организаций) [6, с. 32–36]. Например, следует ответить на вопрос: может ли российский суд ссылаться на административное право Казахстана, если товары были ввезены из Казахстана в Россию в условиях единой таможенной территории? Сейчас нет точного ответа на этот вопрос, но его поиск откроет новые грани взаимодействия систем административного права разных стран. Представляется, что российский суд

может расценивать иностранные правовые нормы и административные акты как доказательства в конкретном правовом споре. Судебное законодательство, по крайней мере, прямо этого не запрещает.

В заключение можно сформулировать несколько выводов. Во-первых, традиционный и наиболее востребованный канал взаимодействия систем административного права разных стран основан на применении сравнительно-правового метода. Государства изучают лучшие зарубежные практики в разрезе законодательства, актов его реализации, юридической доктрины. Важно правильно определить индикаторы, необходимые для сравнения, для чего необходимо внимательно изучать правовую карту мира, которая предоставляет ключ к пониманию возможности и степени имплементации зарубежных административно-правовых конструкций. Во-вторых, международное административное право — это устойчивая концепция, сформулированная в конце XIX — начале XX вв., как часть внутригосударственного административного права. Она представляет еще один, более сложный канал взаимодействия систем административного права. В-третьих, эта концепция во все времена оставалась спорной, но с самого начала внутри нее сформировалось два основных взгляда на содержание международного административного права. Согласно первому, оно включает административно-правовые нормы, регулирующие отношения, складывающиеся в связи с реализацией международных договоров, а также нормы о действии административного права за рубежом. Второй подход связан с идеей коллизионного административного права. Оно закрепляет привязки к собственному или иностранному административным правовым порядкам, позволяет признавать иностранные административные акты. В любом случае концепция международного административного права может открыть новые перспективы для взаимодействия систем административного права.

Литература

1. Демин А. А. К проблеме международного административного права // Вестник Университета им. А. Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 2. С. 164–169.

2. Ноздрачев А. Ф. Интеграционные процессы и проблемы формирования современной концепции международного административного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 6. С. 36–49. DOI: 10.61205/jzsp.2023.079.
3. Общее административное право / под ред. Ю. Н. Старилова. Ч. 1. Воронеж: ВГУ, 2016. 759 с.
4. Памятники русского права / под общ. ред. С.В. Юшкова. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. / сост. А. А. Зимин. М.: Юридическая литература, 1952. 287 с.
5. Тункин Г. И. Основы современного международного права. М., 1956. 48 с.
6. Ястребов О. А., Парфентьева А. Е. Тенденции глобализации и международное административное право // Юрист. 2016. № 15. С. 32–36.
7. Bernatzik E. Rechtsprechung und materielle Rechtskraft: Verwaltungsrechtliche Studien. Wien: Manz, 1886. 346 s.
8. Handrlica J. Two faces of “international administrative law” // Juridical Tribune. 2019. Vol. 9. Iss. 2. P. 363–376.
9. Hauriou M. Précis de droit administratif et de droit public. Paris: L. Larose & Forcel, 1893. 846 p.
10. Loughlin M. Foundations of Public Law. Oxford: Oxford University Press, 2010. 515 p.
11. Mayer O. Deutsches Verwaltungsrecht. Bd. 2. Leipzig: Verlag von Duncker und Humblot, 1896. 503 s.
12. Neumeyer K. Internationales Verwaltungsrecht. Band 1. München and Berlin: J. Schweitzer, 1910. 560 s.
13. Ohler Ch. Die Kollisionsordnung des Allgemeinen Verwaltungsrechts. Strukturen des deutschen Internationalen Verwaltungsrechts. Tübingen: Mohr Siebeck, 2005. 405 s.
14. Reinsch P. S. International Administrative Law and National Sovereignty // The American Journal of International Law. 1909. Vol. 3. № 1. P. 1–45.
15. Schmidt-Aßmann E., Stéphanie D. Deutsches und französisches Verwaltungsrecht im Vergleich ihrer Ordnungsideen — Zur Geschlossenheit, Offenheit und gegenseitigen Lernfähigkeit von Rechtssystemen // ZaöRV. 2007. Band 67. S. 395–468.
16. Schmidt-Aßmann E. Internationales Verwaltungsrecht: Begriffsbildung im Spiegel veränderter Staatlichkeit // Revista Digital de Direito Administrativo. 2017. Vol. 4. № 1. S. 15–31. DOI: <https://doi.org/10.11606/issn.2319-0558.v4i1p15-31>

СУД ПРИСЯЖНЫХ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н. Н. Турецкий

Институт законодательства и правовой информации
Республики Казахстан
главный научный сотрудник
доктор юридических наук
e-mail: tnnik@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности, преимущества и недостатки суда с участием присяжных заседателей в Казахстане, этапы и результаты его реформирования, перспективы развития.

Ключевые слова: суд, присяжные заседатели, судопроизводство, судебная система.

Abstract. The article discusses the features, advantages and disadvantages of the court with the participation of jurors in Kazakhstan, the stages and results of its reform, development prospects.

Key words: court, jurors, legal proceedings, judicial system.

Суд присяжных в Казахстане — относительно молодой институт судебной системы, в отличие от российского суда присяжных, который берет свои истоки со времен Российской империи. Данный институт, упраздненный после революции 1917 года, в постсоветское время был возрожден в Российской Федерации в 1993 году.

В Казахстане о нем начали говорить спустя 5 лет, после внесения в 1998 году поправок в ст. 75 Конституции о возможности осуществления уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей. И лишь в 2007 г. он начал свою деятельность. В связи с этим можно сказать, что российский суд присяжных стал для Казахстана ближайшим примером реализации данного института на практике.

И на заре его становления, и в настоящее время между учеными и практиками ведутся споры о целесообразности, своевременности введения в судебную систему суда с участием присяжных заседателей, его структуре и модели. При этом сторонниками суда присяжных в основном выступали адвокаты, ученые-юристы, Уполномоченный по правам человека, представители Верховного суда, казахстанских и международных НПО, Мажилиса. Другая часть судей Верховного суда РК, работ-

ники прокуратуры, а также представители Правительства РК считали более приемлемой смешанную модель суда, в состав которого входят и профессиональные судьи, и присяжные из числа граждан нашей страны. А некоторыми учеными-юристами высказывалась точка зрения о преждевременности введения рассматриваемого института в казахстанское судопроизводство. К примеру, Г. Сулейменова, соглашаясь с позицией российских ученых (А. Д. Бойков, Л. Д. Кокорев и др.), считает, что экономическая нестабильность, низкий уровень правовой культуры граждан, кризисные моменты становления правовой системы будут препятствовать нормальному функционированию суда присяжных [10].

16 января 2006 года был принят Закон Республики Казахстан № 121-III «О присяжных заседателях», в котором была закреплена смешанная модель суда присяжных заседателей, а в 2007 году состоялся первый процесс с их участием.

Первоначально в состав смешанной модели суда входили 9 присяжных и 2 судей областных судов (судов г. Алматы и Астана).

В дальнейшем в процессе деятельности суда присяжных выявлялись и устранялись недостатки и пробелы, совершенствовалась его структура, сужались и расширялись рамки его применения и т. д.

Так, Законом Республики Казахстан от 10 декабря 2009 г. № 227-IV «О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы Республики Казахстан по вопросам совершенствования судебной системы» были внесены изменения в ст. 544 УПК относительно состава суда с участием присяжных заседателей: с 2010 г. по настоящее время в него входят 1 профессиональный судья и 10 присяжных заседателей.

Смешанная модель казахстанского суда присяжных неоднократно подвергалась критике со стороны юристов. Н. П. Ковалев, отмечает, что «результаты социологических исследований, а также ряд случаев, которые стали известны благодаря репортажам в СМИ, подтвердили... гипотезу о влиянии судей на процесс принятия решений в смешанном суде» [4]. В качестве примера можно привести инцидент с участием

присяжных заседателей в Карагандинской области, которые пожаловались на то, что судья оказывал на них давление с целью вынесения подсудимому обвинительного приговора [2].

Кроме того, не исключены случаи давления на присяжных со стороны других заинтересованных участников процесса, а также лиц, связанных с ними.

Относительно количества присяжных заседателей интересна позиция представителей Республиканской коллегии адвокатов по развитию суда присяжных в Республике Казахстан. Они предлагают расширить состав коллегии присяжных до 12 человек. По их мнению, «изменение числа кандидатов в присяжные направлено на замену существующей смешанной модели суда, где судья выносит приговор совместно с заседателями, на классическую модель суда присяжных с двенадцатью представителями народа, разрешающими вопрос факта по существу без помощи судьи» [6].

К слову, модель, при которой присяжные заседатели самостоятельно без профессиональных судей решают вопрос только о виновности подсудимого, а профессиональный судья на основании вердикта присяжных заседателей о виновности решает вопрос о квалификации деяния и мере наказания, считает эффективной и значительная часть казахстанских судей [4].

В ходе реформирования суда с участием присяжных заседателей несколько раз менялся перечень подсудных ему дел. Он то расширялся, то сужался, и в зависимости от этого менялась (иногда довольно резко) статистика по делам, рассмотренным с участием суда присяжных.

С начала деятельности суда с участием присяжных заседателей ему были подсудны лишь дела об особо тяжких преступлениях, за которые в качестве наказания могла быть назначена смертная казнь. «В первые три года существования института количество дел, рассмотренных судом с участием присяжных, хотя и увеличилось почти вдвое (в 2007 г. — 36 дел, в 2008 г. — 42 дела, 2009 г. — 60 дел), но одновременно оставалось очень редкой формой уголовного производства в силу очень узкой подсудности» [5].

В 2009 году Законом Республики Казахстан № 227-IV «О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы Республики Казахстан по вопросам совершенствования судебной системы» перечень преступлений, дела по которым могут быть рассмотрены судом с участием присяжных заседателей, был расширен — в него были включены все особо тяжкие преступления, за исключением особо оговоренных в законе (государственная измена, шпионаж, посягательство на жизнь Президента РК, насильственный захват власти, вооруженный мятеж, терроризм с квалифицирующими признаками). «Этот шаг привел к резкому увеличению дел, рассматриваемых с участием присяжных. В 2010 г. было рассмотрено 265 дел, а в 2011г. — 339 дел» [5].

С 2012 года перечень рассматриваемых с участием присяжных заседателей дел начал сокращаться. «В феврале 2012 г. список исключений из подсудности смешанного суда дополнился еще целым рядом преступлений, таких как наемничество, диверсия, пять преступлений террористической направленности. В июле 2013 г. из подсудности также были исключены дела об убийствах, совершаемых организованной группой, дела о контрабанде, дела о незаконном обороте наркотиков» [4].

Согласно ч. 1 ст. 52 УПК РК 2014 года, уголовные дела в судах первой инстанции по делам о преступлениях, за совершение которых уголовным законом предусмотрено пожизненное лишение свободы, а также по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 125 (похищение человека), ч. 4 ст. 128 (торговля людьми), ч. 5 ст. 132 (вовлечение несовершеннолетнего в совершение уголовных правонарушений), ч. 4 ст. 135 (торговля несовершеннолетними), по ходатайству обвиняемого рассматриваются в составе 1 судьи и 10 присяжных заседателей, за исключением дел об убийствах, совершенных в условиях чрезвычайной ситуации и в ходе массовых беспорядков, о воинских преступлениях, совершенных в военное время или боевой обстановке, об особо тяжких преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних и о преступлениях, предусмотренных ч. 4 ст. 170 (наемничество),

ст. 175 (госизмена), 177 (посягательство на жизнь Первого Президента РК), 178 (посягательство на жизнь Президента РК), 184 (диверсия), ч. 4 ст. 255 (акт терроризма), ч. 5 ст. 263 (создание, руководство, участие в преступном сообществе), ч. 4 ст. 286 (контрабанда изъятых из обращения предметов или предметов, обращение которых ограничено), ч. 4 ст. 297 (незаконные изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка в целях сбыта, пересылка либо сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов), ч. 4 ст. 298 (хищение либо вымогательство наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов), ч. 4 ст. 299 (склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов) Уголовного кодекса Республики Казахстан.

Ограничение перечня на законодательном уровне «привело к катастрофическому сокращению количества дел, рассматриваемых судом с участием присяжных в РК. Так, в 2013 г. было рассмотрено 190 дел, в 2014г. — 64 дела, а в 2015г. лишь 42 дела. Благодаря данному изменению подсудности снижение количества дел с 2012 до 2015 года составило 84,8 %. Фактически это привело к сокращению использования суда с участием присяжных заседателей практически до уровня 2008 г., когда подсудность была ограничена только делами о преступлениях, за совершение которых уголовным законом предусмотрена смертная казнь» [5].

Данная тенденция не могла не обратить на себя внимание профессиональных судей, адвокатов, ученых-юристов. 26 октября 2018 года, выступая на круглом столе «Совершенствование суда с участием присяжных заседателей в Казахстане», Председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Казахстан А. Д. Рахметуллин отметил назревшую необходимость расширения подсудности дел суду присяжных за счет уголовных дел по всем особо тяжким преступлениям, за некоторым исключением. В свою очередь, судья Верховного суда С. К. Абнасиров сообщил, что Генеральная прокуратура предлагает расширить подсудность дел суду присяжных по всем преступлениям, повлекшим смерть человека, в том числе по делам, связанным с ДТП [1].

Законом Республики Казахстан от 27 декабря 2019 г. № 292-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и усиления защиты прав личности» перечень преступлений, дела по которым могут рассматриваться судом с участием присяжных, был увеличен на 16 составов, т. е. в него были включены почти все особо тяжкие преступления. В законе было оговорено, что данные изменения вступают в силу с 1 января 2023 года.

29 декабря 2022 года Президент Республики Казахстан К. К. Токаев подписал Закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан по расширению категорий дел, рассматриваемых судом с участием присяжных заседателей», согласно которому перечень дел, подсудных суду с участием присяжных заседателей, с 1 января 2024 года будет увеличен на 13 составов тяжких и менее тяжких преступлений.

Таким образом, как отметил председатель судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РК А. Жукенов, «в целом к подсудности суда присяжных заседателей будут отнесены 44 состава. Расширение подсудности суда присяжных будет способствовать демократизации судебной системы и повысит доверие к ней со стороны общества. Позволит в большей степени реализовать главные принципы уголовного судопроизводства: состязательности сторон, презумпции невиновности и другие» [7].

Однако, несомненно, расширение подсудности суда присяжных само по себе не решит назревшие проблемы в этой области судопроизводства. А их накопилось немало. Среди них — низкий уровень правовой культуры кандидатов в присяжные заседатели; частая отмена оправдательных вердиктов, вынесенных ими, в апелляционной инстанции; несоблюдение разумных сроков судебного разбирательства и др.

Как отмечают профессиональные судьи, «самым ощутимым недостатком является то, что присяжные заседатели не обладают специальными знаниями в области права. Это обстоятельство мешает им получить адекватное представ-

ление о рассматриваемом деле. У большинства из них отсутствует опыт участия в судебных процессах, поэтому они нередко обращаются за разъяснениями к председательствующему судье. Некоторые из заседателей, например, считают, что состояние алкогольного или наркотического опьянения — это смягчающее обстоятельство, а дача взятки не является преступлением<...> необходимо сделать акцент и на психологическую устойчивость присяжных. Поскольку стороны в судебном процессе могут использовать различные уловки и ухищрения, воздействующие на сознание присутствующих в зале судебного заседания, то присяжные заседатели оказываются под сильным психологическим давлением» [11].

Между тем практически все — судьи, депутаты Парламента, представители адвокатского сообщества, ученые-юристы — отмечают высокий потенциал суда присяжных заседателей в повышении качества правосудия и укреплении законности. Но, чтобы его реализовать, необходимы продуманные реформы данного института.

В настоящее время все чаще заходит речь о переходе от смешанной модели суда присяжных к классической версии, согласно которой присяжные определяют вину подсудимого, а судья — меру наказания. Так, депутат Е. К. Мамытбеков считает, что «только при условии самостоятельного вынесения вердиктов присяжными будет обеспечена прозрачность и справедливость» [9].

Как показали результаты опроса адвокатов, проведенного Центром исследования правовой политики, большая часть из них не поддерживает процедуру совместного совещания и принятия решений судьями и присяжными заседателями, т. е., по их мнению, «судьи и присяжные не должны совещаться и принимать решение вместе. Большинство адвокатов, принимавших участие в процессах с участием присяжных... отметили, что наблюдали тенденциозность судьи в пользу стороны обвинения, т. е. ситуации, когда судья выражал свое предпочтение стороне обвинения при допросе свидетелей защиты и подсудимого в суде с участием присяжных» [3].

По мнению профессора Г. Сулейменовой, которая также является сторонницей классической модели суда присяж-

ных, «суд не должен вмешиваться в деятельность присяжных заседателей. Они должны выносить вердикт самостоятельно и решать вопросы только виновности или невиновности, без участия председательствующего в совещательной комнате» [8].

Данное предложение, несомненно, имеет под собой рациональную почву. Однако, по нашему мнению, реализовывать его следует не раньше, чем будут приняты и принесут свои плоды меры по повышению юридической грамотности населения нашей страны.

Литература

1. В Верховном Суде обсудили вопросы совершенствования института присяжных заседателей. URL: <https://sud.gov.kz/rus/news/v-verhovnom-sude-obsudili-voprosy-sovershenstvovaniya-instituta-prisyaznyh-zasedateley> (дата обращения 11.04.2023).
2. В Караганде суд оштрафовал присяжных, обвинивших служителя Фемиды в оказании давления. URL: <https://informburo.kz/novosti/v-karagande-sud-oshtrafoval-prisyaznyh-obvinivshih-sluzhitelya-femidy-v-okazanii-davleniya.html> (дата обращения: 04.05.2023).
3. Зинович Т. Суд присяжных в Казахстане: за и против. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37023827&pos=4;-108#pos=4;-108 (дата обращения: 11.05.2023).
4. Ковалев Н. П. Реформы судопроизводства с участием присяжных заседателей в Казахстане в последние десять лет. URL: <https://lprc.kz/wp-content/uploads/2020/05/KOVALEV-Nikolaj.pdf> (дата обращения: 11.04.2023).
5. Нурумов Д. Проблемы с судом присяжных в РК. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37667458 (дата обращения: 17.05.2023).
6. Позиция Республиканской коллегии адвокатов по развитию суда присяжных в Республике Казахстан. URL: [https://advokatura.kz/webroot/js/kcfinder/upload/files/%D0%9F%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%8F%D0%20%D0%A0%D0%9A%D0%90%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%8F%D0%B6%D0%BD%D1%8B%D1%85%20\(2\).docx](https://advokatura.kz/webroot/js/kcfinder/upload/files/%D0%9F%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%8F%D0%20%D0%A0%D0%9A%D0%90%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%8F%D0%B6%D0%BD%D1%8B%D1%85%20(2).docx) (дата обращения: 17.05.2023).
7. Президент РК подписал поправки в законодательство о судах с участием присяжных заседателей. URL: https://www.inform.kz/ru/prezident-rk-podpisal-popravki-v-zakonodatelstvo-o-sudah-s-uchastiem-prisyaznyh-zasedateley_a4018335 (дата обращения: 10.05.2023).
8. Придерживаться классической модели суда присяжных в Казахстане призвала эксперт. URL: <https://kazpravda.kz/n/priderzhivatsya-klassicheskoy-modeli-suda-prisyaznyh-v-kazahstane-prizvala-ekspert/> (дата обращения: 20.04.2023).

9. Содоклад депутата Мамытбекова Е. К. на заседании Комитета по проекту Закона Республики Казахстан «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан по расширению категорий дел, рассматриваемых судом с участием присяжных заседателей» 06.12.2022. URL: <https://senate.parlam.kz/ru-RU/blog/552/news/details/27314> (дата обращения: 22.04.2023).
10. Сулейменова Г. Введение суда с участием присяжных заседателей в Казахстане: идеи и суждения. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37208300&pos=1;-16#pos=1;-16 (дата обращения: 17.05.2023).
11. Тухфатова Д. Суд присяжных заседателей: проблемы при рассмотрении уголовных дел. URL: <https://atr.sud.kz/rus/massmedia/sud-prisyazhnyh-zasedateley-problemy-pri-rassmotrenii-ugolovnyh-del-sudya-atyrauskogo> (дата обращения: 11.05.2023).

ПРИНЦИПЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА КАЗАХСТАНА: ОСОБЕННОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

А. А. Макарецв

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
декан факультета государственного сектора
кандидат юридических наук, доцент
Makarzew@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ принципов избирательного права Казахстана, их системы, особенностей закрепления в национальном законодательстве. По мнению автора, содержательная характеристика принципов избирательного права Казахстана определяется тем, что любое государство имеет ту избирательную систему, которая наиболее полно и эффективно отражает интересы всех избирателей. При этом их ограничения, вводимые с целью защиты национальной избирательной системы, должны быть разумными, пропорциональными внешним и внутренним вызовам.

Ключевые слова: избирательное право, принципы избирательного права, Республика Казахстан, избирательное законодательство.

Abstract. The article analyzes the principles of electoral law in Kazakhstan, their system, and the features of their consolidation in national legislation. According to the author, the substantive characteristics of the principles of electoral law in Kazakhstan are determined by the fact that

any state has an electoral system that most fully and effectively reflects the interests of all voters. At the same time, their restrictions, introduced in order to protect the national electoral system, must be reasonable and proportional to external and internal challenges.

Key words: electoral law, principles of electoral law, Republic of Kazakhstan, electoral legislation.

Конституция Казахстана закрепляет основы национальной избирательной системы, в том числе и принципы избирательного права. Необходимо отметить, что Конституция не имеет отдельной главы, группы статей или специальной статьи, посвященных непосредственно выборам или национальной избирательной системе. В литературе подобная структура основного закона отмечается в качестве недостатка: «несмотря на общественно-политическую значимость этого института, в Конституции Казахстана ему посвящено всего несколько статей, фрагментарно определяющих условия предоставления избирательных прав, принципы и некоторые другие вопросы, относящиеся к избирательному процессу» [1, с. 99; 2, с. 42]. При этом подобный подход можно признать проявлением сформировавшейся в постсоветское время конституционной традиции, присущей не только Казахстану, но и другим бывшим советским республикам¹. В Конституции (Основном законе) РК 1978 г. была отдельная глава, посвященная избирательной системе (ст. 84–90). Но в уже первой постсоветской Конституции Казахстана 1995 г. отсутствовала глава (раздел), закрепляющая избирательную систему.

В действующей Конституции РК в разделах, посвященных отдельным органам и должностным лицам государства, прописывается способ их формирования. Например, в ст. 41 третьего раздела закрепляются, во-первых, уровень правого

---

¹ Подобный недостаток отмечается рядом авторов и в отношении Конституции Российской Федерации. См.: Вешняков А. А. Избирательные стандарты в международном праве и их реализация в законодательстве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 1997. С. 5; Постников А. Е. Законодательство о выборах, референдумах и отзыве // Конституционное законодательство в России / под. ред. Ю. А. Тихомирова. М., 1999. С. 240; Миронов Н. М. Институт избирательных комиссий в России: тенденции развития и роль в избирательном процессе // Сравнительное конституционное право. 2007. № 2 (59). С. 50.

регулирования организации и проведения выборов главы государства (Президент Казахстана избирается в соответствии с конституционным законом совершеннолетними гражданами Республики), во-вторых, принципы проведения выборов (на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании); в-третьих, устанавливается срок исполнения Президентом своих полномочий (семь лет); в-четвертых, закрепляет требования, предъявляемые к кандидату.

Непосредственное закрепление и характеристика принципов избирательного права Казахстана получили в Конституционном законе РК от 28 сентября 1995 г. «О выборах в Республике Казахстан» [3] (далее — КЗ РК «О выборах в Республике Казахстан»). Согласно ст. 3 Закона выборы всех органов публичной власти, за исключением Сената, проводятся на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Выборы депутатов Сената проводятся на основе косвенного избирательного права при тайном голосовании. Но еще на так давно на основе косвенных выборов избирались все акимы [4, с. 168].

Принцип всеобщего избирательного права означает, что человек, достигший определенного возраста, отвечающий другим условиям, имеет возможность участвовать в предусмотренных законом выборах, то есть реализовывать свое активное и пассивное избирательное право. В Казахстане правом избирать обладают граждане (ценз гражданства), достигшие 18 лет (возрастной ценз), вне зависимости от происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, места жительства или любых иных обстоятельств.

В отношении пассивного избирательного права возрастной ценз различается. На должность главы государства может претендовать лицо, достигшее возраста 40 лет. Депутатом Сената может быть лицо, достигшее 30 лет, Мажилиса — 25 лет, маслихата — 20 лет. Кандидат в акимы должен быть не моложе 25 лет.

Законодательством закрепляются ограничения в части определения количества сроков, в течение которых одно и то

же лицо может занимать соответствующую выборную должность или замещать депутатский мандат: глава государства — один семилетний срок; депутаты Сената — без ограничений по количеству сроков; депутаты Мажилиса — без ограничений по количеству сроков; депутаты местных представительных органов — без ограничений по количеству сроков; акимы — не более двух четырехлетних срока подряд.

В научной литературе отмечается, что в течение последних 30 лет в стране действующее избирательное законодательство было направлено на ограничение пассивного избирательного права. Ограничение этого права было связано как с введением в действующий Конституционный закон о выборах дополнительных избирательных цензов, так и с исключением права граждан на самовыдвижение на некоторые должности [5].

Для реализации пассивного избирательного права необходимо иметь гражданство страны (ценз гражданства), достигнуть закрепленного в законодательстве возраста (возрастной ценз) и проживать в течение определенного времени на территории избирательного округа (ценз оседлости), в предусмотренных законодательством случаях — иметь опыт работы в определенной профессиональной сфере (ценз рода деятельности). Как уже упоминалось выше, согласно конституционным положениям, не имеют право избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Также не может реализовать свое пассивное избирательное право:

- 1) лицо, имеющее судимость, которая не погашена или не снята в установленном законом порядке;
- 2) лицо, вина которого в совершении коррупционного преступления и коррупционного правонарушения в установленном законом порядке признана судом.

В 2022 г. была предпринята попытка обжаловать ограничения избирательного права, связанные с наличием судимости. Так, гражданин Казахстана И. 2 августа 2022 г. обратился в ЦИК РК с запросом о разъяснении правовой коллизии, существующей между пунктом 3 статьи 33 Конституции ст. 4 Конституционного закона Республики Казахстан «О выборах

в Республике Казахстан». В Конституции ограничения активного избирательного права связаны лишь с признанием недееспособным или нахождением в местах лишения свободы по приговору. 22 августа 2022 года Аппаратом ЦИК представлен ответ, с которым истец не согласился. Обращаясь в Верховный суд РК И. обратил внимание, что, «согласно п. 1 ст. 12 Закона Республики Казахстан “О правовых актах”, при наличии противоречий в нормах нормативных правовых актов разного уровня действуют нормы акта более высокого уровня». Определением судьи Верховного суда РК от 30 сентября 2022 г. иск возвращен в связи с тем, что дело не подлежит рассмотрению в порядке административного судопроизводства, так как разъяснение ЦИК на запрос истца не является административным актом и не порождает публично-правовых споров. Обжалуя это решение, И. ссылаясь на Международный пакт о гражданских и политических правах просил «отменить определение судьи Верховного суда в полном объеме и направить дело на рассмотрение в суд первой инстанции в ином составе, утверждая, что суд допустил нарушение и неправильное применение норм материального и процессуального права». Кассационная инстанция оставила решение в силе [6].

Выборы в Республике основываются на *свободном осуществлении гражданином* своего права избирать и быть избранным. Это означает, что никто о не может принуждать к участию в выборах и к голосованию за какого-либо кандидата.

Раскрывая содержание принципа свободы выборов, невозможно не затронуть вопросы, связанные с порогом явки избирателей. Он всегда являлся актуальным для любой национальной избирательной системы. Как отмечается в научной литературе, «идея манипуляций с порогом явки избирателей появилась в зарубежном законодательстве как ответ на абсентеизм избирателей еще в 60-е годы прошлого века» [7]. По мнению директора Центра конституционно-правовых исследований Института юридических и философских наук Сорбонны Б. Матье, низкая явка является следствием «достаточно справедливого чувства того, что голосование больше не оказывает влияния на принятие политических решений» [8, с. 15].

В ряде государств участие избирателей в голосовании связывают с доверием к выборам и их результатам и придают явке избирателей юридическое значение в части признания выборов состоявшимися. При этом ряд правоведов неоднократно отмечали, что установление порога явки избирателей — сам по себе факт целесообразный, но он неизбежно вторгается в свободу и добровольность выборов. Он оказывает психологическое давление на избирателей [9, с. 98]. Путь разрешения данного противоречия ученые видели в отмене минимальной планки явки избирателей [10, с. 7]. Но в этом случае, по мнению многих из них, закон будет «провоцировать и поощрять политическую индифферентность граждан» [11, с. 93].

Порог явки закрепляется законодательством Казахстана в отношении выборов Сената Парламента Казахстана, большая часть членов которого избирается в ходе многостепенных выборов, а остальные назначаются главой государства. Можно предположить, что это связано с возможностью регулирования на практике повлиять на ее уровень. При выборах Сената выборщиками являются представители органов публичной власти, для которых участие в голосовании является в некоторой степени обязанностью.

**Явка выборщиков на выборах Сенате Парламента РК
с 1995 г. по 2022 г. [12]**

Дата проведения	Уровень явки
5 декабря 1995 г.	5314 (93,74 %)
31 января 1996 г. (повторные выборы)	597 (92,99 %)
8 октября 1997 г.	4660 (86,89 %)
17 сентября 1999 г.	4179 (86,5 %)
8 октября 2002 г.	3156 (95,4 %)
19 августа 2005 г.	3155 (95,98 %)
4 октября 2008 г.	3231 (97,61 %)
19 августа 2011 г.	3172 (96,6 %)
1 октября 2014 г.	3236 (98,69 %)
28 июня 2017 г.	3242 (98,51 %)
12 августа 2020 г.	2889 (94,1 %)
24 августа 2022 г.	311 (89,88 %)

Может быть, именно поэтому реформа национальной представительной системы 2022 г. началась с сенатского уровня, когда частичные выборы в Сенат были проведены 14 января 2023 г. В них приняли участие 2904 (91,6 %) из 3167 выборщиков [13].

При прямых выборах свобода избирателей в решении вопроса идти голосовать или не идти более широкая. В связи с этим в отношении прямых выборов порог явки избирателей в настоящее время не находит закрепление в Казахстане. Хотя так было не всегда.

Порогу явки на выборах, проводимых в Казахстане, был посвящен п. 1 ст. 9 КЗ РК «О выборах в Республике Казахстан». Изначально редакция данной нормы закрепляла положение о том, что выборы могли считаться состоявшимися, если в них приняли участие более 50 % избирателей. Конституционным законом Казахстана от 6 ноября 1998 г. [14] это требование было отменено в отношении выборов Президента и депутатов Мажилиса Парламента. В мае 1999 г. [15] порог явки был отменен и на выборах депутатов маслихатов¹.

Отмена порога явки избирателей в Казахстане была связана с тенденцией ее снижения. 1 декабря 1991 г. при проведении первых президентских выборов в Казахстане явка избирателей была 88,23 %, в 1999 г. — 85,77 %, в 2005 г. — 76,78 %, в 2011 г. — 89,99 %, в 2015 г. — 95,21 %, в 2019 г. — 77,54 %, в 2022 г. — 69,44%. При проведении в 1994 г. первых парламентских выборов явка избирателей составила 73,52 %,

---

¹ Термин «маслихат» в переводе с казахского означает «совет», «одобрение» и «совещание» (см.: Махмудов Х., Мусамбаев Г. Казахско-русский словарь. Алматы: Онер, 2001. С. 268). В последней трети XV–XVI вв. Казахстана маслихат являлся высшей законодательной властью в казахском ханстве и означал съезд султанов и представителей общин. Маслихат собирался раз в год и решал наиболее важные государственные вопросы — заключение мира, объявление войны, перераспределение пастбищ, определение маршрутов кочевания. Кроме того, маслихат выбирал и смещал ханов, исходя из принципа меритократии — выбора наиболее достойного. Обязательным условием для участия в работе маслихата было наличие оружия — полномочными членами этого органа были только мужчины. Айтказинов Е. Б. Конституционно-правовые основы системы региональных представительных и исполнительных органов власти республики Казахстан»: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 21.

в 1995 г. — 80,73 %, в 1999 г. — 62,56 %, в 2004 г. — 56,49 %, в 2007 г. — 68,41 %, в 2012 г. — 75,44 %, в 2016 г. — 77,10 %, в 2021 г. — 63,25%, в 2023 г. — 54,15 %.

Материалы судебной практики демонстрируют, что нарушение этого принципа влечет применение санкций. Так, в ходе избирательной кампании по выборам Президента РК был привлечен к ответственности Т., являющийся и. о. директора КГКП «Городской парк культуры и отдыха акимата г. Темиртау отдела культуры и развития языков г. Темиртау». Он издал приказ об обязанности всех своих работников явиться на избирательные участки и принять участие в выборах. По завершении голосования сообщить по месту своей работы. Ознакомление с приказом было под личную подпись каждого работника, и исполнение его было связано с продолжением трудовых обязанностей. Несколько работников обжаловали этот приказ, посчитав его «незаконным и унижающим честь и достоинство, так как приказ никак не связан с выполнением трудовых обязанностей», попросив компенсировать им моральный вред. Суд, изучив обстоятельства дела, приказ признал незаконным и отменил, обязал ответчика компенсировать оплаченную госпошлину в сумме 1512 тенге, судебные расходы на оплату труда адвоката 30 000 тенге, в рамках компенсации морального вреда выплатить каждому истцу 3000 тенге [16].

В ст. 3 КЗ РК «О выборах в Республике Казахстан» закрепляется, что для всех проводимых в Казахстане выборов общим является принцип *недопущения иностранного вмешательства при подготовке и проведении выборов*. Несмотря на то что механизмы, противодействующие иностранному вмешательству в выборы в избирательное законодательство Казахстана, были включены изначально, сам принцип «запрет иностранного вмешательства в выборы» получил закрепление лишь в 2022 г. Необходимость этого действия нашла отражение в Послании главы государства народу Казахстана от 16 марта 2022 г. Озвучивая предложения по модернизации избирательного процесса он отметил, что «по Конституции и согласно международному праву любые выборы в Казахстане являются сугубо нашим внутренним делом. Но эта норма не исключает потен-

циальные попытки повлиять на их результаты из-за рубежа. Учитывая эти факторы, общее нарастание различных гибридных угроз в мире, в том числе с применением избирательных технологий, следует на законодательном уровне принять действенные меры для недопущения какой-либо возможности иностранного вмешательства в выборы в нашей стране» [17]. В рамках реализации Послания в Парламент был внесен проект Конституционного закона о дополнении ст. 3 Конституционного закона Республики Казахстан от 28 сентября 1995 г. № 2464 «О выборах в Республике Казахстан» [16]¹ (далее — КЗ РК «О выборах в Республике Казахстан») положением о том, что «не допускается иностранное вмешательство при подготовке и проведении выборов».

Принцип равного избирательного права, который раскрывается в ст. 5 Закона, означает, что граждане участвуют в выборах на равных основаниях. У всех избирателей (выборщиков), голосующих по одной избирательной системе по одним и тем же вопросам, имеется равное количество голосов.

Принцип тайного избирательного права, содержание которого раскрывается в ст. 8, означает, что никто, кроме избирателя (выборщика), не имеет права знать о содержании его голосования и исключается любая возможность контроля за его волеизъявлением.

В ст. 7 КЗ РК «О выборах в Республике Казахстан» раскрывается *принцип косвенного избирательного права*, который предполагает, что члены представительного органа власти или единоличный выборный орган избираются выборщиками — лицами, специально избранными для осуществления выборов в соответствующий орган власти. В выборах депутатов Сената участвуют выборщики — казахские граждане, являющиеся депутатами маслихатов. Они участвуют в выборах депутатов Сената на равных основаниях и каждый из них обладает одним голосом.

Подводя итоги, хочется отметить, что Конституция Казахстана не имеет отдельной главы, группы статей или специ-

---

¹ Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002464_#z3 (дата обращения: 15.04.2023).

альной статьи, посвященных непосредственно выборам или национальной избирательной системе. В связи с этим на конституционном уровне принципы избирательного права находят закрепление в разделах, посвященных отдельным органам и должностным лицам государства, прописывается способ их формирования.

Непосредственное закрепление принципы находят в КЗ РК «О выборах в Республике Казахстан». Согласно ст. 3 выборы проводятся на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Участие граждан республики в выборах является добровольным. Никто не вправе принуждать к участию или неучастию гражданина в выборах, а также ограничивать его волеизъявление. При этом выборы депутатов Сената проводятся на основе косвенного избирательного права при тайном голосовании. Особое внимание уделяется принципу недопустимости иностранного вмешательства при подготовке и проведении выборов.

Содержательная характеристика принципов избирательного права Казахстана определяется тем, что любое государство имеет ту избирательную систему, которая наиболее полно и эффективно отражает интересы всех избирателей. При том что принцип избирательного права не являются абсолютом. Их ограничения, вводимые с целью защиты национальной избирательной системы, должны быть разумными, пропорциональными внешним и внутренним вызовам.

Литература

1. Караев А. А., Сагинаев М. Е. Демократические выборы — основа становления конституционализма в Республике Казахстан // Евразийское научное объединение. 2015. № 6. С. 99–100.
2. Габдуалиев М. Т. Конституционное право гражданина на участие в управлении делами государства в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 26 с.
3. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002464_z3 (дата обращения: 15.04.2023).
4. Рахимбаев Э.Н. Конституционно-правовые основы Кыргызской Республики и Республики Казахстан и проблемы модернизация системы управления государством // Вестник академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики. 2019. № 26. С. 167–178.

5. Мухамеджанов Э. Б. Внеочередные 2022 года выборы Президента РК и президентская форма правления // ИС «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37055912 (дата обращения: 06.07.2023).
6. Постановление судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики Казахстан от 17 октября 2022 г. № 6001-22-00-6ап/1889.
7. Мухамеджанов Э. Б. Порог явки избирателей — показатель результативности избирательного процесса // ИС «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34505511&pos=5;-88#pos=5;-88 (дата обращения: 15 апреля 2023).
8. Матве Б. Право против демократии. М.: Норма: ИНФРА, 2021. 220 с.
9. Зиновьев А. В., Поляшова И. С. Избирательная система России. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2003. 357 с.
10. Князев С., Хрусталева Е. Добровольность участия в выборах и обязательность явки избирателей: есть ли противоречие? // Власть. 1997. № 10. С. 44–46.
11. Зиновьев А. В., Поляшова И. С. Избирательная система России. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2003. 357 с.
12. Информация получена с сайта ЦИК РК Информация о выборах и референдумах в РК. URL: <https://www.election.gov.kz/rus/informatsiya-o-vyborah-i-referendumakh-v-rk/>; Информационный сборник о выборах и республиканских референдумах, состоявшихся в Республике Казахстан в период с 25 марта 1990 года по 16 января 2012 г. Т. 1. Астана, 2012. 354 с. URL: https://www.election.gov.kz/upload/docs/inform_sbornik_rus.pdf (дата обращения: 15.04.2023).
13. Постановление ЦИК РК «Об установлении и опубликовании итогов выборов депутатов Сената Парламента Республики Казахстан, состоявшихся 14 января 2023 года» // Официальный сайт ЦИК РК. URL: <https://www.election.gov.kz/rus/news/releases/index.php?ID=8230> (дата обращения: 15.04.2023).
14. Конституционный закон Республики Казахстан от 6 ноября 1998 г. № 285-1 «О внесении изменений в Указ Президента Республики Казахстан, имеющий силу конституционного закона, “О выборах в Республике Казахстан”». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1011461 (дата обращения: 15.10.2023).
15. Конституционный закон Республики Казахстан от 6 мая 1999 г. № 375-1 «О внесении изменений и дополнений в Указ Президента Республики Казахстан, имеющий силу конституционного закона, “О выборах в Республике Казахстан”». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1012998 (дата обращения: 19.04.2023).
16. Решение Темиртауского городского суда Карагандинской области от 9 сентября 2011 г. № 2-5012.
17. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomartatokaeva-narodu-kazahstana-1623953>

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА И ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

З. С. Байниязова

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
кандидат юридических наук, доцент
bzs-pravo@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются вопросы организации правового пространства в их взаимосвязи с состоянием и уровнем развития правовой системы. Автор обосновывается роль правовой системы в обеспечении единства правового пространства. В статье делается вывод о том, что задача обеспечения единого правового пространства, укрепления его основ всегда относится к числу приоритетных задач, в реализации которой важна роль правовой системы.

Ключевые слова: правовое пространство, правовая система, нормы права, правотворчество, правоприменение, правовое регулирование.

Abstract. The article examines the issues of the organization of the legal space, linking it with the state and level of development of the legal system. The author substantiates the role of the legal system in ensuring the unity of the legal space. The article concludes that the task of ensuring a unified legal space, strengthening its foundations always belongs to the list of priority tasks, in the implementation of which the role of the legal system is important.

Key words: legal space, legal system, norms of law, lawmaking, law enforcement, legal regulation.

На современном этапе общественного, государственного и правового развития актуальным является вопрос определения ценностных ориентиров развития отечественной правовой системы. На наш взгляд, одним из таких основных ценностных ориентиров является правовое пространство.

Вопросы организации правового пространства также важны, как и информационного, экономического пространства. Обращенность к исследованию данных вопросов определяется прежде всего необходимостью обеспечения единства правового пространства. На эту задачу, в частности, обращает внимание Указ Президента РФ от 10.08.2000 № 1486 (ред. от 26.12.2016) «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации» [1].

Единство правового пространства — необходимое условие развития экономического пространства, один из ключевых факторов общественного, правового и государственного развития. В свою очередь, единство правового пространства предполагает состояние системности.

Одним из основных условий достижения системного правового пространства является устойчивая и сбалансированная правовая система общества, которая обеспечивает упорядочивание общественных отношений на основе права. Состояние и уровень развития правовой системы во многом определяет степень организации правового пространства. Правовая система в своем структурно-функциональном выражении обеспечивает действие права, реализацию юридических норм. Она содержит необходимые элементы, которые позволяют как формировать, так и осуществлять на практике предписания права, тем самым обеспечивать согласованное взаимодействие и функционирование правовых институтов, механизмов, правоотношений и др.

Должная организация элементов правовой системы определяет характер национального правового пространства, влияет на проявление им требований системности. Полноценное правовое пространство представляет собой системное образование, в котором правовые явления образуют единство и направлены на решение общих задач. В свою очередь, обеспечение состояния системности в правовом пространстве страны позволяет эффективно решать вопросы реализации нормативно-правовых актов на всей территории государства, совершенствовать национальную правовую систему. В данном случае это затрагивает правовое регулирование. Трудно себе представить эффективность правового регулирования без необходимой реализации норм права. Нормы права — это основное правовое средство, которое позволяет привести механизм правового регулирования в эффективное состояние. Дисбалансированное осуществление правовых норм приводит к снижению эффективности правового регулирования, нарушению единства правового пространства.

При этом важное значение приобретают вопросы сбалансированного действия правотворчества и правоприменения

в целях обеспечения единого правового пространства. Правотворчество, правоприменение и правовое пространство тесно взаимосвязаны. В рамках их системного осмысления прежде всего стоит обратить внимание на правотворчество и правоприменение, учитывая важность задачи обеспечения устойчивого правового регулирования в цифровую эпоху. Несмотря на то что рассмотрение правотворчества и правоприменения всегда находится в центре повышенного теоретического внимания, обращенность к их анализу не утрачивает своей актуальности, в особенности в современных условиях, когда перед отечественной правовой системой стоит задача определения параметров системного нормативно-правового регулирования в соответствии с целями и задачами социально-экономического развития. Организация отечественной правовой системы, прежде всего на уровне правотворчества и правоприменения, должна быть адекватной приоритетам общественного, правового и государственного развития. Повышение степени их координации есть одно из обязательных условий осуществления правового регулирования, что, в свою очередь, важно для организации правового пространства. При этом следует подчеркнуть юридическую значимость правотворчества, учитывая то, что в правовой системе правотворчество при помощи правовых средств обеспечивает в ней нормативное регулирование, тем самым оказывая воздействие на общественные отношения. Правотворчество — одна из важных составляющих правовой системы, которая во многом определяет направление ее развития. Адекватное реагирование правовой системы на социальные изменения, а также обеспечение упорядоченности общественных отношений в современных условиях возможны при существовании слаженного механизма действия правотворчества на всех уровнях. Придание отечественной правовой системе вектора устойчивого развития предполагает определение общих ценностных параметров развития правотворчества. Без этого невозможно выйти на качественно новые параметры правовой организации общественной жизни. В то же время одна из задач отечественной правовой системы заключается в формировании системной нормативной основы правовой жизни

общества с точки зрения правового воздействия на общественные отношения. В целом необходимо применять системный подход к исследованию правотворческой деятельности с точки зрения повышения ее качества, влияния на состояние правовой системы, который позволяет изучаемый объект рассматривать как сложное, многогранное, многокачественное явление [2, с. 12].

В целях придания системности правового регулирования важно обеспечить адекватное правовое сопровождение процессов правотворчества и правоприменения с учетом динамики общественной жизни. Задачей правотворческих и правоприменительных органов является нормативное упорядочение различного массива общественных отношений, обеспечение взаимосогласованного и сбалансированного механизма их деятельности.

Следует подчеркнуть, что организация правового пространства представляет собой одно из ключевых направлений межгосударственного правового сотрудничества. Организация правового пространства в условиях развития межгосударственных объединений становится одним из основных направлений интеграционных процессов, в юридическом осмыслении которых важна обращенность к законодательству, правотворчеству, правоприменению, правовому регулированию. Посредством их системного теоретического рассмотрения становится возможным всестороннее объяснение вопросов развития правового пространства. Обеспечение единого правового пространства в условиях межгосударственной интеграции позволит обеспечить соответствующую устойчивую основу экономического развития государств.

Очевидна юридическая и социальная значимость правовой системы в вопросах обеспечения единого правового пространства. Необходимо системное осмысление вопросов организации правового пространства в тесной взаимосвязи с состоянием и уровнем развития правовой системы. Правовая система позволяет упорядочивать общественные отношения. Научный интерес к этим вопросам никогда не ослабевает, а напротив, возрастает, что вполне можно объяснить динамично развивающимися общественными отношениями,

в условиях которых актуализируется необходимость обеспечения единого правового пространства, как одного из важных направлений развития правовой системы.

Исходя из приведенных положений, можно подчеркнуть, что, несмотря на динамизм общественных отношений, задача обеспечения единого правового пространства, укрепления его основ всегда относится к числу основных задач, в реализации которой важна роль правовой системы.

Литература

1. О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации: указ Президента РФ от 10.08.2000 № 1486 (ред. от 26.12.2016) // СЗ РФ. 2000. № 33. Ст. 3356; СЗ РФ. 2017. № 1 (Ч. I). Ст. 144.
2. Тиунова Л. Б. Системные связи правовой действительности. СПб: Изд-во СПбГУ, 1991. 133 с.

О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ АНАЛИЗА ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН «О ФОНДЕ НАЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ»

Ж. А. Жадауова

Институт законодательства и правовой информации
Республики Казахстан
ведущий научный сотрудник, кандидат юридических наук
zhanara76@mail.ru

Б. А. Омарова

Институт законодательства и правовой информации
Республики Казахстан
ведущий научный сотрудник, кандидат юридических наук
botagoz.omarova@inbox.ru

Аннотация. Авторами проведен анализ эффективности Закона Республики Казахстан от 1 февраля 2012 года № 550-IV «О Фонде национального благосостояния», который определяет правовое положение, порядок деятельности, цели, задачи и полномочия Фонда национального благосостояния, порядок взаимодействия Фонда национального благосостояния и государственных органов. В соответствии с Планом развития акционерного общества «Фонд национального благососто-

яния "Самрук-Қазына"» на 2018–2028 годы, утвержденным постановлением Правительства Республики Казахстан от 17 октября 2018 года № 656 (далее — План), Миссия Фонда заключается в повышении национального благосостояния Республики Казахстан и обеспечении долгосрочной устойчивости для будущих поколений, тем самым способствуя осуществлению вклада Фонда в реализацию стратегических направлений развития Республики Казахстан. К 2028 году План определяет Фонд как инвестиционный холдинг, обеспечивающий высокие финансовые показатели, доходы от инвестиций и развивающий портфель на уровне ведущих суверенных фондов благосостояния. В статье предложены пути совершенствования законодательства Республики Казахстан о Фонде национального благосостояния и выработаны научно обоснованные рекомендации по их реализации. Результаты исследования могут быть использованы при формировании государственной политики в области правового регулирования деятельности Фонда национального благосостояния и учтены в законодательной деятельности, а также могут послужить основой для дальнейших научных исследований.

Ключевые слова: анализ эффективности законодательства, Фонд национального благосостояния, Закон Республики Казахстан «О Фонде национального благосостояния», совершенствование законодательства Республики Казахстан.

Abstract. The authors analyzed the effectiveness of the Law of the Republic of Kazakhstan dated February 1, 2012 No. 550-IV «On the National Welfare Fund», which defines the legal status, the order of activities, goals, objectives and powers of the National Welfare Fund, the order of interaction of the National Welfare Fund and state bodies. In accordance with the Development Plan of the Joint Stock Company «National Welfare Fund «Samruk-Kazyna» for 2018–2028, approved by the Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated October 17, 2018 No. 656 (hereinafter referred to as the Plan), the mission of the Fund is to increase the national welfare of the Republic of Kazakhstan and ensure long-term sustainability for future generations, thereby contributing to the implementation of the contribution. The Fund contributes to the implementation of strategic directions of development of the Republic of Kazakhstan. By 2028, the Plan defines the Fund as an investment holding providing high financial performance, investment returns and developing a portfolio at the level of leading sovereign wealth funds. The article suggests ways to improve the legislation of the Republic of Kazakhstan on the National Welfare Fund and develops scientifically sound recommendations for their implementation. The results of the study can be used in the formation of state policy in the field of legal regulation of the activities of the National Welfare Fund and taken into account in legislative activities, as well as serve as a basis for further scientific research.

Key words: analysis of the effectiveness of legislation, the National Welfare Fund, the Law of the Republic of Kazakhstan «On the National Welfare Fund», improvement of the legislation of the Republic of Kazakhstan.

Указом Президента Республики Казахстан от 13 октября 2008 года № 669 было создано Акционерное общество «Фонд национального благосостояния “Самрук-Казына”» (далее — Фонд) путем слияния акционерного общества «Казахстанский холдинг по управлению государственными активами «Самрук» и акционерного общества «Фонд устойчивого развития “Казына”» [1]. Фонд основан в целях повышения конкурентоспособности и устойчивости национальной экономики и упреждения факторов возможного негативного влияния на экономический рост в стране изменений на мировых рынках.

Справочно: Акционерное общество «Казахстанский холдинг по управлению государственными активами “Самрук”» (далее — АО «Холдинг “Самрук”») было создано Указом Президента Республики Казахстан от 28 января 2006 года № 50 «О мерах по дальнейшему обеспечению интересов государства в управлении государственным сектором экономики» в целях совершенствования управления государственным сектором экономики в отраслях, имеющих стратегическое значение, создания благоприятных условий для обеспечения экономического роста государства. В него вошли «Казмунайгаз», КТЖ, KEGOK, Казпочта, Казахтелеком и еще ряд нацкомпаний.

Национальный управляющий холдинг (НУХ) «Байтерек» (Совет директоров под председательством Премьер-министра) оказывает финансовую поддержку несырьевым секторам экономики в целях стимулирования диверсификации промышленности, развития малого среднего предпринимательства, роста экспорта. Включает такие дочерние компании, как Банк развития Казахстана, Инвестиционный фонд Казахстана, Фонд развития предпринимательства «Даму» (учреждение поддержки МСП)). Фонд национального благосостояния «Самрук-Казына» координирует деятельность крупнейших государственных компаний в различных отраслях, включая деятельность крупных государственных компаний в сфере НИОКР [2]. АО «ФНБ «Самрук-Казына» является одной из организационных структур, которая непосредственно реализует инвестиционную политику государства. Приоритетными отраслями инвестирования выступают нефтегазовый сектор, электроэнергетика, металлургия, химия и нефтехимия.

мия, инфраструктура. Несмотря на мировой экономический кризис, Фонд наращивал активы и собственный капитал. Влияние внешних факторов, в частности падение мировых цен на нефть, отразилось на прибыльности Фонда, которая за последние годы снизилась более чем наполовину. А показатель средней доходности холдинга от использования всех видов капитала, имеющий тенденцию к понижению, свидетельствует о недостаточно эффективном управлении его активами. Вместе с тем наблюдается ситуация нерационального использования инвестиционных вложений акционеров [3].

Справочно: В настоящий период стоимость активов ФНБ «Самрук-Казына» превышает 70 млрд долларов. В состав ФНБ входит свыше 300 компаний, работающих в горнорудном, энергетическом, металлургическом, транспортном секторах и формирующих больше половины ВВП страны. В частности, на «Самрук-Казына» приходится 20 % первичной поставки нефти и нефтепродуктов; 70 % услуг переработки нефти; 90 и 80 % на рынке услуг грузовых и пассажирских ж/д перевозок соответственно; 30 % производства электроэнергии; 90 % реализации товарного газа; 60 % сотовой связи; 50 % внутренних пассажирских авиаперевозок [4]. Уставной капитал ФНБ «Самрук-Казына» на 01 октября 2022 года составлял 5 268 819,00 млн KZT. Чистая прибыль на 01 октября 2022 года составляет 1 986 602 млн KZT. По состоянию на 1 января 2023 года держателем 3 481 961 409 акций является ГУ «Комитет государственного имущества и приватизации МФ РК» [5]. Вместе с тем в 2022 году долг ФНБ «Самрук-Казына» превысил 7,5 трлн тенге, это почти 18 млрд долл. США [6].

К.-Ж. К. Токаев в ходе расширенного заседания правительства, сказал о том, что эффективность национальных компаний по-прежнему серьезная проблема. Сохраняется большой объем административных расходов в национальных и квазигосударственных компаниях. Это недоработка руководства «Самрук-Казыны». Надо пересмотреть «базовые нормативы положенности для обеспечения нормального функционирования Фонда». Сохраняет свою актуальность и задача перезагрузки его деятельности [7]. Президент отметил важность решения вопроса обеспечения прозрачности госзакупок.

«Самрук-Казына» выполняет огромный объем работы, связанный со строительством и реконструкцией. «Побеждают, как правило, одни и те же компании, которые затем отдают объем работ субподрядным организациям, те, в свою очередь, субсубподрядным организациям. Конечно, это очень негативно сказывается, во-первых, на качестве работы, во-вторых, на ценовых параметрах. План очевиден, нам нужно еще в деталях определиться, как будет работать “Самрук-Казына”, поэтому я констатирую начало работы», — подчеркнул Касым-Жомарт Токаев. «Непрозрачность, назначение политически значимых людей, неэффективная система закупок, трудовые конфликты, убыточность, незавершенность масштабных проектов, чрезмерные расходы на содержание — этот список вопросов приводит к возмущению общества. Как, впрочем, и факт, что до настоящего времени мы не смогли построить настоящую, реальную нефтехимию, мы ремонтируем существующие заводы, которые были построены еще в советское время, тогда как соседний Узбекистан умудрился построить 2–3 завода, как говорится, с нуля, на которые приятно посмотреть», — отметил Касым-Жомарт Токаев. Президент полагает, что роль совета директоров и участие независимых директоров во многом формальные [8].

Наряду с этим в последнее время в прессе, в социальных сетях появляются публикации, неоднозначно оценивающие деятельность Фонда. Так, например кандидат экономических наук Сапарбай Жубаев считает, что «Мы должны приватизировать все квазигоспредприятия и довести долю государства в ВВП Казахстана до 10–15 процентов. Без этого у нас изменений не будет. Во всем мире железная дорогая частная, авиация частная, транспорт частный. Нормально работают. Почему Air Astana должна быть государственной и с дорогими билетами, когда Scat и остальные дешевле продают билеты» [9]. Трансформация «Самрук-Казына» проводилась не единожды и была неудачной, но, если захотеть, ее можно провести качественно, считает экономист Андрей Чеботарев.

Справочно: Экономист Олжас Худайбергенов считает, что надо закрыть все «дочки» — СК «Инвест», СК «Контракт», СК «Констракшн», СК «Бизнес Сервис», Корпоративный универ-

ситет СК, ЦСВК. Большую часть функций передать в рынок, а остальное перенести на сам «Самрук-Казына». Иногда сокращение штата переходит в аутстаффинг через Корпоративный университет (или в дочерние структуры). Сокращение должно быть реальным, причем надо сокращать и тех, кто в аутстаффе (по договору ГПХ). Идею о реализации 30 процентов акций нацкомпаний через «Народное IPO» он считает не совсем удачной. «Лучше, если будут отчислять 30 процентов прибыли в Фонд “Народу Казахстана”, а там уже можно финансировать массовые программы для детей. СК “Траст” тоже можно закрыть. А все, что направлялось туда, можно передать в Фонд “Народу Казахстана”». Рахим Ошакбаев считает, что это проблема в первую очередь даже не менеджмента, а неэффективного собственника в лице Правительства Казахстана. Последнее как единственный акционер в ущерб интересам бюджета принимало решения, которые приносили выгоду структурам. «Более того, впереди нас ждут шокирующие цифры, сколько Фонд за эти годы выкачал с госбюджета и Нацфонда денег на свои проекты в виде взносов в уставный капитал и займов. Баланс для бюджета глубоко отрицательный. Абсолютно убежден, что собственника этих стратегических госактивов нужно менять и безвозмездно передать Фонд со всеми активами гражданам Казахстана в прямую неотчуждаемую собственность. Народ сможет нанять профессиональную управляющую компанию и принимать правильные решения, в том числе по дивидендам», — написал в Facebook Рахим Ошакбаев. По его данным, правление «Самрук-Казына» установило минимальную сумму ежегодных дивидендов в 400 миллиардов тенге. «Если до конца этого года будет принято решение о передаче Фонда гражданам, то каждый казахстанец получил бы как минимум 20 тысяч тенге. На семью из четырех человек это было бы более 80 тысяч тенге, и это было бы только начало. <...> Пока управление не будет передано на реальный народный контроль, ни в коем случае нельзя проводить ни приватизацию, ни всякие IPO. Это все форма скрытой коррупции под названием «приватизация прибыли и национализация убытков», — считает Рахим Ошакбаев. Отметим, что депутат Мажилиса Аманжан Жамалов высказался о трансформации

Фонда «Самрук-Казын». В своем запросе премьер-министру РК он отметил крайнюю полярность и разрозненность мнений о судьбе Фонда. «Сегодня звучат предложения о том, чтобы раздать долю в Фонде каждому гражданину. На первый взгляд, идея очень привлекательная. Однако, если посчитать, то выходит, что доход от такой доли при текущем финансовом состоянии “Самрука” составит всего 500 тенге на человека в месяц. Поэтому вместо того чтобы “махать шашкой”, закрывая и модернизируя все без разбора, необходимо проанализировать, почему Фонд оказался неэффективным», — считает депутат [9].

По результатам анализа эффективности Закона Республики Казахстан от 1 февраля 2012 года № 550-IV «О Фонде национального благосостояния» сотрудниками ИЗПИ выработаны следующие предложения и рекомендации по совершенствованию действующего законодательства.

В соответствии с пунктом 1 статьи 4 анализируемого Закона целью деятельности Фонда является повышение национального благосостояния Республики Казахстан посредством увеличения долгосрочной стоимости (ценности) организаций, входящих в группу Фонда, эффективного управления активами, входящими в группу Фонда.

Вместе с тем, согласно подпункту 2) пункта 1 Указа Президента Республики Казахстан «О некоторых мерах по обеспечению конкурентоспособности и устойчивости национальной экономики» (далее — Указ), определено, что Фонд — национальный управляющий холдинг, основной целью деятельности которого является управление принадлежащими ему на праве собственности пакетами акций (долями участия) национальных институтов развития, национальных компаний и других юридических лиц.

Необходимо отметить, что вышеназванным Указом был создан «Фонд национального благосостояния “Самрук-Казына”» путем слияния акционерного общества «Казахстанский холдинг по управлению государственными активами “Самрук”» и акционерного общества «Фонд устойчивого развития “Казына”». При сравнении положений пункта 1 статьи 4 анализируемого Закона и подпункта 2) пункта 1 Указа Пре-

зидента, выявлено несоответствие. На основании положения пункта 1 статьи 12 Закона Республики Казахстан «О правовых актах» от 6 апреля 2016 года № 480-V [10], который гласит, что при наличии противоречий в нормах нормативных правовых актов разного уровня действуют нормы акта более высокого уровня, полагаем необходимым нормы Указа Президента привести в соответствие с нормами анализируемого Закона.

Таким образом подлежит корректировке предусмотренная подпунктом 2) пункта 1 Указа, цель деятельности Фонда.

Законодателем в пункте 1 статьи 4 закреплена цель деятельности Фонда:

«Статья 4. Цель и задачи Фонда

1. Целью деятельности Фонда является повышение национального благосостояния Республики Казахстан посредством увеличения долгосрочной стоимости (ценности) организаций, входящих в группу Фонда, эффективного управления активами, входящими в группу Фонда».

Некоторая неопределенность и некорректность понятия «повышение национального благосостояния», относящегося к формулировке «цели деятельности Фонда», являющегося инвестиционным холдингом, свидетельствует о необходимости уточнения вышеназванной нормы. Например, остается не ясным, как именно увеличение долгосрочной стоимости организаций, входящих в группу Фонда, повлияет на повышение национального благосостояния. А. Е. Тлеубаев считает, что «...национальное благосостояние должно повышаться не только в долгосрочной стоимости, но и в среднесрочной, и в краткосрочной стоимости организаций, входящих в группу Фонда,— иными словами, нужно постоянно заниматься повышением благосостояния населения» [11]. Полагаем, что законодателем недостаточно обосновано использование понятия «повышение национального благосостояния» в пункте 1 статьи 4, при изложении цели деятельности Фонда, так как понятие «национальное благосостояние» многозначительнее, шире, многограннее и выходит далеко за рамки целей деятельности Фонда. Тем не менее мы не считаем указанную некорректность законодателя критичной.

По мнению Т. Г. Ошурковой, «Благосостояние — это характеристика социально-экономических условий жизни и удовлетворения потребностей населения. По рекомендациям ООН благосостояние представляет собой систему нескольких элементов: здоровье, в том числе демографические условия, пища, одежда, фонды потребления и накопления; условия труда, занятости, организации труда; образование, в том числе грамотность; жилище; социальное обеспечение; человеческие свободы. Для международного сопоставления уровня жизни (благосостояния) ООН использует так называемый индекс человеческого развития, включающий преобразованный национальный доход на душу населения, продолжительность жизни, образование» [12].

Справочно: Национальное благосостояние — это обеспеченность физическими, социальными, духовными благами граждан того или иного государства [13].

Всеобщее благосостояние — это стоимость всех активов общества, включая экономический, природный, человеческий и социальный капитал. Эта общая стоимость всех активов должна увеличиваться с течением времени, чтобы гарантировать устойчивость экономики стран и благосостояние людей, живущих в них [14].

Благосостояние страны — это обеспечение населения государства необходимыми для жизни материальными, социальными и духовными благами. Благосостояние находится в прямой зависимости от уровня развития производительных сил и характера экономических отношений. В еще большей степени оно связано с эффективностью социально-экономической политики в данном обществе.

По рекомендации ООН с 1978 г. в международной статистике жизненный уровень населения оценивается количеством и качеством потребляемых жизненных благ (материальных и духовных). Существует также индекс ИРЧП (индекс развития человеческого потенциала), который представляет собой среднееарифметическое из трех социальных индикаторов жизненного уровня:

- индекс ожидаемой продолжительности жизни при рождении;

- индекс уровня образования населения;
- индекс реального среднедушевого ВВП, рассчитанного с учетом паритета покупательной способности валют разных стран» [15].

В 2019 году Казахстан занял 50-е место в индексе человеческого развития. В период с 1990 по 2018 год показатель ИЧР в Казахстане увеличился с 0,690 до 0,817; процент роста составляет 18,5 % [16].

Согласно последнему докладу ООН о человеческом развитии за 2021-2022 годы, Казахстан занял 56-е место в списке из 191 страны [17].

Согласно пункту 3 статьи 24 («Требования к содержанию и стилю изложению текста нормативного правового акта») Закона Республики Казахстан «О правовых актах», положения текста нормативного правового акта должны содержать четкий и не подлежащий различному толкованию смысл. Текст нормативного правового акта не должен содержать положения декларативного характера, не несущие смысловой и правовой нагрузки.

Следовательно, формулировка цели деятельности Фонда, закрепленная в пункте 1 статьи 4 анализируемого Закона, должна быть более конкретно и четко сформулированной и требует доработки.

Статья 1 анализируемого Закона содержит определение понятия «План развития Фонда»:

«3) План развития Фонда — документ, определяющий и обосновывающий миссию, видение, цели и задачи Фонда по управлению компаниями, направленные на увеличение долгосрочной стоимости (ценности) организаций, входящих в группу Фонда, эффективное управление активами, входящими в группу Фонда».

Между тем понятия «план развития», «план развития национальных управляющих холдингов, национальных холдингов и национальных компаний» закреплены в статье 1 Закона Республики Казахстан от 1 марта 2011 года № 413-IV «О государственном имуществе»:

«3) план развития — документ, определяющий основные направления деятельности и показатели финансово-хозяйственной деятельности государственного предприятия, акци-

онерного общества и товарищества с ограниченной ответственностью, контрольный пакет акций (доля участия в уставном капитале) которого принадлежит государству, на пятилетний период».

«32-2) план развития национальных управляющих холдингов, национальных холдингов и национальных компаний — документ, определяющий и обосновывающий миссию, видение, стратегические цели и задачи национального управляющего холдинга, национального холдинга, национальной компании на десятилетний период».

В целях приведения в соответствие положений анализируемого Закона и Закона Республики Казахстан «О государственном имуществе» полагаем необходимым установить в рассматриваемом Законе период, на который разрабатывается «План развития Фонда».

Отметим, что на сегодняшний день действует План развития акционерного общества «Фонд национального благосостояния “Самрук-Қазына”» на 2018–2028 годы, утвержденный постановлением Правительства Республики Казахстан от 17 октября 2018 года № 656.

Подпункт 3) статьи 1 Закона Республики Казахстан «О Фонде национального благосостояния» следует изложить в следующей редакции:

«3) План развития Фонда — документ, определяющий и обосновывающий миссию, видение, цели и задачи Фонда по управлению компаниями, направленные на увеличение долгосрочной стоимости (ценности) организаций, входящих в группу Фонда, эффективное управление активами, входящими в группу Фонда на десятилетний период».

В соответствии с пунктом 1 статьи 6-1 («Совет по управлению Фондом») анализируемого Закона:

«1. Совет по управлению Фондом является консультативно-совещательным органом, возглавляемым Первым Президентом Республики Казахстан — Елбасы».

Однако вышеизложенная норма не соответствует положениям Конституционного закона Республики Казахстан от 13 февраля 2023 года № 198-VII ЗРК «О признании утратив-

шим силу Конституционного закона Республики Казахстан “О Первом Президенте Республики Казахстан — Елбасы”» [18].

Таким образом, данная норма содержит устаревшее положение о том, что Совет по управлению Фондом возглавляем Первым Президентом Республики Казахстан — Елбасы.

В плане юридической техники в содержании анализируемого Закона имеется ряд формулировок, требующих редактирования. Так, пунктом 1 статьи 10 предусмотрено, что Правление Фонда состоит из председателя правления, его заместителей и иных лиц.

В целях конкретизации положений Закона предлагаем пункт 1 статьи 10 изложить в следующей редакции:

«1. Правление Фонда состоит из председателя правления, его заместителей и членов правления».

В пункте 5 статьи 8 закреплено, что деятельность совета директоров Фонда обеспечивается корпоративным секретарем, в том числе формирующим повестку дня заседания совета директоров и направляющим уведомления членам совета директоров Фонда о проведении заседания, и Фондом. В целях обеспечения единообразного понимания и применения содержания отдельных положений анализируемого Закона рекомендуем исключить формулировку «и Фондом», изложив пункт 5 статьи 8 в следующей редакции:

«5. Деятельность совета директоров Фонда обеспечивается корпоративным секретарем, в том числе формирующим повестку дня заседания совета директоров и направляющим уведомления членам совета директоров Фонда о проведении заседания».

В соответствии с пунктами 1, 2 Постановления Правительства Республики Казахстан от 27 марта 2020 года № 142, Акционерному обществу «Фонд национального благосостояния “Самрук-Қазына”» в установленном законодательством порядке принять меры для направления чистого дохода на выплату дивидендов в размере до 100 (сто) процентов по итогам 2019 года [19]. Постановление было принято в период пандемии, в целях обеспечения режима чрезвычайного положения, в рамках работы Государственной комиссии по обеспечению режима чрезвычайного положения при Президенте

Республики Казахстан. Необходимо отметить, что относительно правоприменительной практики данной нормы может возникнуть ряд проблем, связанных как с «ведомственным интересом», так и неконкретностью некоторых положений Постановления. По мнению юриста А. Бердалина, «акционер действительно вправе принимать такие решения, но обязательны рекомендации совета директоров как инстанции, контролирующей текущую деятельность компании. Интересы акционера и самой компании могут быть разными. Очень легко представить такую ситуацию: существующую чистую прибыль акционер потребует выплатить в полном объеме в виде дивидендов. Но в результате исполнения этого решения само акционерное общество окажется не в состоянии исполнять свои текущие обязательства. К тому же формулировка постановления “выплатить до 100 %” очень обтекаемая и удобная. Потому что и 50 %, и 1 % — это до 100 %. Плюс присутствует конфликт интересов. В том смысле, что государство, как акционер, стремится использовать свой дочерний фонд и его внучатые компании для реализации своих социальных или любых других задач, путая бюджет коммерческой структуры с республиканским бюджетом» [20].

Справочно: Вице-министр финансов Ержан Биржанов сообщил, что в 2022 году от компаний Фонда поступило по итогам 2021 года 490 миллиардов тенге, из которых 170 миллиардов уже поступило в республиканский бюджет. Кроме того, 140 миллиардов Фонд направил на социальные инфраструктурные проекты — это объекты здравоохранения и спорта. «В целом за текущий год в пользу государства направлено 310 миллиардов тенге. Что касается 2023 года, также планируется в виде дивидендов в республиканский бюджет направить больше 170 миллиардов тенге, также фонд будет уплачивать взносы “Қазақстан халқына” в размере 130 миллиардов тенге, а также будет финансировать социальные проекты в размере 260 миллиардов тенге — это объекты здравоохранения, образования, строительство жилых домов для социально уязвимых категорий населения. В целом суммы в пользу государства составят 560 миллиардов тенге, что в 1,8 раза больше текущих затрат» [21].

Депутат Мажилиса Азат Перуашев отметил, что дивидендная политика самого Фонда «Самрук-Казына» предполагает, что размер ежегодно направляемых дивидендов должен составлять не менее 50 процентов от прибыли в системообразующей компании. «Однако даже это требование не выполняется. Еще в 2020 году Президент К.-Ж. Токаев давал поручение направить в бюджет 100 процентов чистых доходов нацкомпании. По факту фонд тогда выплатил лишь 12 процентов чистого дохода. В текущем году сумма дивидендов государству опять-таки составляет лишь 10 процентов чистого дохода. И такой же уровень заложен на все последующие годы обсуждаемого бюджета», — указал депутат. А. Перуашев подчеркнул, что квазигоссектор составляет до 60 процентов экономики Казахстана. «Без его доходов мы с вами... обсуждаем только около половины реальных финансовых потоков, которые формируются за счет государства. Остальными суммами правительство и нацкомпания распоряжаются по своему усмотрению вне стен Парламента и вне бюджетных процедур. Где же тогда подотчетное правительство?» — высказался мажилисмен. Тем не менее депутаты одобрили представленный Правительством законопроект «О республиканском бюджете на 2023–2025 годы» с указанными размерами дивидендов фонда» [21].

Кроме того, в тексте проекта постановления Правительств Республики Казахстан «Об утверждении Правил выделения средств общественному фонду “Қазақстан халқына” от чистого дохода акционерного общества «Фонд национального благосостояния “Самрук-Қазына”» (далее — проект постановления) предусматривается, что Фонд национального благосостояния «Самрук-Казына» ежегодно выделяет в общественный фонд «Қазақстан халқына» средства в размере не менее 7 % от чистой прибыли группы компаний фонда на основе аудированной финансовой отчетности [22].

Предоставление Фондом выделенных средств общественному фонду осуществляется на основании соответствующего решения единственного акционера Фонда, принимаемого в рамках ежегодного рассмотрения вопросов об утверждении годовой финансовой отчетности и распределении его чистого

дохода или в рамках распределения чистой прибыли Фонда за прошлые периоды. При этом говорится, что размер средств, передаваемых в общественный фонд, определяется исходя из письменного запроса общественного фонда, который должен содержать обоснование потребности. Предусматривается, что не востребовавшие средства по истечении трех лет зачисляются в распоряжение Фонда и не могут быть повторно запрошены общественным фондом [23].

В целях конкретизации норм и недопущения «конфликта интересов» в тексте проекта Постановления Правительства считаем возможным рассмотреть вероятность указания не только нижнего, но верхнего предела размера чистой прибыли группы компаний Фонда, подлежащей ежегодному выделению в общественный фонд «Қазақстан халқына». Таким образом, рекомендуем предусмотреть уполномоченному органу постановку на утрату постановления Правительства Республики Казахстан от 27 марта 2020 года № 142.

Литература

1. О некоторых мерах по обеспечению конкурентоспособности и устойчивости национальной экономики: указ Президента Республики Казахстан от 13 октября 2008 года № 669. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U080000669_
2. Холдинги Казахстана // Мегаполис, № 14 (426) от 20 апреля 2009 года. URL: www.megapolis.kz
3. Турекулова А. Н. Государственное управление инвестиционной деятельностью национальных холдингов в Казахстане: дис. ... д-р филос. (PhD). Университет Нархоз. Алматы, 2018. 159 с.
4. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2022-02-23--nationalnoe-dostojanie-tumannoe-budushee-fnb-samruk-kazyna-58758>
5. URL: <https://kase.kz/ru/issuers/SKKZ/>
6. Долг «Самрук-Казына» составляет почти 18 млрд долларов — депутат. 26 января 2022. URL: https://www.inform.kz/ru/dolg-samruk-kazyna-sostavlyet-pochti-18-mlrd-dollarov-deputat_a3890982
7. Президент: Эффективность нацкомпаний — по-прежнему серьезная проблема. 14.июля 2022 года. URL: <https://kapital.kz/economic/107284/prezident-effektivnost-natskompaniy-po-prezhnemu-ser-yeznaaya-problema.html>
8. План реформирования Самрук-Казыны обсудят через 10 дней. 08 февраля 2022 года. URL: <https://kapital.kz/economic/102713/plan-reformirovaniya-samruk-kazynu-obsudyat-cherez-10-dney.html>
9. Ликвидировать нельзя оставить. Что думают эксперты о судьбе «Самрук-Казына» 26 января 2022 г. URL: <https://baigenews.kz/>

- likvidirovat_nelzya_ostavit_chno_dumayut_eksperty_o_sudbe_samruk-kazyina_125885/
10. Закон Республики Казахстан «О правовых актах» от 6 апреля 2016 года №480-V [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000480>
  11. Тлеубаев А. Е. Фонд национального благосостояния должен постоянно работать над ростом нашего благосостояния. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31543818&pos=5;-106#pos=5;-106
  12. Ошуркова Т. Г. Благосостояние населения. URL: <https://center-yf.ru/data/economy/blagosostoyanie-naseleniya.php>
  13. URL: <https://sinonim.org/t/%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%B5>
  14. Форум Экспертов ЕЭК ООН для производителей и пользователей статистических данных, связанных с изменением климата 28 сентября — 1 октября 2020 года, Женева, Швейцария. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.33/2020/mtg3/2020_EF_Concept_note_v24July2020_RUS.pdf
  15. Благосостояние и благополучие человека в России // Мировое и национальное хозяйство. Издание МГИМО МИД России. 2011. № 1 (16). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2011/2011-01/blagosostoyanie-i-blagopoluchie-cheloveka-v-rossii>
  16. URL: <https://the-steppe.com/world/doklad-o-chelovecheskom-razvitiiza-2019-god-gde-nahoditsya-kazahstan>
  17. Досанова А. В рейтинге индекса человеческого развития ООН Казахстан занял 56-е место. URL: <https://the-steppe.com/novosti/v-reytinge-indekса-chelovecheskogo-razvitiya-onn-kazahstan-zanyal-56-mesto#:~:text=%D0%>
  18. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000198>
  19. О дивидендах на государственные пакеты акций и доходах на государственные доли участия в организациях: постановление Правительства Республики Казахстан от 27 марта 2020 года № 142. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2000000142>
  20. Эксперт: «Самрук-Казына» превратился в инструмент для латания бюджетных дыр. Интервью Руководителя практики «Корпоративное право и управление» юридической фирмы «Саят Жолши и партнеры» Бердалина Армана 23 февраля 2022 год. URL: https://forbes.kz/process/expertise/ekspert_samruk-kazyina_prevratilsya_v_instrument_dlya_lataniya_byudjetnyih_dyir/
  21. Мейирим Смайыл «Самрук-Казына» отдает государству 10 процентов доходов, а должен половину — депутат. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/samruk-kazyina-otdaet-gosudarstvu-10-protstentov-dohodov-480896/
  22. Открытые НПА. URL: <https://legalacts.egov.kz/npa/view?id=14383542>
  23. Самрук-Казына будет выделять средства фонду Қазақстан Халқына от чистого дохода. 16.01.2023. URL: <https://prodengi.kz/post/samruk-qazyna-budet-vydelyat-sredstva-fondu-qazaqstan-xalqyna-ot-cistogodoxoda>

О ВОЗМОЖНОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ МЕЖОТРАСЛЕВОГО УСМОТРЕНИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И ПРЕСЕЧЕНИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

И. А. Халиков

Университет прокуратуры Российской Федерации
Казанский юридический институт (филиал)
профессор кафедры прокурорского надзора
за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности
и участия прокурора в уголовном судопроизводстве
кандидат юридических наук
iskanderh@mail.ru

Аннотация. В представленной публикации автором отмечено, что наравне с преступлениями в отношении исторического и культурного наследия (ст. 243–243.4 УК РФ) существуют схожие по объективным признакам административные деликты ст. 7.13–7.15.1, 7.33 КоАП РФ. Как правило, различия между ними незначительны. Они выражены в отдельных оценочных терминах, предоставляющих возможность расширительного толкования их содержания. Соответственно, сотрудники правоохранительных органов могут вариативно использовать менее репрессивные средства противодействия совершаемым противоправным деяниям, нивелируя необходимость применения норм уголовного закона. Подобное междисциплинарное соотношение деликтов требует отдельного изучения и принятия мер для ограничения усмотрения правоприменителя.

Ключевые слова: историческое и культурное наследие, объекты культурного наследия, памятники истории и культуры, культурные ценности.

Abstract. In the presented publication it is noted that along with crimes against historical and cultural heritage (art. 243–243.4 of the Criminal code of the Russian Federation), there are administrative offenses similar in objective features to art. 7.13–7.15.1, 7.33 of the Administrative Code of the Russian Federation. As a rule, the differences between them are insignificant. They are expressed in separate evaluative terms that provide an opportunity for an extensive interpretation of their content. Accordingly, law enforcement officers can variably use less repressive means of countering illegal acts committed, leveling the need to apply the norms of criminal law. Such an interdisciplinary relationship of torts requires a separate study and the adoption of measures to limit the discretion of the law enforcement officer.

Key words: historical and cultural heritage, cultural heritage sites, historical and cultural monuments, cultural values.

При отнесении антиобщественного деяния к числу преступных должно быть очевидно, что не уголовными средствами противодействия пресечь его распространение невозможно. Они являются неэффективными либо направлены на защиту иных, не связанных с предметом уголовно-правовой охраны общественных отношений. Приведенное обстоятельство следует признать доминирующим при отграничении преступлений от административных деликтов. Вместе с тем— применительно к преступлениям в отношении исторического и культурного наследия ст. 243–243.4 УК РФ — оно часто игнорируется правоприменителем, необоснованно расширяя его усмотрение при осуществлении межотраслевой дифференциации.

В большей части это связано с тем, что основные (неквалифицированные) составы, отнесенные к преступлениям небольшой тяжести, в части раскрытия содержания противоправного поведения изложены законодателем на грани преступлений и административно-правовых деликтов. Вариативная возможность применения ст. 7.13–7.15.1, 7.33 КоАП РФ к схожим общественным отношениям создает препятствие для должной квалификации содеянного в отношении исторического и культурного наследия. Это ведет к умалению значения социально-политического содержания права, априори относящего преступления к числу деяний с более высокой степенью общественной опасности и выбору правоприменителем нормы закона с более мягкой ответственностью. Для наглядности отразим соотношение составов преступления со схожими составами административных деликтов в табл. 1, а сравнительный анализ санкций правовых норм в табл. 2.

По справедливому замечанию А. И. Коробеева, «как ничто из ничего не возникает, так и многие преступления, являющиеся крайней формой отклоняющегося поведения, не становятся таковыми внезапно, вдруг. Идет постепенный процесс накопления общественной опасности, которая на определенном этапе достигает такой степени, что возникает необходимость в признании противоправного деяния преступлением. Грань между преступным и не преступным настолько тонка, что переход от противоправного к уголовно-наказуемому поведению может быть правильно объяснен и понятен только с позиции общественной опасности как общего свойства всех видов правонарушений» [4, с. 67].

Таблица 1

Составы преступления и схожие административные деликты

Статьи УК РФ	Статьи КоАП РФ
ч. 1 ст. 243 Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, включенных в единый реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей	ч. 2 ст. 7.13 Нарушение требований законодательства об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ в отношении отдельных объектов культурного наследия федерального значения; ст. 7.14.1 Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, объектов, составляющих предмет охраны исторического поселения
ст. 243.1 Нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ либо выявленных объектов культурного наследия единый	ч. 2 ст. 7.13 Нарушение требований законодательства об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ в отношении отдельных объектов культурного наследия федерального значения
ч. 1 ст. 243.2 Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания	ст. 7.15 Проведение археологических полевых работ без разрешения
ч. 1 ст. 243.3 Уклонение исполнителя земельных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность или культурную ценность в крупном размере	ст. 7.33 Уклонение исполнителя земельных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству культурных ценностей обнаруженных при проведении таких работ; ст. 7.15.1 Незаконный оборот археологических предметов

Статьи УК РФ	Статьи КоАП РФ
ч. 1 ст. 2434 Уничтожение или повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России	ч. 2 ст. 7.13 Нарушение требований законодательства об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ в отношении отдельных объектов культурного наследия федерального значения; ст. 7.14.1 Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, объектов, составляющих предмет охраны исторического поселения

Таблица 2

**Наказание, предусмотренное за совершение преступлений
и схожих административных правонарушений**

Санкция статьи УК РФ	Санкция статьи КоАП РФ
ч. 1 ст. 243 штраф в размере до трех миллионов рублей, или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо обязательные работы на срок до четырехсот часов, либо принудительные работы на срок до трех лет, либо лишение свободы на тот же срок	ч. 2 ст. 7.13 административный штраф на граждан в размере от двадцати тысяч до трехсот тысяч рублей; на должностных лиц — от пятидесяти тысяч до пятисот тысяч рублей
ст. 2431 штраф в размере до одного миллиона рублей, или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов, либо принудительные работы на срок до двух лет, либо лишение свободы на тот же срок	ч. 2 ст. 7.13 административный штраф на граждан в размере от двадцати тысяч до трехсот тысяч рублей; на должностных лиц — от пятидесяти тысяч до пятисот тысяч рублей

Санкция статьи УК РФ	Санкция статьи КоАП РФ
ч. 1 ст. 2432 штраф в размере до пятисот тысяч рублей, или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо исправительные работы на срок до одного года, либо лишение свободы на срок до двух лет	ч. 2 ст. 7.15 административный штраф на граждан в размере от пятнадцати тысяч до трехсот тысяч рублей с конфискацией предметов, добытых в результате археологических полевых работ, а также инструментов и оборудования, использованных для археологических полевых работ
ч. 1 ст. 2433 штраф в размере до пятисот тысяч рублей, или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо лишение свободы на срок до трех лет	ст. 7.33 административный штраф на граждан в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч пятисот рублей; ст. 7.15.1 административный штраф на граждан в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей с конфискацией археологических предметов
ч. 1 ст. 2434 штраф в размере до трех миллионов рублей, или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо принудительные работы на срок до трех лет, либо лишение свободы на тот же срок	ч. 2 ст. 7.13 административный штраф на граждан в размере от двадцати тысяч до трехсот тысяч рублей; на должностных лиц — от пятидесяти тысяч до пятисот тысяч рублей

Следует согласиться с мнением А. И. Бойко, который считает, что «поиски наиболее эффективных приемов борьбы с правонарушениями, одновременно входящими в зону ответственности нескольких отраслей права, должно идти по двум взаимосвязанным векторам — четкое обособление, если это возможно, “спорных” деликтов только в одной из конкурирующих отраслей и (или) использование технологий и информации одной отрасли для реагирования на сходные правонарушения в другой отрасли (административная преюдиция)» [3]. На содержании первого из предложенных А. И. Бойко направлений следует остановиться подробнее. Оно может быть определяющим для межотраслевой дифференциации деяний в отношении исторического и культурного наследия России.

Обратимся к криминализации незаконного поиска и (или) изъятию археологических предметов из мест залегания. Благодаря этому может быть продемонстрирована неспособность обеспечения должной охраны общественных отношений методами иных отраслей права. Призывы к либерализации репрессивной нагрузки на нормы, их охраняющие, оправдываемые желанием самостоятельного изучения отечественной истории, следует признать необоснованными, поскольку они существенно ограничивают возможность верификации результатов раскопок и включения их в общедоступный научный оборот. Тем более что истинное значение найденного археологического предмета могут определить только ученые археологи, для которых проведение раскопок не является самоцелью их научной деятельности, это только один из методов получения информации, проверить которую необходимо посредством изучения иных, не менее ценных источников.

Оценивая эффективность, соразмерность и убедительность принимаемых государством мер, направленных на пресечение деяний в отношении элементов археологического наследия, следует обратиться к поэтапности коррекции существующего механизма их охраны. Так, действовавшая до 2013 года редакция ст. 7.15 КоАП РФ предусматривала ответственность за ведение археологических разведок, раскопок без соответствующего официального разрешения (открытого листа) либо с нарушением условий, предусмотренных открытым листом. К ответственности можно было привлечь профессиональных археологов, а также лиц, занятых незаконным поиском археологических предметов на территории включенного в государственные реестры памятника археологии. Вместе с тем в законе отсутствовала легальная возможность пресечения незаконных археологических раскопок на территории памятников археологии, место нахождения которых не было известно до проведения противоправных по характеру действий. Многочисленные примеры принятия судами Российской Федерации решений о прекращении дел об административных правонарушениях свидетельствуют об этом.

Так, 19 августа 2013 г. мировой судья судебного участка № 1 Октябрьского района г. Саратова прекратил производство

по делу об административном правонарушении в отношении С. в связи с отсутствием события административного правонарушения (ч. 1 ст. 7.15 КоАП РФ). В обоснование принятого решения суд указал, что на месте задержания С. отсутствовал поставленный на государственный учет памятник археологии. На принятие судебного решения не повлияло и то, что в момент задержания у С. при себе находился металлоискатель и фрагменты керамики [1]. Аналогичное по характеру и мотивировке решение было вынесено 8 октября 2013 г. мировым судьей судебного участка № 69 Володарского района г. Брянска. Суд прекратил дело об административном правонарушении в отношении К., указав, что правоохранные органы не представлены сведения о производстве задержанным археологических разведок, раскопок на территории памятника археологии [2]. Исследованные в вынесенных судебных решениях события произошли в 2012–2013 гг., то есть до принятия Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» [6], установившего уголовную ответственность за незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания, а также внесшего коррективы в ст. 7.15 КоАП РФ.

Обоснование допустимых пределов применения диапазона средств противодействия правонарушениям, совершаемым в отношении исторического и культурного наследия, можно найти в Конвенции Совета Европы «О преступлениях, связанных с культурными ценностями» (EST № 221) (Никосия, 19 мая 2017 г.). Документ определил условия применения к охраняемым общественным отношениям средств уголовно-правовой либо административно-правовой защиты. В пояснительном докладе, в части толкования содержания Конвенции, отмечено, что любое государство — участник международного договора может воздержаться от создания (криминализации) норм национального уголовного права за незаконные раскопки, торговлю археологическими предметами, уничтожение (повреждение) культурных ценностей до тех пор, пока предусмотренные неуголовные меры воздействия будут эффек-

тивными, соразмерными и убедительными [5]. Осознавая, что в существующих политических реалиях ратификация международного документа Российской Федерацией отложена на неопределенное время, следует все же признать, что его деполитизированные положения могут быть учтены и приняты во внимание отечественным законодателем. Единственная цель, преследуемая разработчиками Конвенции, — повышение эффективности национального законодательства в части противодействия современным вызовам историческому и культурному наследию.

Зримая недостаточность, неэффективность превентивного потенциала применения административной ответственности за совершение правонарушений в отношении исторического и культурного наследия в приведенных примерах сделали оправданным поиск более репрессивных средств противодействия исследуемым деяниям. При этом речь не шла и не идет о необходимости исключения возможности применения норм административно-деликтного законодательства за совершение правонарушений в отношении исторического и культурного наследия. Вместе с тем мы считаем, что у норм смежных отраслей права должен быть четко определен предмет правового регулирования, во многом определяемый степенью общественной опасности совершенного деяния.

Оценка эффективности результатов применения указанных уголовно-правовых предписаний, а также влияния, оказываемого на них внешней средой функционирования консолидирующей их системы иерархически более высокого уровня — уголовной политики государства, позволили определить негативные тенденции, требующие принятия мер для обособления деликтов разной отраслевой принадлежности исходя из характера и степени общественной опасности вреда, причиняемого памятникам истории и культуры. Если мы говорим об их повреждении или уничтожении, подобные деяния должны быть только уголовно наказуемыми, тогда как административная ответственность должна быть детерминирована действиями (бездействиями), создающими опасность возникновения подобных деструктивных последствий.

Литература

1. Административное дело № 5-286/13 // Архив мирового суда судебного участка № 1 Октябрьского района г. Саратова за 2013 г.
2. Административное дело № 3-128/13 // Архив мирового суда судебного участка № 69 Володарского района г. Брянска за 2013 г.
3. Бойко А.И. Административная преюдиция в уголовном праве: за и против // Юристь-правоведъ. 2004. № 3 (10). С. 27–32.
4. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: моногр. М.: Юрлитинформ, 2019. 352 с.
5. Explanatory report of the Council of Europe on the interpretation of the content of the European Convention on cultural property crimes. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680710437> (дата обращения: 15.08.2023).
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии: федер. закон от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ УКРЕПЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ БЫТОВОГО НАСИЛИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

А. Б. Кайжакпарова

Институт законодательства и правовой информации
Республики Казахстан
главный научный сотрудник
анализа эффективности законодательства
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Актуальность противодействия семейному насилию обусловлена тем, что в последние десятилетия в Казахстане наблюдаются неблагоприятные тенденции в сфере семейной преступности. Актуальность данного института возросла в период пандемии, когда население страны было вынуждено находиться в режиме самоизоляции. Семейная преступность наносит огромный ущерб обществу, общественная опасность и тяжесть причиняемых последствий превосходят подавляющее большинство других криминальных проявлений. Непосредственно потерпевшими от них ежегодно становятся сотни тысяч людей. В большинстве случаев это связано с ослаблением контрольных мер со стороны государства и общества, неэффективной профилактикой семейных преступлений, неблагоприятными социально-экономическими процессами как в обществе в целом, так и в семейной сфере. Семья представляет

собой один из базовых социальных институтов, благополучие и социальное самочувствие ее членов напрямую взаимосвязаны с общественным благополучием. Поэтому обеспечение здорового климата в семье, предотвращение любых проявлений агрессии и жестокости со стороны ее членов крайне важны. Именно в целях сохранения базовых институтов государства в Казахстане в 2009 году был принят Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия» (далее — Закон).

Ключевые слова: бытовое насилие, профилактический учет и контроль, потерпевший, правонарушитель, административное задержание.

Abstract. The relevance of combating family violence is due to the fact that in recent decades in Kazakhstan there have been unfavorable trends in the field of family crime. The relevance of this institution increased during the pandemic, when the country's population was forced to remain in self-isolation. Family crime causes enormous damage to society; the social danger and the severity of the consequences exceed the vast majority of other criminal manifestations. Hundreds of thousands of people become direct victims of them every year. In most cases, this is due to the weakening of control measures on the part of the state and society, ineffective prevention of family crimes, and unfavorable socio-economic processes both in society as a whole and in the family sphere. The family is one of the basic social institutions; the well-being and social well-being of its members are directly related to public well-being. Therefore, ensuring a healthy climate in the family and preventing any manifestations of aggression and cruelty on the part of its members are extremely important. It was in order to preserve the basic institutions of the state in Kazakhstan that the Law of the Republic of Kazakhstan "On the Prevention of Domestic Violence" (hereinafter referred to as the Law) was adopted in 2009.

Key words: domestic violence, preventive recording and control, victim, offender, administrative detention.

В Казахстане одним из первых шагов в становлении института защиты жертв бытового насилия стало принятие в 2009 году Закона, который определил правовые, экономические, социальные и организационные основы деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и граждан Республики Казахстан по профилактике бытового насилия.

Необходимо отметить, что вопросы профилактики правонарушений также регулируются законами «О профилактике правонарушений» [1] и «О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности» [2], где также предусмотрены меры индивидуальной профилактики.

Одним из этапов в защите семейно-бытовых отношений явилось принятие в стране Стратегического плана развития Казахстана до 2020 года, в котором была поставлена задача по снижению преступлений в сфере семейно-бытовых отношений до 9,7 % и преступлений в отношении несовершеннолетних — до 2,2 % [3].

Также принят Стратегический план развития Казахстана до 2025 года, который определил, что «поддержка, укрепление и защита семей, создание необходимых условий, способствующих всестороннему развитию семей, охрана материнства, отцовства и детства будут основами государственной семейной политики».

Немаловажную роль в укреплении и защите семьи играет «Концепция гендерной и семейной политики в Республике Казахстан до 2030 года», целями которой является поддержка и защита семьи, создание равных возможностей для мужчин и женщин, повышение социального благополучия, а также исключение дискриминации по половому признаку [4].

В целях формирования и реализации комплексной государственной политики в отношении семьи в контексте вышеуказанных стратегических документов в Казахстане создана Национальная комиссия по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте Республики Казахстан. Кроме того, в 2018 году создан Комитет по делам молодежи и семьи.

Борьба с бытовым насилием является политическим приоритетом государства, провозглашенным Стратегией развития Казахстана до 2050 года [5]. Внимание этой проблеме уделяют не только субъекты профилактики правонарушений, но и ученые различных сфер общественных отношений. Законом «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и усиления защиты прав личности» от 27 декабря 2019 года № 292 усилена защита прав личности, в том числе в сфере семейно-бытовых отношений, путем внесения изменений и дополнений в кодифицированное и иное законодательство Республики Казахстан [6].

Профилактика правонарушений всегда занимала центральное место в деятельности не только правоохранительных органов, но и многих государственных и общественных институтов.

В процессе модернизации казахстанской системы профилактики первостепенная роль отведена региональному уровню, предопределяющему эффективность проводимой в данном направлении работы территориальных образований районного значения.

Руководством страны постоянно делается акцент на совершенствовании института профилактики правонарушений.

В последнее время Руководством страны неоднократно ставилась задача по восстановлению ранее действовавшего опыта профилактики правонарушений.

Так, в Послании Главы государства народу Казахстана 1 сентября 2021 года К. Токаев при упоминании необходимости освобождения Министерства внутренних дел от непрофильных функций с целью повышения эффективности их работы отметил, что имеются проблемы и в работе по профилактике преступности [7].

В течение года была проведена соответствующая реформа, в результате которой задача, поставленная Главой государства, была разрешена, что и отметил К. Токаев в своем очередном Послании народу 1 сентября 2021 года, озвучив, что органы внутренних дел освобождены от ряда непрофильных функций. Повышен статус участковых инспекторов — они наделены дополнительными полномочиями в сфере профилактики правонарушений.

15 октября 2021 года Главой государства подписан Указ «Об утверждении Концепции правовой политики до 2030 года», который определил основные направления деятельности Казахстана с учетом цифровизации, а также эпидемиологической ситуации в мире. Так, в Концепции указано, что требует дальнейшего продолжения наращивание способов и методов, в том числе с использованием инновационных и цифровых технологий, борьбы с любыми формами правонарушений и их профилактики, обеспечение законности и общественной безопасности, защиты прав и свобод граждан, неотвратимо-

сти наказания за любые правонарушения, неукоснительное следование принципу «нулевой терпимости (толерантности)» к правонарушениям [8].

Особое внимание вопросам профилактики уделено в Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года, утвержденной Указом Президента от 6 декабря 2016 года. В ней предусмотрены концептуальные меры по совершенствованию института профилактики бытового насилия [4].

В Концепции правовой политики до 2030 года, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года, также большое внимание уделено институту профилактики. Так, в разделе 5 «Основные направления развития правоохранительной и судебной систем и правозащитных институтов» говорится, что неизменным ключевым критерием эффективности деятельности правоохранительных органов и их сотрудников и дальше будет являться степень доверия населения. Для постоянного, непрерывного повышения указанного критерия необходимо продолжить трансформацию их деятельности со смещением акцента с борьбы с последствиями и достижения ведомственных показателей на профилактику правонарушений, в том числе путем карьерного продвижения сотрудников, пользующихся доверием и уважением населения.

Кроме того, отмечается, что требует дальнейшего продолжения наращивание способов и методов, в том числе с использованием инновационных и цифровых технологий, борьбы с любыми формами правонарушений и их профилактики, обеспечение законности и общественной безопасности, защиты прав и свобод граждан, неотвратимости наказания за любые правонарушения, неукоснительное следование принципу «нулевой терпимости (толерантности)» к правонарушениям.

В своем последнем Послании народу Казахстана от 1 сентября 2022 года «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество» Глава государства подчеркнул особый статус вопроса о наличии бытового насилия. Как отметил К. Токаев, в обществе уже долгое время поднимается

вопрос о криминализации насилия в семейно-бытовой сфере. Правоохранительные органы сомневаются в необходимости данного шага, поскольку считают, что он приведет к снижению выявляемости таких правонарушений. В этом есть доля истины. Президентом подчеркнуто, что, как бы то ни было, нельзя закрывать глаза на многочисленные случаи семейно-бытового насилия. Безнаказанность дебоширов развязывает им руки, фактически оставляет их жертв беззащитными. Глава государства считает, что пришло время ужесточить ответственность за подобные деяния. Нельзя, чтобы пострадавшие от семейно-бытового насилия боялись осуждения общества или давления с чьей-либо стороны. Для этого полицейские должны очень деликатно работать с ними, принимая все необходимые меры [9].

Анализ действующего законодательства, регламентирующего порядок осуществления профилактических мероприятий в сфере бытового насилия, позволяет сделать вывод о наличии некоторых пробелов, недостатков, указанных ниже.

1. Закон содержит некоторое количество норм, определяющих компетенцию органов государственной власти в области профилактики правонарушений. Так, статья 6 Закона определяет компетенцию Правительства, статья 7 — местных представительных и исполнительных органов, статья 8 — комиссии по делам женщин и семейно-демографической политике, статья 8 — комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, статья 10 — органов внутренних дел, статья 11 — уполномоченного органа в области образования, статьи 12 и 13 — уполномоченного органа в области здравоохранения и организаций здравоохранения. При этом ни одной статьи, посвященной компетенции граждан как субъектов профилактики бытового насилия не имеется. Считаем, что граждане должны обладать правами по оказанию помощи лицам, страдающим от бытового насилия, а также проводить мероприятия по его профилактике. Полагаем, что отведение существенной роли общественности в осуществлении профилактики бытового насилия будет являться действенной и эффективной мерой для предотвращения негативных явлений. Только благодаря совместным усилиям органов государ-

ственной власти и представителей общественности работа по профилактике насилия будет эффективной.

2. В Законе имеются нормы, закрепляющие полномочия всех государственных органов, причастных к профилактике бытового насилия. Однако ничего не сказано о правах лиц, по отношению к которым применяются меры профилактики. Полагаем необходимым предусмотреть в Законе ряд норм, предусматривающих гарантии прав граждан, в том числе при реализации права на обжалование решений и действий субъектов профилактики правонарушений.

3. Подпункт 4 статьи 1 закрепляет понятие профилактики бытового насилия, под которым понимается комплекс правовых, экономических, социальных и организационных мер, осуществляемых субъектами профилактики бытового насилия, направленных на защиту конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в сфере семейно-бытовых отношений, предупреждение и пресечение бытового насилия, а также на выявление и устранение причин и условий, способствующих их совершению. Следует отметить, что профилактика бытового насилия, кроме перечисленного, должна включать в себя меры медицинского, педагогического и воспитательного воздействия для недопущения и профилактики совершения правонарушений лицами, в том числе повторно. Так, к примеру, с целью исключения повторного факта совершения бытового насилия может появиться возможность в применении к нарушителю мер медицинского характера, в том числе с участием психотерапевта. Кроме того, данное обстоятельство подтверждается наличием закрепленной компетенции в сфере бытового насилия у органов здравоохранения (статья 13 Закона). Также в целях проведения профилактических мероприятий и предупреждения бытового насилия, в том числе среди лиц, не достигших 18 лет, видится необходимость в применении педагогических и воспитательных мер. Полагаем, что в Законе указание на эти обстоятельства является обязательным. Кроме того, считаем, что профилактика бытового насилия является необходимым институтом не только для нарушителя, но и для потерпевшего. Применение к потерпевшему также мер профилактики может

явиться основанием для исключения фактов насилия (к примеру, исключений признаков провокаций). Поэтому в понятие профилактики бытового насилия должно быть включено мероприятие по оказанию помощи потерпевшим.

4. Статья 3 Закона посвящена принципам профилактики, к которым относятся законность; гарантирование соблюдения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина; недопустимость причинения человеку и гражданину физического и (или) психического страдания; поддержка и сохранение семьи; конфиденциальность; индивидуальный подход к каждому человеку и гражданину, находящимся в трудной жизненной ситуации; приоритет превентивных мер профилактики бытового насилия над репрессивными; комплексность и системность. Считаем, что данный перечень не является полным и достаточным, так как институт профилактики бытового насилия должен являться очень важным и высокоэффективным правовым институтом, способным оказать содействие в предотвращении совершения насилия лицами, склонными к этому. Принципы должны также учитывать тот факт, что крайне важно соответствие мер профилактики личности, к которой они будут применяться, а также сведение к минимуму повтора в совершении бытового насилия. Так, к примеру, считаем необходимым закрепить принцип привлечения нарушителя к ответственности. Потерпевшему от бытового насилия должна быть гарантирована определенная безопасность, и с целью обеспечения такой безопасности должен работать принцип неотвратимости наказания за деяние. Кроме того, такой принцип будет являться барьером для рецидивности.

5. Статьи 7–13 Закона определяют компетенцию органов и уполномоченных лиц в сфере профилактики бытового насилия. Мероприятия по профилактике должны носить постоянный, ежедневный и обязательный характер, а исчерпывающий перечень полномочий, закрепленный в указанных статьях Закона, дает основание полагать, что институт профилактики бытового насилия носит весьма формальный характер. Одним из основных институтов правового, демократического государства является безопасность, которая должна

быть реализована как на международной арене, так и внутри страны, как в общественных местах, так и во внутрибытовых сферах. А обеспечение безопасности в первую очередь должно сопровождаться профилактическими мерами, которые нуждаются в постоянном совершенствовании. И только при условии эффективной реализации профилактических мер можно говорить о гарантиях безопасности. С учетом изложенного, полагаем необходимым не ограничивать полномочия уполномоченных и органов и должностных лиц перечнем на уровне Закона. Считаем, что институт профилактики насилия должен находиться в постоянной динамике, а исчерпывающий перечень полномочий в Законе не позволит полноценно реализовать указанный институт. Кроме того, законодательство находится в постоянном развитии и внесение изменений и дополнений в отраслевые законы повлечен внесение изменений и дополнений в анализируемый Закон, что нарушает принципы дебюрократизации. Кроме того, считаем пробелом отсутствие в Законе полномочий Уполномоченного по правам человека как лица, осуществляющего свою деятельность в целях обеспечения государственной гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина, их соблюдения и уважения.

6. Статьей 17 Закона определяются цели применения мер профилактики бытового насилия. Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 17 Закона меры индивидуальной профилактики бытового насилия применяются для систематического целенаправленного воздействия на правосознание и поведение лица, совершившего бытовое насилие, в целях предупреждения совершения новых правонарушений с его стороны и обеспечения безопасности потерпевшего. Анализ нормы позволяет сделать вывод, что основной целью профилактики является предупреждение новых правонарушений. Однако ни о каких мерах по устранению причин и условий совершения бытового насилия не упоминается, что, на наш взгляд, является пробелом. Считаем, что институт профилактики бытового насилия должен иметь хорошую основу для финансирования, и при наличии такого можно расширять меры профилактики бытового насилия. К примеру, с целью устранения условий совершения бытового насилия возможно обращение к услугам пси-

холога, который в силу профессиональных знаний позволит и потерпевшему, и нарушителю осознать суть сложившейся ситуации и причины возникающих конфликтов. Консультации с такими психологами могут явиться весьма эффективной мерой для профилактики и исключения новых конфликтов. Опыт США, Канады, Молдовы и ряда других государств показывает, что психологические программы существуют для всех участников семейно-бытового конфликта: молодоженов, межнациональных, культурных, этнических смешанных семей и иных членов семейно-бытовых отношений¹. Кроме того, во многих странах психологические программы носят принудительный порядок в отношении нарушителя. К специальным трудам, посвященным вопросам психокоррекции, можно отнести издание И. В. Костакова². С учетом изложенного предлагается в Законе отнестись прохождение специальных психологических программ к мерам административного воздействия, закрепив порядок их прохождения в Законе, а также закрепить определение психологических программ.

7. Статья 18 Закона определяет основания для принятия мер индивидуальной профилактики бытового насилия. Анализ указанной нормы позволяет сделать вывод, что, во-первых, перечень оснований не является достаточным, во-вторых, перечень субъектов не достоверен и достаточно исчерпывающ. Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 18 Закона основанием для принятия мер индивидуальной профилактики бытового насилия является одно из следующих обстоятельств: поступление заявления или сообщения физических и юридических лиц; непосредственное обнаружение сотрудником органа внутренних дел факта совершения бытового насилия либо попытки его совершения; материалы, поступившие из государственных органов и органов местного самоуправления.

---

¹ Муратбаева Г. Н. Кыргызстандагы үй-бүлөлүк Жана Тиричилик мамилелеринин чөйрөсүндөгү укук бузууларга каршы. // Наука новые технологии и инновации Кыргызстана. № 11, 2011. URL: <http://www.science-journal.kg/media/Papers/nntiik/2017/11/68-71.pdf> (дата обращения: 05.01.2022).

² Костакова И. В. Психологическая коррекция личности: электрон. учеб. пособие. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2016. 214 с.

Во-первых, считаем, что указание на юридические лица как субъектов уполномоченных на сообщение или заявление не совсем верно. Считаем, что в данном случае речь должна идти о гражданах как субъектах, выражающих свою гражданскую позицию по вопросам применения мер профилактики к нарушителям.

Во-вторых, говорить лишь о попытке совершения бытового насилия, обнаруженного сотрудником органа внутренних дел, недостаточно, так как бывают случаи отсутствия попыток, но наличия явной угрозы. А при наличии закрепленной в Законе нормы сотрудники органов внутренних дел при наличии угрозы могут бездействовать в рамках норм закона, что в итоге может привести к неизбежным последствиям. Поэтому в целях профилактики бытового насилия необходимо наделить полномочием сотрудников органов внутренних дел по принятии мер в случае наличия явной угрозы. Несмотря на возможное оценочное понятие, считаем, что явную угрозу распознать сотруднику специальных органов весьма несложно и с учетом гуманности института профилактики бытового насилия превысить меры применения мер профилактики просто невозможно.

Кроме того, в подпункте 3 пункта 1 анализируемой статьи Закона не указаны должностные лица как субъекты, имеющие полномочие по направлению материалов для применения мер профилактики. Считаем, что должностные лица государственных органов также могут направлять материалы самостоятельно. К примеру, как указывалось выше, Уполномоченный по правам человека должен иметь компетенцию в сфере профилактики бытового насилия. Пунктом вторым анализируемой статьи Закона закрепляется порядок рассмотрения заявлений и сообщения о совершении бытового насилия. Считаем, что с целью совершенствования института профилактики бытового насилия, сохранения института брака и семьи, а также обеспечения гарантий безопасности человека и гражданина необходимо закрепить институт незамедлительности рассмотрения таких обращений.

8. Статья 20 Закона определяет срок действия защитного предписания, который равняется тридцати суткам. Считаем,

что порой такого срока недостаточно. На практике бывают случаи, когда потерпевшие по поведению и образу жизни нарушителя понимают о необходимости продления срока защитного предписания с применением к нему дополнительных мер воздействия, к примеру работы с психологом. В таких случаях, считаем пробелом отсутствие возможности на продление срока действия защитного предписания. Кроме того, с целью реализации закрепленного в статье 3 Закона принципа гарантий соблюдения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина считаем необходимым закрепить институт обжалования наложения и продления защитного предписания.

9. Законом предусматривается компетенция уполномоченных органов на осуществление профилактического учета и контроля. Однако в последующем в Законе отсутствует какое-либо упоминание об этих институтах и порядке их применения, что, на наш взгляд, является пробелом и исключает эффективность применения Закона на практике. В случае, если у законодателя была идея закрепить порядок проведения профилактического учета и контроля на уровне иных нормативных правовых актов, считаем необходимым указать об этом в анализируемом Законе.

10. Подпунктом 1 пункта 3 статьи 17 Закона предусматривается мера профилактики бытового насилия в виде защитного предписания. На практике чаще всего защитные предписания нарушаются и не соблюдаются нарушителями. С каждым годом число вынесенных защитных предписаний растет, а также растет число их нарушений и не соблюдений. Отмечается, что законодательством об административных правонарушениях предусматривается ответственность за нарушение защитного предписания. Так, в соответствии со статьей 461 Кодекса об административных правонарушениях защитное предписание, вынесенное органом внутренних дел, влечет предупреждение либо административный арест на срок до пяти суток. Считаем, что определение такого вида взыскания является недостаточным. В силу наличия отрицательной практики, а также с целью повышения роли института профилактики бытового насилия видится необходимость в уже-

сточении административной ответственности путем установления штрафа и увеличения срока административного ареста с 5 суток до 15. Кроме того, предлагается закрепить административную ответственность за повторное нарушение защитного предписания в течение определенного времени, заменив предупреждение повышенным штрафом либо административным арестом сроком до 30 суток. Таким образом, предлагается внести соответствующие изменения в Кодекс об административных правонарушениях.

11. Подпунктом 6 пункта 1 статьи 17 определяется мера профилактики бытового насилия, установление особых требований к поведению правонарушителя. Данная мера также регламентирована КоАП. В соответствии с частью 1 статьи 54 КоАП при рассмотрении дела об административном правонарушении по ходатайству участников производства по делу об административном правонарушении и(или) органов внутренних дел судом могут быть установлены особые требования к поведению лица, совершившего административное правонарушение. Кроме того, в исключительных случаях при установлении особых требований к поведению лица, совершившего административное правонарушение в сфере семейно-бытовых отношений, для охраны и защиты потерпевшего и членов его семьи суд в исключительных случаях вправе применить на срок до тридцати суток меру административно-правового воздействия в виде запрета лицу, совершившему бытовое насилие, проживать в индивидуальном жилом доме, квартире или ином жилище с потерпевшим в случае наличия у этого лица другого жилища. Правоприменительная практика показывает, что слова «наличия у этого лица другого жилища» в статье 54 КоАП делают эту норму нерабочей. Анализ материалов административных дел показывает, что семьи, где часто совершаются бытовые правонарушения, являются в большинстве случаев малообеспеченными, но даже в среднестатистической семье правонарушитель, как правило, не имеет другого жилища. Как результат дальнейшее совместное проживание конфликтующих сторон может привести к повторным правонарушениям либо к более тяжким последствиям, вплоть до получения увечий или смерти.

В этой связи обоснован вывод о неэффективности действующей нормы, так как не достигается главная цель — исключение конфликтующих сторон. Учитывая изложенное, с целью повышения роли института профилактики бытового насилия предлагается в части второй статьи 54 КоАП исключить слова «в случае наличия у этого лица другого жилища».

С учетом изложенного, считаем, что актуальность института профилактики бытового насилия повышается с каждым годом и принятие соответствующих мер в рамках национального законодательства является необходимым. В этой связи с целью обеспечения гарантий прав и свобод человека и гражданина, а также безопасности их жизни и здоровья, законодательство о профилактике бытового насилия должно динамично развиваться и совершенствоваться.

Литература

1. Закон Президента Республики Казахстан «О профилактике правонарушений» от 29 апреля 2010 г. № 271-IV // ИПС «Әділет»
2. Закон Республики Казахстан «О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности» от 9 июля 2004 г. № 591 // ИПС «Әділет»
3. Утратил силу. Указ Президента Республики Казахстан «О стратегическом плане развития Республики Казахстан до 2020 года» от 1 февраля 2010 года № 922 // ИПС «Әділет»
4. Указ Президента Республики Казахстан «Об утверждении Концепции семейной и гендерной политики Республики Казахстан до 2030 года» от 6 декабря 2016 г. № 384 // ИПС «Әділет»
5. Послание Президента Республики Казахстан — Лидера Нации Н. А. Назарбаева народу Казахстана от 14 декабря 2012 г. «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» // ИПС «Әділет»
6. Закон Республики Казахстан «о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и усиления защиты прав личности» от 27 декабря 2019 г. № 292 // ИПС «Әділет»
7. Послание Главы государства народу Казахстана от 1 сентября 2021 г. «Единство народа и системные реформы — прочная основа процветания страны» // ИПС «Әділет»
8. Указ Президента Республики Казахстан «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года» от 15 октября 2021 года № 674 // ИПС «Әділет»
9. Послание Главы государства народу Казахстана от 1 сентября 2022 г. «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество» // ИПС «Әділет»

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕВРАЗЭС

А. И. Беляев

Новосибирский государственный университет
экономики управления
старший преподаватель кафедры административного,
финансового и корпоративного права
artem_belyaev97@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основополагающие международные избирательные документы, а также избирательного законодательства стран ЕВРАЗЭС.

Ключевые слова: избирательное право, международное законодательство, страны ЕВРАЗЭС.

Abstract. The article deals with the fundamental international electoral documents, as well as the electoral legislation of the Eurasian countries.

Key words: Suffrage, international legislation, Eurasian countries.

Во времена интенсивных демократических процессов избирательная система любого государства должна соответствовать общепризнанным правовым стандартам. Вместе с этим в период современных вызовов возникает необходимость в переосмыслении и анализе основных политических и гражданских прав и свобод. Совершенствование избирательного законодательства на сегодняшний день направлено на признание и совершенствование общепризнанных демократических принципов, которые находят отражение в законодательстве развитых стран.

Базовым международно-правовым актом, в котором государства мирового сообщества согласовали, систематизировали и провозгласили основные права и свободы человека, выступает Всеобщая декларация прав человека. Нормы Декларации носят универсальный характер и включают в себя гражданские, политические, социально-экономические и культурные права.

В 2002 году на межпарламентной ассамблеи Содружества независимых государств была принята Конвенция «О стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод

в государствах-участников Содружества Независимых государств», которая была ратифицирована Федеральным законом № 89-ФЗ от 02.07.2003. Конвенцией впервые была проведена систематизация стандартов свободных и демократических выборов в рамках межгосударственного образования.

Политические права в современном демократическом государстве трактуются в контексте политической глобализации и соотносятся с уровнем развития демократии. Значение данной группы прав заключается в определении степени свободы человека, а также в характеристики взаимосвязи между различными социальными группами населения, их значении и положении в обществе. Еще в средневековый период развития избирательного законодательства особенной чертой являлось объединение родовых общин для реализации политических целей [2, с. 63].

Актуальным примером на сегодняшний день выступает Евразийское экономическое сообщество, которое направлено на выработку единой внешнеэкономической политики, тарифов, цен и других составляющих функционирования общего рынка. Однако, несмотря на основные цели международной организации, интересным случаем является схожесть избирательного законодательства и основные тенденции его развития.

Согласно ч. 1 ст. 32 Конституции Российской Федерации к неотъемлемым политическим правам относится право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, а также право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Также Конституция Российской Федерации представляет гражданам право принимать участие в управлении делами государства через всенародный референдум (ч. 2 ст. 32). Отдельные избирательные нормы, регулирующие порядок выборов Президента Российской Федерации, Федерального Собрания и Правительства Российской Федерации регулируются разными главами основного закона.

Аналогичный подход расположения норм, регулирующих основополагающие вопросы избирательного процесса, закре-

ПЛЕН Конституцией Республики Казахстан, Конституцией Кыргызской Республики и Конституцией Республики Армения.

Иная ситуация существует с Конституцией Республики Беларусь, которая содержит раздел «Избирательная система. Референдум». Данный раздел объединил в себе нормы, регулирующие проведение выборов и референдума, в том числе принципы проведения выборов, избирательные цензы, порядок финансирования проведения избирательных кампаний и иные. Кроме этого, следующая глава Конституция Республики Беларусь объединила в себе основные вопросы проведения выборов Президента Республики Беларусь, Всебелорусского народного собрания, Парламента и Правительства.

Важно отметить, что институт выборов выступает в качестве основополагающего элемента любого демократического государства. В связи с этим предполагается, что именно систематическое отражение норм будет способствовать повышению уровня ответственности государства перед обществом.

Кроме этого, в Республики Беларусь была завершена кодификация нормативных правовых актов, регулирующих порядок формирования выборных государственных органов, проведения референдума и отзыва избранных депутатов. В феврале 2000 года был принят Избирательный кодекс Республики Беларусь, который включил в себя общую и особенную часть.

Особое внимание следует уделить тому факту, что за 23 года в данный акт было внесено всего 8 изменений, что подтверждает высокий уровень установленных юридических конструкций и норм. Для примера, в Избирательный кодекс Республики Армения от 17.02.1999 № ЗР-284 изменения были внесены более 15 раз.

В Республике Казахстан и Кыргызской Республике вопросы выборов регулируются специальными конституционными законами. Несмотря на это, Конституционный закон Республики Казахстан от 28.09.1995 № 2464 «О выборах в Республике Казахстан» имеет схожую модель с избирательными кодексами. Он так же разделен части и включает в себя порядок проведения выборов Президента Республики Казахстан, депутатов Сената Парламента Республики, депутатов Мажилиса Парламента Республики и маслихатов Республики.

Необходимо отметить положительную сторону кодификации избирательного права, при которой происходит систематизация и упорядочение норм. Наличие кодекса позволяет не просто устранить противоречия в отрасли права, но и исключить пробелы в законодательстве.

На сегодняшний день в Российской Федерации, помимо «базового» Федерального закона № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», отношения в сфере избирательного права регулируются указами Президента Российской Федерации, Постановлениями Правительства Российской Федерации, постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Кроме этого, нормы избирательного права содержатся в следующих источниках: Конституции Российской Федерации, федеральном законе о выборах Президента Российской Федерации, федеральных законах о порядке формирования Совета Федерации и выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания и иных нормативных правовых актах.

В связи с тем, что сейчас действует большое количество нормативных правовых актов, часто на практике возникают проблемы правоприменения норм законодательства. Кроме этого, избирательная практика демонстрирует, что избирательными комиссиями и судебными органами не всегда реализуются единые подходы при разрешении аналогичных дел.

Ярким примером выступает общий запрет на подкуп избирателей кандидатами, избирательными объединениями, иными лицами при проведении предвыборной агитации, который установлен п. 2 ст. 56 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ». В связи с тем, что этот нормативный правовой акт является рамочным в системе правового регулирования электоральных отношений [1, с. 60], его положения должны находить развитие и уточнение в иных законах, регулирующих проведение конкретных избирательных кампаний.

В Федеральном законе от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального

Собрания РФ» закрепляется возможность распространять агитационные материалы, которые специально изготовлены для избирательной кампании и стоимость которых не превышает 100 руб. за единицу продукции. При этом законодатель, кроме денежной суммы, не закрепляет иные видовые ограничения этих агитационных материалов.

Кодификация вышеупомянутых актов позволила бы устранить существующие расхождения между нормами законов и дублирование норм, сформировать единую избирательную нормативную базу, а также упростить деятельность судам, правоохранительным органам и избирательным комиссиям.

Правовой анализ принципов избирательного процесса, которые закреплены в законодательстве стран Евразийского экономического сообщества, показал идентичные избирательные стандарты. Например, правовыми избирательными стандартами, обеспечивающими реализацию принципа всеобщего избирательного права, выступают избирательные цензы, ограничения активного и пассивного избирательного права, возможность проголосовать вне места регистрации и иные.

Интересным примером выступает Конституционный закон Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» от 02.07.2011 № 68, который в 1-й главе закрепляет нормы о наблюдателях и представителях средств массовой информации. В данном случае законодатель подтверждает элемент общественного наблюдения как неотъемлемую часть демократически развивающегося государства. Кроме этого, сам факт повышения значимости института общественного наблюдения декларирует высокий уровень электората в справедливости выборов и реализует принципы открытости и гласности голосования.

Проанализировав законодательный опыт государств—членов Евразийского экономического сообщества, можно сделать вывод об идентичном закреплении основных принципов проведения выборов. Однако стоит обратить внимание на положительный процесс кодификации избирательного законодательства, который позволяет устранить расхождения в действующем законодательстве.

Литература

1. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации / отв. ред. А. А. Вешняков. М.: НОРМА. 2003. 816 с.
2. Соодонбеков А. А. Избирательное законодательство Кыргызской республики // Академическая мысль. 2022. №. 2. С. 63–67.

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ПЕНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ (ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ) ТЕХНОЛОГИЙ

А. Т. Вельтмандер

Зырянский районный суд Томской области
председатель суда
кандидат юридических наук
a.welt@yandex.ru

Т. Г. Каракулов

Чаинский районный суд Томской области
председатель суда
timofeykarakulov@yandex.ru

Аннотация. Предметом исследования являются особенности криминализации и пенализации деяний, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: преступление, общественная опасность, пенализация, цифровые технологии.

Abstract. The subject of the study is the features of criminalization and penalization of acts committed using information and communication technologies.

Key words: crime; public danger; theory of penalization, digital technologies.

Значение информационно-коммуникационных технологий в современном обществе трудно переоценить. Право как неизменный элемент общественной жизни не в меньшей степени подвержено влиянию цифровизации и во многом вынуждено следовать за вновь формирующимися обществен-

ными отношениями. Термин «цифровизация» и его синонимы (цифровая трансформация, виртуализация), первоначально использовавшиеся применительно к экономическим преобразованиям, сегодня, став общеупотребительными и в науке управления, и уголовном процессе, и при определении направлений развития уголовно-исполнительной системы, уже привычны для ученых-юристов. Цифровизация как сам процесс и результат такого процесса, как правило, указывает на позитивное развитие соответствующих правоотношений, не отстающих от «технологической» повестки дня [3, с. 53–54].

Именно эволюция общественных отношений, обусловленная появлением новых областей человеческой деятельности (информационной, компьютерной) и применением достижений по данным направлениям в криминальных целях, потребовала введения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее также УК РФ) самостоятельной главы — «Преступления в сфере компьютерной информации» [2, с. 14].

Наряду с этим для приведения в соответствие с социальными изменениями информационно-коммуникационной сферы общественной жизни были внесены дополнения и в иные статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (в первую очередь касающиеся квалифицирующих признаков составов отдельных преступлений). Указанное свидетельствует о трансформации уголовной политики, которая объективирует направления по применению государством мер уголовной ответственности в целях борьбы с преступными деяниями, совершаемыми в новых формах.

Полагаем наиболее обоснованным понимание криминализации как процесса и результата признания в уголовном законе общественно опасного деяния уголовно наказуемым [6, с. 9–10]. Соответственно, общественно-опасные деяния, совершаемые с использованием цифровых (информационно-телекоммуникационных) технологий и их признаки должны быть проанализированы на предмет необходимости установления нового уголовно-правового запрета (запретов) либо содержательного изменения уже существующего (существующих).

Коль скоро основными для науки уголовного права категориями являются преступление и наказание, то наряду с вопросами о признании деяния общественно-опасным (дейнджеризации) [7, с. 65] и его криминализации (при наличии необходимых и достаточных социально-криминологических оснований) проблемой столь же важной является вопрос о пенализации преступлений, совершаемых с использованием цифровых (информационно-телекоммуникационных) технологий. Пенализация определяется как деятельность законодателя по установлению (закреплению) в уголовном законе тех или иных видов наказаний за предусмотренные им конкретные преступные деяния [1, с. 29; 7, с. 63–64; 8, с. 128]. Оценивая адекватность государственно-принудительного воздействия на преступника в связи с таким уголовно-противоправным поведением, можно говорить о наличии либо отсутствии необходимости изменения существующего уровня пенализации — отраженной в уголовном законе величине уголовной репрессии [1, с. 33–38, 47–48].

Как уже отмечалось, криминализация и пенализация [5] должны быть обусловлены социальными и криминологическими обстоятельствами. Традиционно в юридической литературе под основанием криминализации деяния понимается необходимость в установлении новой уголовно-правовой нормы, продиктованная общественной опасностью деяния (его характером и степенью). Как правило, по аналогии с этим определяется и основание пенализации. Содержание характера и степени общественной опасности преступления нашло свое отражение в пункте 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». Характер общественной опасности преступления зависит от признаков состава преступления и в первую очередь от направленности деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Степень общественной опасности преступления зависит от конкретных обстоятельств содеянного (от способа совершения преступления, характера и размера последствий, от вида умысла либо неосторожности). Также при определении

степени общественной опасности преступления учитываются обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (статьи 61 и 63 Уголовного кодекса Российской Федерации), относящиеся к совершенному преступлению,

При этом к наиболее общим критериям, влияющим на криминализацию и пенализацию деяния, можно отнести распространенность деяния; увеличение значимости преступных последствий (вреда, ущерба) с учетом социально-экономических особенностей развития общества на историческом этапе; последовательную направленность лиц на совершение однородных проступков (административная преюдиция). Для понимания особенностей криминализации и пенализации преступлений, совершенных с использованием цифровых (информационно-коммуникационных) технологий, в первую очередь необходимо обратиться к осмыслению неоднородности этих преступлений, которая находит свое объективное отражение в уголовном законодательстве. В наиболее общем виде преступления, связанные с использованием цифровых (информационно-коммуникационных) технологий, можно разделить на две основные группы.

В первую группу входят преступления в сфере компьютерной информации, то есть преступления, предметом которых являются информация и информационные системы.

Указанные преступления закреплены в главе 28 Уголовного кодекса Российской Федерации, к ним действующим законодательством отнесены:

1. Статья 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (Неправомерный доступ к компьютерной информации);

2. Статья 273 Уголовного кодекса Российской Федерации (Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ);

3. Статья 274 Уголовного кодекса Российской Федерации (Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей);

4. Статья 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации);

5. Статья 274.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования).

Вторую группу составляют преступления, квалифицирующим признаком которых является их совершение с использованием цифровых технологий:

1. Преступления против государственной власти, мира и безопасности человечества (а именно части и пункты с указанным квалифицирующим признаком в статьях 280, 282, 280.4, 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации);

2. Преступления против личности (а именно части и пункты с указанным квалифицирующим признаком в статьях 110, 110.2, 133, 128.1, 151.2 Уголовного кодекса Российской Федерации);

3. Преступления против общественного порядка и безопасности (а именно части и пункты с указанным квалифицирующим признаком в статьях 205.2, 222.1, 222, 222.2, 230, 228.1, 238.1, 242.2, 242, 258.1, 274.1, 274.2 Уголовного кодекса Российской Федерации);

4. Экономические преступления (а именно части и пункты с указанным квалифицирующим признаком в статьях 158, 159, 171.2, 185.3 Уголовного кодекса Российской Федерации).

В подавляющем большинстве случаев наличие указанного квалифицирующего признака деяния отражает не только рост числа соответствующих деяний, но и объективное состояние общественной жизни, при котором «цифровизация реальности» становится неотъемлемым ее элементом [2, с. 15].

Вместе с тем анализ правоприменения показывает, что не во всех случаях само по себе увеличение числа деяний должно являться безусловным основанием для установления (констатации) роста их общественной опасности и, как следствие, криминализации деяния или его пенализации (в том числе отнесения преступления к категории более тяжких). Наиболее очевидным примером в этом случае является закрепление в действующем уголовном законодательстве п. г ч. 3

ст. 158 УК РФ (кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств), когда хищение, как правило, незначительных денежных сумм образует состав тяжкого преступления [2, с. 15–16]. Наряду с этим не вызывает сомнений, что в некоторых случаях рост общественной опасности отдельных деяний непосредственно связан со способом их совершения (с использованием информационно-коммуникационных технологий).

В частности, совершение незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), безусловно, упрощает совершение деяния, делает возможным реализацию наркотических средств массовой. В некоторых случаях использование информационно-коммуникационных технологий обеспечивает возможность реализации публичного характера распространения информации. На это, например, указано в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2, согласно которым публичный характер распространения заведомо ложной информации может проявляться в использовании для этого средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе мессенджеров и других. Распространение может быть также выражено в «размещении лицом в сети "Интернет" или иной информационно-телекоммуникационной сети, на своей странице или на странице других пользователей материала, содержащего ложную информацию (например, видео-, аудио-, графического или текстового), созданного им самим или другим лицом (в том числе так называемый репост)».

Резюмируя, отметим, что в случае явного увеличения общественной опасности отдельных преступлений, способ совершения которых непосредственно связан с использованием информационно-коммуникационных технологий, они могут быть криминализованы с установлением уголовной наказуемости за их совершение. Это сделает возможным про-

явление адекватной и решительной реакции государства на соответствующее преступное поведение, связанной с назначением за содеянное справедливого наказания [4, с. 95]. Появление преступлений, совершаемых с использованием цифровых (информационно-телекоммуникационных) технологий, нередко новых только по способу совершения, но не отличающихся от иных преступлений по характеру и степени общественной опасности, по нашему мнению, само по себе не является достаточным основанием криминализации или пенализации (изменению ее уровня) [3, с. 57] без учета иных, заслуживающих внимания обстоятельств.

Литература

1. Валеев М. Т. Свойства уголовного наказания в свете теории пенализации / под ред. В. А. Уткина. Томск: Изд-во НТЛ, 2006. 168 с.
2. Вельтмандер А. Т. Общественная опасность преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных (цифровых) технологий // Уголовная политика в условиях цифровой трансформации: сб. ст. мат-лов II Всерос. науч.-практ. конф., Казань, 27 апреля 2023 года / отв. ред. М. А. Ефремова. Казань: Отечество, 2023. С. 11–16.
3. Каракулов Т. Г. К вопросу о допустимости лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград за киберпреступления // Уголовная политика в условиях цифровой трансформации: сб. ст. мат-лов II Всерос. науч.-практ. конф., Казань, 27 апреля 2023 года / отв. ред. М. А. Ефремова. Казань: Отечество, 2023. С. 52–59.
4. Каракулов Т. Г. Обстоятельства, учитываемые при назначении наказания в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. / ред. О. И. Андреева, А. С. Князьков, Н. В. Ольховик, Л. М. Прокументов, М. К. Свиридов, В. А. Уткин. Томск: Изд-во ТГУ, 2022. Ч. 92. С. 94–95.
5. Каракулов Т. Г. Социально-криминологическая обусловленность наказания в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград // Всерос. науч.-практ. конф. «Iustitia — fundamentum regni / Правосудие — основа государства», посвящ. 100-летию Верховного Суда Российской Федерации: сб. тез. докл. Томск: Дельта-план, 2022. С. 71–74.
6. Прокументов Л. М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск: Изд-во ТГУ, 2012. 142 с.
7. Уткин В. А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. Томск: ИД ТГУ, 2018. 240 с.
8. Уткин В. А. Факторы пенализации и международное уголовное право // Вестник Томск. гос. ун-та. Право. 2015. № 2 (16). С. 128–137.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ

Л. Р. Мустафина

Казанский (Приволжский) федеральный университет
старший преподаватель кафедры конституционного
и административного права
Leisanm81@mail.ru

Аннотация. В статье кратко рассмотрены основные этапы реализации стратегического планирования в сфере обеспечения безопасности детей на период до 2030 года.

Ключевые слова: государственная политика, безопасность детей, десятилетие детства.

Abstract. The article briefly discusses the main stages of the implementation of strategic planning in the field of child safety for the period up to 2030.

Key words: State policy, child safety, Decade of Childhood.

В 2020 году были приняты поправки к Конституции нашей страны, в частности в статье 67.1 [1] сказано, что «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения». Для того чтобы эта норма заработала, Президентом РФ был подписан Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [2], а в целях совершенствования государственной политики в сфере защиты детства Указом Президента 2018–2027 годы в Российской Федерации объявлены Десятилетием детства [3].

Для его реализации Постановлением 14 июля 2018 г. № 823 [4] был образован Координационный совет при Правительстве РФ по проведению в Российской Федерации Десятилетия детства. Он обеспечивает взаимодействие федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления,

общественных объединений, научных и других организаций при рассмотрении вопросов по выполнению Указа. Организационно-техническое обеспечение деятельности Совета осуществляет Министерство просвещения РФ.

Правительство РФ утвердило план основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства на этот период (распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 января 2021 года № 122-р «Об утверждении Плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 г.»). План [5] состоит из восьми разделов: «Здоровьесбережение с детства», «Благополучие семей с детьми», «Всестороннее развитие, обучение, воспитание детей», «Инфраструктура детства», «Защита детей, оставшихся без попечения родителей», «Качество жизни детей с ограниченными возможностями здоровья, детей-инвалидов», «Безопасность детей», «Координация реализации Десятилетия детства». В каждом разделе прописаны мероприятия, направленные на создание условий для улучшения разных сфер жизни детей, за реализацию которых указан ответственный исполнитель и установлены сроки.

После неоднократного обсуждения на заседаниях рабочей группы Координационного совета о реализации мероприятий в области безопасности детей в результате большой межведомственной работы 17 мая 2023 года Указом Президента РФ была утверждена «Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» [6]. Документ разрабатывался коллективом Института воспитания в рамках государственного задания Министерства просвещения в 2022 году.

Основными целями государственной политики в сфере обеспечения безопасности детей являются: 1) снижение уровня детской смертности и детского травматизма, сохранение здоровья детей; 2) защита и обеспечение интересов детей и семей, имеющих детей, во всех сферах жизнедеятельности; воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, исторических и национально-культурных традиций.

Проанализировав данный документ, выделим, что Стратегия способствует созданию условий для принятия органами государственной власти и органами местного самоуправления решений, формирующих систему обеспечения комплексной безопасности детей, в том числе в части, касающейся выявления и предотвращения угроз безопасности детей, определения приоритетности и обеспечения эффективности мер, принимаемых при реализации государственной политики в сфере обеспечения безопасности детей.

Органам государственной власти субъектов РФ рекомендовано руководствоваться положением Стратегии при осуществлении деятельности по обеспечению безопасности детей. Для построения комплексной работы очень важно задействовать все ресурсы государства, каждое министерство и ведомство должно в рамках своей деятельности предусматривать разработку продуктов, направленных на безопасность детей.

Правительство РФ получило поручение в течение полугода утвердить план мероприятий по реализации стратегии, целями которой являются снижение уровня детской смертности и детского травматизма, сохранение здоровья детей; защита и обеспечение интересов детей и семей, имеющих детей, во всех сферах жизнедеятельности; 3) воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, исторических и национально-культурных традиций.

Работа по формированию безопасной среды для подрастающего поколения продолжает активно разрабатываться. В последнее десятилетие появляются методические рекомендации, книги, пособия, ориентированные на культуру безопасного поведения, приняты различные национальные проекты, государственные программы, меры по реализации обеспечения безопасности детей. Но, несмотря на это, проблема угрозы жизни и здоровья детей пока снижается медленно. Они не подготовлены к поведению в условиях чрезвычайных ситуаций, безопасному поведению в быту, на природе, на дорогах. Информационное пространство для детей небезопасно.

Исследовав вышеперечисленное законодательство, подведём итог: для осуществления комплексной работы в сфере обеспечения безопасности детей важно активно задействовать все ресурсы государства; считаем, что каждое министерство и ведомство должно в рамках своей деятельности предусмотреть разработку продуктов, принять меры, направленные на совершенствование государственной политики в отношении детей.

Литература

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.06.2023).
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 30. Ст. 4884.
3. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 № 240 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 23. Ст. 3309.
4. О Координационном совете при Правительстве Российской Федерации по проведению в Российской Федерации Десятилетия детства: постановление Правительства Российской Федерации от 14.07.2018 № 823 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 30. Ст. 4737.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.03.2023 № 574-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 12. Ст. 2065.
6. О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 17.05.2023 № 358 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 21. Ст. 3696.

ВЕНЧУРНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ СТАРТАПОВ ПО ПРОИЗВОДСТВУ МИКРОЧИПОВ ДЛЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КАЗАХСТАНА, РЯДА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН, В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

М. А. Сарсембаев

Институт законодательства и правовой информации
Республики Казахстан
главный научный сотрудник отдела международного права
и сравнительного правоведения, КГ «Болашак»
доктор юридических наук, профессор
daneker@mail.ru

Аннотация. В данной статье-докладе показаны формы венчурного финансирования по инновациям, в том числе по совершенствованию и производству микрочипов (полупроводников, микросхем), устанавливаемых практически на всех узлах производимых на заводах транспортных средств. Все это исследовано на примере законодательства Республики Казахстан, ряда зарубежных государств, а также норм международного публичного и частного права. Предложены к разработке и принятию новые казахстанские законы, иные нормативные правовые акты, а также новые международно-правовые акты. Автор рекомендует учитывать данные фундаментальной и прикладной наук по созданию и совершенствованию технологий принципиально новых микрочипов в целях доведения их до промышленно-серийного производства.

Ключевые слова: микрочипы, венчурное финансирование, законодательство, венчурный фонд, бизнес-ангелы, наука и производство.

Abstract. This article shows the forms of venture financing for innovations, including the improvement and production of microchips (semiconductors, microcircuits) installed on almost all nodes of vehicles produced at factories. All this is studied on the example of the legislation of the Republic of Kazakhstan, a number of foreign countries, as well as the norms of international public and private law. New Kazakh laws, other regulatory legal acts, as well as new international legal acts are proposed for development and adoption. The author recommends taking into account the data of fundamental and applied sciences on the creation and improvement of technologies of fundamentally new microchips in order to bring them to industrial serial production.

Key words: microchips, venture financing, legislation, venture fund, business angels, science and production.

Благодаря чипам, в нужный момент в автомобиле (электромобиле) срабатывают подушки безопасности, облегчается управление работой двигателя. Без них невозможна работа магнитолы, самых различных устройств, призванных помогать водителю. Они участвуют в работе стартера, компрессора, генератора постоянного тока, рулевого управления. Легче назвать те компоненты авто, где не устанавливают те или иные чипы. Нужно отметить, что усредненное количество микрочипов в машине с двигателем внутреннего сгорания доходит до 1000 единиц, машина с электрическим двигателем нуждается примерно в 2000 чипах, а в высокотехнологичных автомобилях с внедрением в них разнообразных современных систем может быть установлено более 3000 чипов. В электромобильном беспилотном транспорте находится достаточное большое количество микрочипов потому, что при создании механизма автопилота задействуют максимально большое количество чипов.

И вот сразу после пандемии, в связи с лавиной заявок на эти чипы, в связи с осложнением отношений между ведущими странами (торговые войны между США и Китаем), в связи с обширными проблемами на ряде производивших чипы заводов, предприятия перестали справляться с количественными поставками этих продуктов микроэлектроники. Поэтому сегодня промышленный, автопромышленный мир, предприятия сельскохозяйственного машиностроения испытывают большую нужду в микросхемах (чипах), которых не производят в количествах, необходимых для машиностроительных заводов. Факты приостановления производства на ведущих машиностроительных заводах видны на следующих примерах. «Volvo» был вынужден сократить производство грузовых машин практически по всему миру. Компания «Honda» временно останавливала работу шести заводов в Канаде, Мексике, США. «Toyota» приостанавливала производство в Чехии. «Mitsubishi» сокращал производство на своем внутреннем рынке. «Hyundai» сократил работу в выходные дни: тем самым уменьшил выпуск таких марок авто, как Avante, Grandeur, Kona, Sonata. «Nio» приостановила производство своих авто. Приостановление концерном «Volkswagen» производства

в Португалии не добавило ему прибыли. «АвтоВАЗ» также останавливал свое конвейерное производство из-за дефицита микрочипов [1]. О проблемах аналогичного свойства заявили заводы «Форд», «Фиат», «Ниссан». Как так случилось, что крошечная деталь поставила на колени крупнейшие машиностроительные предприятия мирового масштаба?

Изначально разберемся, что означает чип? Чип, используемый в современном автопроме, в агротехническом машиностроении означает чип-кристалл, на который наносится интегральная схема и который устанавливается на различных узлах в автотранспортной и (или) сельскохозяйственной машине, что обеспечивает автоматическую работу этих узлов в соответствующей машине. В настоящее время в связи с разным назначением и разными производителями микрочипы для автомобилей могут иметь размеры от 28 до 65 нанометров. Для определения габаритов нужно знать, что 1 мкм (микрон) равен 0,001 миллиметра, или равен 0,0001 сантиметра, или равен 1000 нанометров. Чипы ID 46 и 4D устанавливаются на заводах в качестве полупроводников на технических узлах многих марок отечественных и зарубежных автомобилей.

Как обстоит дело с мировой микроэлектроникой, с производством микрочипов различного назначения, в том числе для транспортной и сельскохозяйственной промышленности, в развитых странах? В мире функционируют 134 фабрики по выпуску микрочипов, в том числе на Тайване — 28, в Сингапуре — 8, в Китае — 11. Это означает, что в общей сложности в этих странах работают 47 предприятий. Другие 87 фабрик находятся в Германии, Израиле, Ирландии, Италии, Мексике, Нидерландах, США, Франции, Южной Корее, Японии [2]. Мировыми лидерами в производстве этих микросхем являются США, Тайвань, Китай и Южная Корея. Но и у России в этой области есть свой опыт. Функционирует завод «Микрон» во главе с академиком Г. Красниковым. Кроме того, есть Институт проблем проектирования в микроэлектронике Российской академии наук (руководитель — академик А. Стемповский), занятый исследованием вопросов автоматизированного проектирования микрочипов. Казахстан стремится обеспечить условия для производства микрочипов. В частности, мини-

стерство индустрии и инфраструктурного развития республики сообщило, что казахстанская компания вступила в переговоры с производителем оперативной памяти и накопительных устройств (Тайвань) по поводу локализации данного производства в специальной экономической зоне «Парк инновационных технологий» в г. Алматы [3]. Казахстанская сторона на переговорах с тайваньскими представителями TSMC (Taiwan Semiconductor Manufacturing Company) могла бы озвучить проблемы, с которыми сталкиваются их фабрики по производству микрочипов в Тайване и которые вполне могут быть решены в Казахстане. Чтобы склонить их к более тесному сотрудничеству, можно напомнить о том, что им не придется импортировать 90 миллионов кварцевого песка в год, в том числе 35 процентов из материковой части КНР, в котором содержится кремний, являющийся существенной составляющей среди материалов, применяемых в процессе изготовления микрочипов в Тайване [4]. Казахстан между тем располагает громадными запасами этого песка.

Очень важно решить вопрос о насыщении мирового, в том числе казахстанского, рынков этими чипами [5]. Один из вариантов — производить такие чипы не только в Японии, Тайване, но и в других странах. В частности, Казахстан мог бы в сотрудничестве с другими странами производить такие чипы. Казахстан мог бы на своей территории создать совместное предприятие по производству чипов с любой развитой страной (Тайванем, США, Южной Кореей). Именно здесь имеется тот самый кварцевый песок, который так необходим для производства чипов. Немаловажно отметить: несмотря на то, что Тайвань завозит этот песок из других стран, тем не менее он добился в микроэлектронике впечатляющих результатов. Для производства этого продукта, кроме песка, необходимы следующие исходные материалы: германий или кремний, арсенид бора, алмазы, золото, скандий, иттрий, лантан, иные редкоземельные элементы. Практически все эти элементы, включая кварцевый песок, имеются в недрах Республики Казахстан. Некоторые аналитики предрекают в скором будущем дефицит редкоземельных элементов. На мой взгляд, такого дефицита можно избежать, если каждая страна, в том числе Казахстан,

в составе своей экономики будет иметь развитую отрасль по надлежащей утилизации отслуживших свои сроки транспортных и сельскохозяйственных машин. В первую очередь, на заводах по утилизации должны поставить на промышленную основу снятие и переработку всех чипов на каждом автомобиле, на каждой сельскохозяйственной машине. Подспорьем этому делу мог бы стать новый казахстанский закон под примерно таким названием — *«О создании промышленной отрасли по надлежащей утилизации всех промышленных, транспортных, сельскохозяйственных и иных машин и механизмов»*.

Академик А. Стемпковский считает, что нужно не догонять развитые страны по вопросам развития нынешних цифровых технологий, а обогнать их путем исследования и нахождения «принципиально новых, прорывных технологий». В частности, он предлагает исследовать «квантовые технологии, которые позволят на порядки превзойти существующие цифровые методы обработки информации» [6]. Поскольку казахстанские ученые Т. Рыспеков, А. Муканова, К. Тыныштыкбаев достаточно глубоко исследуют квантовые технологии, специализируются в микро- и наноэлектронике, было бы целесообразно объединить усилия ученых наших стран и выйти на прорывные технологии, на основе которых можно будет производить принципиально новые типы микрочипов. В этой связи представляется интересной информация о том, что «китайский квантовый компьютер “Цзючжан” выполняет задачи» по сбору данных «в 180 миллионов раз быстрее, чем самый мощный суперкомпьютер» [7]. Так это или нет, пока не ясно: надо подождать подтверждений.

Учитывая сложившиеся на международной арене не совсем благоприятные обстоятельства по поводу остро необходимых микрочипов, описанные выше договоренности просто необходимы. Такие договоренности можно было бы скрепить актом международного частного права — контрактом или соглашением о создании СП (совместного предприятия), в котором можно было бы определить права и обязанности сторон. Казахстан со своей стороны мог бы предоставить достаточно грамотную, недорогую рабочую силу, необходимые производственные помещения, энергопитание, исход-

ные материалы; другая сторона могла бы оказать содействие квалифицированными инженерными кадрами, опытом, своим возможным капиталом. Если капитала с обеих сторон будет недостаточно, то можно решить эту проблему за счет венчурного капитала, которые захотели бы инвестировать в этот весьма прибыльный бизнес. Один из возможных вариантов: инвестор мог бы стать третьей стороной в создании СП.

Миниатюрный чип, как видим, становится товаром, вещью, о котором говорят: «Мал золотник, но дорог». К тому же, имея в виду, что научные исследования и практическое производство по выпуску микрочипов выливается в каждой стране в миллиарды долларов, есть смысл разработать и принять отдельный, новый казахстанский закон *«О создании условий для научного поиска принципиально новых, прорывных технологий, превосходящих существующие цифровые методы обработки информации в целях запуска в промышленно-серийное производство принципиально новых микрочипов и иной продукции микро- и нанoeлектроники»*. В целях реализации такого внутреннего казахстанского закона Казахстан мог бы войти в научно-фундаментальное сотрудничество с Россией, Тайванем, США, Японией, Южной Кореей в рамках имеющихся публично-правовых международных соглашений о научном сотрудничестве или с каждой страной Республика могла бы заключить отдельное двустороннее соглашение *«О научно-теоретическом фундаментальном сотрудничестве о выходе на уровень сверх цифровых технологий в целях получения принципиально новых микрочипов различного назначения»*, в том числе для всех отраслей промышленности, машиностроения. Вот здесь государственный венчурный капитал сыграл бы существенную роль [8, с. 166–167].

В Казахстане уже есть свое венчурное законодательство, которое может быть использовано при финансировании стартапа (запуск новой бизнес-модели, предполагающей прибыль) по производству чипов для автопрома и иных подотраслей промышленности, машиностроения республики. Так, в Закон Республики Казахстан от 7 июля 2004 года «Об инвестиционных и венчурных фондах» достаточно формально внесены положения о венчурном финансировании. Внимательное

изучение этого Закона показывает, что небольшие дополнения о венчурном финансировании практически не раскрывают сути венчурных фондов и венчурного финансирования. Тем временем такой вид финансирования нуждается в глубинном урегулировании. В этой связи было бы целесообразным вопросы венчурных фондов и венчурного финансирования сделать предметом регулирования в рамках отдельного, самостоятельного закона республики и назвать его примерно так: *«О сущности и особенностях венчурного финансирования и венчурных фондов»*. На основе такого закона мы могли бы обеспечивать финансирование различных аспектов научно-прикладных исследований совершенствования микрочипов текущего поколения.

Казахстан мог бы присмотреться к законодательскому опыту тех стран, которые достигли немалых успехов в сфере венчурного финансирования. В частности, в США действует имеющий отношение к финансированию науки Закон (Акт) Стивенсона — Уайдлера «О технологических инновациях» от 21 октября 1980 года [9]. Прямо соответствующим нашей теме являются Закон Испании № 25/2005 «О венчурных организациях и организациях, осуществляющих управление ими» от 24 ноября 2005 года; Закон о ценных бумагах и биржах Индии 1992 года, регулирующий оборот венчурного капитала; Закон о ценных бумагах и биржах Индии 1996 года, регламентирующий статус и деятельность фонда венчурного капитала. В Тайване функционируют законы, имеющие то или иное отношение к вопросам венчурного финансирования. К ним, в частности, относятся Закон Республики Китай (Тайвань) от 12 мая 2010 года «О развитии индустриальной инновации», регулирующий условия, порядок оказания государственной поддержки проектам инновационного, высокотехнологического характера [10]; Закон о патентах Республики Китай (Тайвань), дополненный и обнародованный 6 февраля 2003 года, формулирует положения о защите и использовании патентов на изобретения, полезные модели и промышленные образцы, в том числе в отношении микрочипов. Кроме казахстанского Закона об инвестиционных и венчурных фондах, законодатель принял Закон Республики Казахстан от 4 июля 2018 года

«О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам венчурного финансирования», которым внесены изменения и дополнения в 15 кодексов и законов Казахстана. В казахстанские законы «О промышленной политике» от 27 декабря 2021 года и «Патентный закон» от 16 июля 1999 года желательно внести в порядке дополнения нормы о создании и внедрении микроэлектронных компонентов в продукцию промышленности и машиностроения, а также более развернутые нормы о защите патентов на изобретения, полезные модели видов продукции микроэлектронной промышленности.

Если говорить об обобщенном мировом опыте венчурной деятельности, то можно сказать следующее [11]. Стремясь создать венчурный бизнес, многие государства мира прибегли к использованию таких форм инвестирования, как: а) прямое государственное инвестирование средств в деятельность частных компаний; б) вложение государственных инвестиций в виде пополнения в частные венчурные фонды [12]; в) применение смешанных форм инвестирования. Республика Казахстан могла бы присмотреться к этому мировому опыту инвестирования в венчурные фонды. Кроме того, она же могла бы воспользоваться опытом развивающихся стран, которые создавали государственный фонд, функция которого состояла во вложении инвестиций в частные венчурные фонды [13]. Эти фонды инвестировали венчурные проекты. И далее, самое главное: совладельцами частных фондов за счет льготного финансирования становились венчурные предприниматели из развитых стран. Это реально содействовало развитию венчурного финансирования в стране.

Венчурный бизнес в Казахстане находится на начальной стадии развития. Поэтому стране необходимо более тщательно изучить международный опыт становления и развития венчурной предпринимательской деятельности, одно из направлений которой могло бы вывести на научно-прикладные проекты микроэлектронной промышленности, усовершенствование микрочипов и их производство на казахстанских заводах. Итак, собранный мировой опыт успешного развития венчурного бизнеса свидетельствует, что необходимо

разработать и утвердить на правительственном уровне долгосрочную инновационную стратегию и конкретную дорожную карту осуществления финансирования венчурного бизнеса. Правительство и парламент совместными усилиями могли бы сформулировать соответствующие законы о разных аспектах венчурной деятельности. Имеющиеся инвестиции в значительной мере направляются на развитие человеческого капитала, поскольку именно он и обеспечивает эффективность венчурной предпринимательской деятельности [14].

Бизнес-ангелы в виде венчурных предпринимателей вырастают чаще всего из среды венчурных менеджеров. Сами венчурные менеджеры представляют собой определенный остов этого вида деятельности. Без использования данных фундаментальной и прикладной наук невозможно выйти на открытия, изобретения в сфере венчурного бизнеса. Для продвижения венчурного бизнеса необходимы грамотные специалисты, имеющие высшее техническое, технологическое, экономическое, юридическое образование. Венчурная среда может нормально развиваться прежде всего за счет добросовестной конкуренции в ней. Говоря другими словами, выход на венчурные проекты по вопросам создания и производства принципиально новых микрочипов в машиностроительной промышленности, достижение успехов в этом направлении возможны при преодолении всех приведенных выше ступеней становления и развития венчурной предпринимательской деятельности.

Особенностью казахстанского венчурного бизнеса в сфере создания и производства совершенно новых чипов для транспортных и сельскохозяйственных машин должен стать весьма высокий интеллектуальный, профессиональный уровень венчурных предпринимателей и менеджеров республики. Таких профессионалов надо возвращать в технических, технологических колледжах и университетах, а также в университете «Allug» при заводах транспортного машиностроения Казахстана. При этом нужно иметь в виду, что вырастить таких профессионалов будет нелегко. Это связано с тем, что их знания и опыт должны базироваться на фундаментальной и прикладной науке по вопросам микрочипирования, на умении овла-

девать тонкостями инновационного менеджмента, на знаниях высокотехнологичного производства различных видов микрочипов, пригодных в том числе для машиностроения. Поэтому инноватор (физическое или юридическое лицо, преимущественно из среды малого и среднего бизнеса) должен уметь подать венчурному предпринимателю свой проект об усовершенствованном микрочипе для транспортных средств и сельскохозяйственных машин в системном и комплексном виде; убедительно отвечать на большое количество вопросов о своем чипе, о его возможной конкурентоспособности на рынке, о расходах и возможной прибыли, о рисках [15, с. 1955, 1957] и возможностях избежания их, о технических, технологических проблемах и о решении их, о перспективах дальнейшего совершенствования микрочипов. Он будет обязан на этих заседаниях продемонстрировать все документы, чертежи, макет или натуральный экземпляр чипа, по возможности показать чип в действии, показать умение чипа подчиняться технологическим и голосовым командам, показать общее соответствие его новейшего чипа нормативно-техническим инструкциям и нормам казахстанского законодательства и международного публичного и частного права. Если он сумеет убедить специалистов, менеджеров, экспертов венчурного фонда, последний предложит инвестировать в стартап инноватора, скажем, 10 миллионов долларов за 30 процентов акций. Между инноватором и венчурным фондом заключается гражданско-правовой договор, в котором на основании статей 673–682 («Особенности подряда на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы») Гражданского кодекса Республики Казахстан (часть особенная) от 1 июля 1999 года формулируются права и обязанности договаривающихся сторон, условия финансирования стартапа, установление контроля над его осуществлением и закрепление положений о его завершении [16]. Юридическая суть договора состоит в том, что кредитор имеет право на получение процентов по кредиту и на возвращение капитала (неудачи бизнеса в рамках стартапа в расчет, как правило, не принимаются). Он инвестирует венчурный капитал в обмен на долю (обычно 20–30 процентов) в капитале бизнеса [17].

Казахстанские инноваторы могут обращаться за финансированием своих стартапов в отечественные венчурные фонды: Фонд национального благосостояния «Самрук-Казына», Kazyna Capital Management, Национальное агентство по технологическому развитию, «Сентрас», Singulart Team. Для упорядочения процесса я предлагаю разработать и принять на уровне Правительства Республики Казахстан примерно такое постановление — *«О порядке конкурсной, неконкурсной подачи заявок инноваторов на рассмотрение видов инновационной продукции для возможного предоставления венчурного финансирования»*. Инноваторы республики могут рассчитывать на получение венчурного финансирования не только «в периметре национального законодательства», но и «английского, действующего в МФЦА» (Международном финансовом центре «Астана») [18]. Исходя из этого, они могут обращаться в международный венчурный фонд «Greylock Partner», учредителями которого выступили Канада, страны Европы, США, в зарубежные фонды «Andreessen Horowitz» (США), «Alven Capital» (Франция). Надо иметь в виду, в целом ряде развитых стран функционируют 100 и более венчурных фондов. Так, из более чем 180 венчурных фондов Тайваня специализированные фонды могут десятками сотнями тысяч долларов поддержать перспективный стартап. Мы утверждаем так потому, что Центр промышленных и экономических знаний Тайваня (Industrial and Economic Knowledge Center) (в нем трудятся примерно 200 специалистов) специально создан для отслеживания новейших технологических разработок, в том числе по микрочипам, в других странах мира и получения доступа к ним. Казахстан мог бы сделать что-то похожее с большой пользой для себя. Микрочипы — мировая проблема, поэтому любой стартап по реальному усовершенствованию микрочипа, в том числе казахстанский, будет положительно воспринят практически в каждой индустриально-развитой стране, где производят различные марки и виды транспортных машин.

В венчурной сфере, кроме венчурных фондов, есть и другие инвесторы, которых называют бизнес-ангелами. Если венчурные фонды в среднем выделяют денежные средства

примерно от 1 до 5 миллионов долларов на один стартап, то бизнес-ангелы предоставляют меньшую сумму в пределах от 50 до 300 тысяч долларов на один проект. Это связано с тем, что бизнес-ангелы направляют деньги на ранней стадии, что означает, что и риска больше, — этим объясняется малый размер венчурного финансирования [19, с. 61].

Учрежденные в 1992 году Экономической и социальной комиссией ООН (ЭКОСОС), Комиссия по науке и технике в целях развития, Центр по науке и технике содействуют ЭКОСОС и Генеральной Ассамблее ООН в определении тенденций мирового развития науки, технологий, техники. Министерства науки Казахстана и других государств могли бы скрупулезно изучать резолюции руководящих органов ООН по вопросам науки и технологий и с учетом их рекомендаций корректировать стратегические документы по вопросам научного развития своих стран, науки и технологий машиностроения.

На универсальном уровне пока нет кодификационного международного акта, который регламентировал бы основы научно-технологического сотрудничества между всеми государствами планеты. Надо разработать текст такой универсальной конвенции и принять его. На базе такой конвенции можно заблаговременно решать назревающие технологические проблемы, в том числе те, которые касаются микрочипов, других технических, технологических компонентов машин и механизмов во всех странах. Другим универсальным международно-правовым документом могла бы стать конвенция *«Об основах, принципах, механизмах международного венчурного финансирования»*. Министерства и ведомства Казахстана и других стран по вопросам цифрового развития, по вопросам микроэлектронного производства (микрочипирования) могли бы наладить между собой договорное сотрудничество в следующих международно-правовых формах: разработки научно-технической политики; выбора и оценки технологий [20], разработки и передачи технологий, использования стандартизации и метрологии как средств обеспечения надлежащего качества, применения технологий, обеспечения взаимо-

действия в деле производства и потребления научно-технических, научно-технологических знаний.

Сегодня Казахстан в рамках своего региона мог бы участвовать в решении этих технологических проблем на уровне регионального международно-правового документа и посредством двусторонних межгосударственных соглашений, к примеру двусторонних *соглашений о поощрении и защите венчурных инвестиций*.

Мы хотели бы надеяться, что стартапы вообще и стартапы по микрочипам для транспортной техники, в частности, приведут к положительным результатам, и все мировое машиностроение, включая казахстанское, не будет более испытывать нехватку микрочипов и иных компонентов. В результате этого промышленность, в том числе машиностроение, выйдет на более высокий уровень своего развития.

Литература

1. Микрочипы для автомобилей: что это такое — простыми словами. URL: <https://wheelnews.ru/mikrochipy-dlya-avtomobiley-cto-eto-takoe-prostymi-slovami> (дата обращения: 14.06.2023).
2. Асланян С. Почему дефицит микрочипов в автопроме — искусственная мера китайцев для порабощения мира. URL: <https://www.avtovzglyad.ru/avto/avtoprom/2021-11-24-pochemu-defitsit-mikrochipov-v-avtoprome-iskusstvennaja-mera-kitajtsev-dlja-poraboschenija-mira/> (дата обращения: 15.06.2023).
3. Ишекенова Б. В Казахстане задумались о производстве микрочипов. 7 февраля 2022 года. URL: <https://lsm.kz/v-kazahstane-zadumalis-o-proizvodstve-mikrochipov> (дата обращения: 15.06.2023).
4. Производство автомобилей и микрочипы — подробнее на сайте: URL: <https://perevozka24.ru/pages/proizvodstvo-avtomobiley-i-mikrochipy> (дата обращения: 16.06.2023).
5. Аммосов Ю. Венчурный капитализм: от истоков до современности // Российская ассоциация прямого и венчурного инвестирования. СПб.: Феникс, 2005. 372 с.
6. Медведев Ю. Как Россия может осуществить прорыв в микроэлектронике. 18.10.2022. URL: <https://rg.ru/2022/10/18/svoj-chip-v-golove.html> (дата обращения: 15.06.2023); Глебов А. Л., Гурарий М. М., Жаров М. М. Актуальные проблемы моделирования в системах автоматизации схемотехнического проектирования / ред. акад. А. Л. Стемпковский. М.: Наука, 2003. 430 с.
7. Голованов Г. Китайский квантовый компьютер достиг превосходства. URL: <https://m.hightech.plus/2023/06/09/kitaiskii-kvantovii-kompyuter-dostig-prevoshodstva> (дата обращения: 19.06.2023).

8. Ariffin M. S. & Ariffin M., Suhaimi M. & Haslinah M. & Hassan M. & Rahim A. & Samad A. (2023). Bibliometric Analysis of Government Venture Capital. *Journal of Information Technology Management*. Vol. 15. Pp. 166–188. DOI: 10.22059/jitm.2022.89420.
9. U.S.C. Chapter 63. Section 3701. Pub.L. 96-480. § 2. Oct.21, 1980. 94 Stat. 2311.
10. Правительственная база данных Тайваня. URL: <https://law.moj.gov.tw/ENG/Index.aspx>
11. Wenkai Z. (2023). The Ongoing Importance of Venture Capital in the Economy. *BCP Business & Management*. Vol. 44. Pp. 815–820. DOI: 10.54691/bcpbm.v44i.4960.
12. Ladnar N. & Harder D. & Palomo R. & Zureck A. (2023). Impact of Corporate Venture Capital on Digital Business Transformation: A Case Study in Germany. *Journal of Intelligent Management Decision*. Vol. 2. Pp. 85–104. DOI: 10.56578/jimd020205.
13. Kaal W. (2023). Reputation as Capital – How Decentralized Autonomous Organizations Address Shortcomings in the Venture Capital Market. *Journal of Risk and Financial Management*. Vol. 16. 14 p. DOI: 10.3390/jrfm16050263.
14. Huan Binde. (2000). 華人傳統價值觀與組織行為之關係：以台灣資訊電子業研發人員為例 (Traditional Chinese Values and Organizational Behaviors: A Study of R&D Personnel in the Information and Electronics Industry in Taiwan). Pp. 115–153.
15. Lu Jing & Zhang Hanyue & Zhang Xinxin & Zhuang Yutong. (2023). Research on Risk Avoidance Methods of Venture Capital. *BCP Business & Management*. Vol. 38. Pp. 1955–1960. DOI: 10.54691/bcpbm.v38i.4010.
16. Илларионов Н. В. Понятие и особенности венчурных сделок // Юридический мир. 2013. № 9. С. 20–23.
17. Касымов А. Ш. Методологические подходы к исследованию природы венчурного капитала // Вестник Института экономики РАН. 2018. № 2. С. 159–172; Овчаров А. О., Овчарова Т. Н., Маренов Н. О. Венчурный капитал: возможности использования зарубежного опыта инвестирования в России // Вестник университета. 2022. № 1. С. 117–123.
18. Туркаев А. Ангел на обочине. Инвесторы просят создать им венчурный рай // Курсив. 2023. № 8 (976). 2 марта. С. 9; Li Tianjiao. (2023). A Comparison between Venture Capitalists and Angel Investors in the Startup Funding. *BCP Business & Management*. Vol. 44. Pp. 706–710. DOI: 10.54691/bcpbm.v44i.4921.
19. Захарова Н. В., Лабудин А. В. Особенности венчурного инвестирования в Великобритании // Управленческое консультирование. 2019. № 12. С. 59–69. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-12-59-69>.
20. Jiang Zhuoyu. (2023). The Evaluation Criteria Used by Venture Capitalists. *BCP Business & Management*. Vol. 41. Pp. 95–302. DOI: 10.54691/bcpbm.v41i.4446.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ УСТАНОВЛЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕПУТАТА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ОРГАНА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М. Р. Сибогатулина

Совет депутатов города Новосибирска
консультант отдела правового обеспечения управления
по правовым и экономическим вопросам
nttu@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются материалы правоприменительной практики по вопросу установления дополнительных гарантий деятельности депутата представительного органа муниципального образования на примере Сибирского Федерального округа Российской Федерации. При подготовке статьи проанализированы изменения регионального и муниципального законодательства, касающиеся установления гарантии депутату представительного органа муниципального образования в виде сохранения занимаемой должности в соответствующем органе местного самоуправления в случае призыва его на военную службу по мобилизации, заключения им контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Ключевые слова: статус депутата, гарантии депутата представительного органа муниципального образования, органы местного самоуправления, законопроект, городской округ, призыв на военную службу по мобилизации.

Abstract. The article examines materials from law enforcement practice on the issue of establishing additional guarantees for the activities of a deputy of a representative body of a municipal formation using the example of the Siberian Federal District of the Russian Federation. In preparing the article, changes in regional and municipal legislation were analyzed regarding the establishment of a guarantee for a deputy of a representative body of a municipal formation in the form of maintaining his position in the relevant local government body in the event of his being called up for military service by mobilization, concluding a contract for military service in the Armed Forces of the Russian Federation.

Key words: status of a deputy, guarantees of a deputy of a representative body of a municipality, local governments, draft law, urban district, conscription for military service for mobilization

С момента начала специальной военной операции, проводимой на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины, депутаты представительных органов многих муниципальных образований России высказали свое намерение направиться в зону специальной военной операции в целях участия в оказании помощи мирному населению. В условиях отсутствия правового регулирования отдельных вопросов государственно-правового характера, среди которых актуальным стал вопрос установления дополнительных гарантий деятельности депутатов муниципального органа, возникла потребность в совершенствовании законодательства.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью оперативного анализа правоприменительной практики, сложившейся на примере Сибирского Федерального округа Российской Федерации, по вопросу установления дополнительных гарантий деятельности депутатов представительного органа муниципального образования в период проведения специальной военной операции.

Согласно Л. А. Нудненко, под гарантиями депутатской деятельности понимаются условия и средства, обеспечивающие фактическую реализацию и всестороннюю охрану прав и обязанностей депутата. Основной смысл и назначение гарантий, по мнению Л. А. Нудненко, заключается в том, чтобы не допускать препятствий для осуществления прав и обязанностей и устранять эти препятствия в случае их возникновения. Гарантии предполагают возможность вмешательства государства с целью обеспечить предписанные нормой права поведение [1]. Так, федеральным законодателем созданы правовые предпосылки для самостоятельного решения вопроса об условиях осуществления депутатами представительного органа муниципального образования своей деятельности — в соответствии с федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации и с учетом всех обстоятельств, в том числе возможностей финансового обеспечения деятельности муниципального образования, что согласуется с конституционными гарантиями самостоятельности органов местного самоуправления. В частности, в соответствии с частью 5.1

статьи 40 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» гарантии осуществления полномочий депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления устанавливаются уставами муниципальных образований в соответствии с федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации [2].

На сегодняшний день федеральным законодательством не закреплены социально-трудовые или организационные гарантии осуществления полномочий в условиях специальной военной операции для депутатов муниципальных образований. В этой связи автором проанализированы установленные для депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации и депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации организационные гарантии в период проведения специальной военной операции и частичной мобилизации, а также проанализировано местное законодательство и сайты представительных органов местного самоуправления городских округов Сибирского Федерального округа Российской Федерации и материалы, размещенные на них (повестки заседаний, проекты решений и решения, протоколы), на предмет наличия принятых решений об установлении дополнительных социальных гарантий депутатам муниципальных образований в период проведения специальной военной операции.

В ходе проведенного анализа установленных для депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации и депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации гарантий в период проведения специальной военной операции можно отметить следующее.

Согласно статье 18 Федерального закона от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» [3] членам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и депутатам Государственной думы Федерального Собрания Российской

Федерации предоставляется отсрочка от призыва на военную службу по мобилизации. Исходя из положений указанного закона предполагается, что такая отсрочка предоставляется как при общей, так и при частичной мобилизации. Следует подчеркнуть, что данная гарантия предусмотрена только для депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации и сенаторов Российской Федерации, соответственно, у депутатов муниципальных образований и у региональных депутатов подобная гарантия отсутствует.

В то же время, можно отметить, что касаясь призыва на военную службу, в соответствии с Федеральным законом от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [4], отсрочка от призыва предоставляется избранным депутатам всех уровней, осуществляющим свои полномочия на постоянной основе, на срок их полномочий. Учитывая изложенное, возникает вопрос об отличном подходе к установлению указанных организационных гарантий в отношении депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации и депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, депутатов муниципальных образований и возможности установления в местном законодательстве каких-либо условий и средств, а именно гарантий, связанных с организацией работы в условиях военного времени и обеспечивающих фактическую реализацию и всестороннюю охрану прав и обязанностей депутата на период мобилизации, проведения специальной военной операции.

Вероятно, указанные различия в гарантиях обусловлены тем, что призыв на военную службу по мобилизации и призыв на военную службу имеет различное значение для всего общества и государства в целом, так как все-таки призыв на военную службу по мобилизации влечет необходимость обеспечения защиты государства от вооруженного нападения и соответственно удовлетворения потребностей государства и нужд населения в военное время. Таким образом, в случае призыва на военную службу по мобилизации крайне важно задействовать необходимое количество людского резерва, а также обеспечить эффективное функционирование глав-

ного законодательного органа страны и оперативное принятие решений по наиболее значимым и важным вопросам. В этой связи установление гарантии депутатам законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, депутатам муниципальных образований в период проведения специальной военной операции, мобилизации аналогичной организационной гарантии депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации, а именно предоставление отсрочки от мобилизации, должно решаться исключительно на федеральном уровне, а принятие указанного решения в отношении депутатов муниципальных образований не может быть дано на откуп регионов.

Чтоже касается установления иных дополнительных гарантий, в ходе анализа правоприменительной практики местного законодательства Сибирского Федерального округа Российской Федерации следует обратить внимание на Новосибирскую область, которая как раз предусмотрела на период специальной военной операции и частичной мобилизации дополнительную гарантию для депутатов представительных органов муниципальных образований. В частности, 15 декабря 2022 года Законодательным Собранием Новосибирской области внесены изменения в Закон Новосибирской области от 06.07.2018 № 275-ОЗ «О гарантиях осуществления полномочий депутата представительного органа муниципального образования, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Новосибирской области» [5], в соответствии с которыми депутату представительного органа муниципального образования, члену выборного органа местного самоуправления, выборному должностному лицу местного самоуправления устанавливается гарантия в виде сохранения занимаемой должности в соответствующем органе местного самоуправления на период прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в случае призыва его на военную службу по мобилизации, заключения им в соответствии с пунктом 7 статьи 38 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» кон-

тракта о прохождении военной службы, а также урегулирован вопрос об оплате труда указанному лицу, осуществляющему свои полномочия в органе местного самоуправления на постоянной основе.

В пояснительной записке к законопроекту указано, что разработка проекта закона Новосибирской области обусловлена необходимостью установления в законодательстве Новосибирской области гарантии лицам, замещающим муниципальные должности, принимающим участие в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей. Также необходимо отметить, что одним из первых регионов России, которые на практике столкнулись с ситуацией, когда региональные и местные депутаты, осуществляющие свои полномочия на постоянной основе, отправились на территорию Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики в связи со специальной военной операцией, стала Новосибирская область.

Установление подобной гарантии в Законе Новосибирской области привело к необходимости приведения уставов муниципальных образований Новосибирской области в соответствие с указанным законом, в частности такие изменения внесены в Устав города Новосибирска 15 февраля 2023 года, в Устав города Бердска 29 июня 2023 года, в Устав города Искитима 22 марта 2023 года, в том числе изменениями предусмотрена оговорка, что такому депутату оплата труда не начисляется и не выплачивается.

Предпосылками к принятию указанных изменений в Новосибирской области можно назвать вступивший в силу Федеральный закон от 07.10.2022 № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6], согласно которому установлена социально-трудовая гарантия для государственных гражданских служащих в связи с призывом государственных гражданских служащих на военную службу по мобилизации или заключением ими контракта о прохождении военной службы либо контракта о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации,

а также принятие 29.12.2022 Указа Президента Российской Федерации № 968 «Об особенностях исполнения обязанностей, соблюдения ограничений и запретов в области противодействия коррупции некоторым категориям граждан в период проведения специальной военной операции» [7], в соответствии с которым, в том числе лица, направленные (командированные) для выполнения задач на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, замещающие должности, осуществление полномочий по которым влечет за собой обязанность представлять сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и об обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, расходах, об имуществе и об обязательствах имущественного характера своих супругов (супругов) и несовершеннолетних детей, в период проведения специальной военной операции не представляют такие сведения.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что региональный законодатель установил дополнительную гарантию для депутатов муниципальных образований, осуществляющих свои полномочия на постоянной основе, по аналогии с той гарантией, которая была установлена федеральным законодательством в период проведения специальной военной операции и частичной мобилизации для государственных гражданских служащих в целях защиты их трудовых прав. Стоит отметить, что аналогичной гарантии в Федеральном законе «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 02.03.2007 № 25-ФЗ [8] для муниципальных служащих не предусмотрено.

Реализация внесенных изменений в Новосибирской области, вероятно, позволит повысить уровень социальных гарантий таких депутатов, а также предоставит им возможность осуществлять права и обязанности в интересах населения муниципального образования и его избирательного округа даже в случае нахождения такого депутата за пределами муниципального образования, как лично, так и с помощью его помощников, то есть указанная гарантия будет способствовать осуществлению деятельности депутатов как на сессии, так и на избирательном округе. Особенно это явля-

ется актуальным в том случае, когда депутат представительного органа муниципального образования действительно имеет реальную возможность, хоть и дистанционно, например посредством использования средств видео-конференц-связи, если такая возможность участия предусмотрена в деятельности органа местного самоуправления в данном органе, участвовать в заседаниях постоянных и временных органов представительного органа муниципального образования, а также участвовать в решении проблем жителей своего избирательного округа и общаться с избирателями. Кроме того, необходимо отметить безусловную практическую значимость реализованной в Новосибирской области инициативы по установлению указанной гарантии депутату представительного органа муниципального образования.

Однако стоит отметить, что целью, оправдывающей установление дополнительных гарантий, должно быть обеспечение беспрепятственного и эффективного осуществления депутатских полномочий как условий функционирования законодательных (представительных) органов власти. В этой связи реализация внесенных в Новосибирской области изменений фактически может привести к невозможности функционирования представительного органа в случае, если количество призванных на военную службу по мобилизации или контракт о прохождении военной службы депутатов, в том числе на постоянной основе, будет выше положенного кворума. Следовательно, уже идет речь о возможной недееспособности всего органа, последующей неправомерности состава ввиду отсутствия необходимого количества депутатов, а также тех экономических последствий, которые могут возникнуть в случае досрочного назначения выборов депутатов муниципального образования.

Также возникает вопрос практической реализации данной гарантии в случае отсутствия депутатов, замещающих должности руководителя (председателя) представительного органа местного самоуправления, который наделен рядом обязанностей, например подписание правовых актов и других актов представительного органа, подписание исковых заявлений, ведение сессий и другие обязанности, требующие незамед-

лительного личного участия депутата. В этой ситуации представляется, что для эффективного функционирования представительного органа руководителю (председателю) представительного органа местного самоуправления необходимо поручить выполнение отдельных своих полномочий заместителю, а в случае его отсутствия — одному из депутатов. Однако в этом случае не должно возникнуть ситуации, когда в соответствии с каким-либо правовым актом отдельные обязанности может выполнять только руководитель (председатель) представительного органа местного самоуправления и передача таких обязанностей правовым актом не предусмотрена. В то же время следует сказать, что должность — это не конкретный человек, это набор прав и обязанностей. Таким образом, предоставленное депутатам муниципальных образований право на сохранение занимаемой должности не должно использоваться недобросовестно, в связи с чем налагает определенную ответственность со стороны такого депутата и не подразумевает перепоручение исполнения всех своих обязанностей другому депутату.

Кроме того, необходимо отметить, что внесенными изменениями установлено право на сохранение занимаемой должности в соответствующем органе местного самоуправления на период прохождения военной службы, соответственно, открытым остается вопрос о соотношении срока полномочий избранного депутата муниципального образования и периода прохождения военной службы. Должны ли прекратиться полномочия данного депутата в случае окончания срока исполнения полномочий созыва, или занимаемая должность переходит в следующий созыв? Представляется, что сохранение занимаемой должности на период прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации не должно оказывать влияние на работу выборного органа местного самоуправления нового созыва. В этой связи, очевидно, законодатель предполагал, что в силу положений статьи 40 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» полномочия таких депутатов должны будут

прекратиться со дня начала работы выборного органа местного самоуправления нового созыва.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что инициатива Новосибирской области все-таки оставляет за собой некоторые вопросы, в связи с чем в целях обеспечения сохранения стабильности и независимости осуществления местного самоуправления должна учитывать все возможные правовые последствия. В то же время необходимо отметить, что с учетом отсутствия четко сформулированного и установленного на уровне федерального законодательства перечня гарантий депутатов представительных органов муниципальных образований, а также гарантий деятельности депутата представительного органа муниципального образования в период проведения специальной военной операции и частичной мобилизации возникают предпосылки для установления в субъектах Российской Федерации отличных друг от друга гарантий депутатской деятельности, что, с одной стороны, приводит к разнообразию правоприменительной практики законодательного регулирования, а с другой стороны — может привести к созданию условий для установления неравных гарантий депутатской деятельности на разных территориях страны.

Литература

1. Нудненко Л. А. Конституционно-правовой статус депутата законодательного органа государственной власти в Российской Федерации // Юридический центр Пресс, 2004. С. 542.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления: федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.
3. О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: федер. закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 9. Ст. 1014.
4. О воинской обязанности и военной службе: федер. закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ // Рос. газ. № 63-64, 02.04.98.
5. О гарантиях осуществления полномочий депутата представительного органа муниципального образования, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Новосибирской области: закон Новосибирской области от 06.07.2018 № 275-ОЗ // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 06.07.2023.

6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 07.10.2022 № 379-ФЗ.
7. Об особенностях исполнения обязанностей, соблюдения ограничений и запретов в области противодействия коррупции некоторым категориям граждан в период проведения специальной военной операции: указ Президента Российской Федерации от 29.12.2022 № 968 // Собрание законодательства Российской Федерации. № 1 (ч. I), 02.01.2023, ст.195.
8. О муниципальной службе в Российской Федерации: федер. закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 марта 2007 г. № 10 ст. 1152.

ПРАВО НА ОТМЕНУ НЕПРАВОМЕРНЫХ АКТОВ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ ВНЕ РАМОК ПРОЦЕДУРЫ ДОСУДЕБНОГО ОБЖАЛОВАНИЯ

П. И. Сметанникова

Новосибирский государственный университет
экономики управления
аспирант
smetannikova95@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена прикладному анализу института отмены ненормативных актов налоговых органов, принятых с нарушением норм действующего законодательства.

Ключевые слова: полномочия вышестоящих налоговых органов, досудебное обжалование.

Abstract. The article describes to the applied research of the institution of cancellation of non-normative acts of tax authorities adopted in violation of the norms of the current legislation.

Key words: powers of higher tax authorities, pre-trial appeal.

Институт отмены (изменения) неправомерных актов подведомственных налоговых органов по инициативе вышестоящих введен в действие задолго до установления обязательной процедуры досудебного обжалования в целях восстановления законности и устранения нарушений, допущенных в результате принятия таких актов.

Несмотря на значительную зрелость, данный институт не получил до настоящего времени четкой законодательной

регламентации и нечасто становился предметом научных исследований или судебного нормоконтроля.

Имеющийся механизм правового регулирования не устанавливает процедуру его реализации, пределы и сферу распространения и не детализирует круг субъектов, наделенных соответствующими полномочиями, что может привести к неоднообразной и противоречивой практике применения норм действующего законодательства, которыми налоговые органы руководствуются при выполнении возложенных задач и функций, особенно в условиях оптимизации системы управления и структуры территориальных налоговых органов.

В статье предпринята попытка осветить проблемные вопросы и возможные пути их решения с учетом практических подходов, выработанных судебными и налоговыми органами.

1. Определение круга субъектов, наделенных полномочиями по отмене (изменению) ненормативных актов налоговых органов, принятых с нарушением норм действующего законодательства.

Налоговые органы составляют единую централизованную систему, которая состоит из ФНС России и ее территориальных органов и функционирует на основе иерархической соподчиненности, при которой первое звено управления (Инспекции по районам, районам в городах, городам без районного деления и межрайонного уровня) находится в вертикальной управленческой зависимости от среднего звена (Управления по субъектам Российской Федерации и с некоторыми изъятиями Межрегиональные инспекции) и высшего управленческого звена (ФНС России), что предполагает контроль вышестоящих налоговых органов за деятельностью подведомственных, направленный на обеспечение соблюдения ими законодательства Российской Федерации.

В рамках оптимизации системы управления и структуры территориальных налоговых органов во многих субъектах Российской Федерации реорганизованы Инспекции по районам, районам в городах, городам без районного деления и межрайонного уровня путем присоединения к Управлениям по субъектам Российской Федерации с передачей правопре-

емникам задач, функций, прав, обязанностей и иных вопросов деятельности реорганизованных налоговых органов. При этом полномочия вышестоящих налоговых органов по досудебному урегулированию споров, проведению повторных выездных налоговых проверок и осуществлению согласования запросов в банках сведений по счетам физических лиц переданы Межрегиональным инспекциям по федеральным округам.

В силу п. 3 ст. 31 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — Налоговый кодекс) и ст. 9 Закона Российской Федерации от 21.03.1991 № 943-1 «О налоговых органах Российской Федерации» (далее — Закон Российской Федерации от 21.03.1991 № 943-1) вышестоящие налоговые органы вправе отменять решения подведомственных налоговых органов в случае их несоответствия Конституции Российской Федерации, законодательству о налогах и сборах, иным федеральным законам и нормативным правовым актам.

Как указано Конституционным Судом Российской Федерации в определении от 22.04.2010 № 595-О-О, данные законоположения имеют целью восстановление в административном порядке законности, нарушенной неправомерным актом подведомственного органа, по инициативе самого вышестоящего налогового органа, осуществляющего текущий контроль за деятельностью подведомственных органов [1].

В соответствии с Типовыми положениями о территориальных органах ФНС России, утвержденными Приказом Минфина России от 17.07.2014 № 61н, эти полномочия в полной мере могут реализовывать Управления по субъектам Российской Федерации при трехуровневой системе управления, Межрегиональные инспекции по крупнейшим налогоплательщикам и Межрегиональная инспекция по управлению долгом. Межрегиональные инспекции по федеральным округам осуществляют контроль законности и обоснованности решений, принимаемых Управлениями по субъектам Российской Федерации, только в рамках, предоставленных в условиях двухуровневой системы управления полномочий вышестоящего налогового органа [3].

Разъяснения ФНС России, доведенные письмом от 17.05.2022 № БВ-4-7/5869@ «Об отмене решений в порядке п. 3 ст. 31 Налогового кодекса Российской Федерации при двухуровневой системе управления», не конкретизируют субъектный состав вышестоящих налоговых органов, уполномоченных на применение соответствующей нормы, отсылая к положениям п. 44 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации», согласно которому допускается внесение налоговым органом в решение о привлечении (об отказе в привлечении) к ответственности за совершение налогового правонарушения изменений, а также полная его отмена, если это влечет улучшение положения налогоплательщика [4].

При этом для Управлений по субъектам Российской Федерации, перешедших на двухуровневую систему управления, не подлежит применению письмо ФНС России от 22.08.2014 № СА-4-7/16692 «О применении отдельных положений Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации», в части вывода о возможности отмены решений, несоответствующих законодательству о налогах и сборах, в случае если такая отмена улучшает положение налогоплательщика [2].

Представляется, что Межрегиональным инспекциям по федеральным округам не предоставлены полномочия по проверке законности, отмене (изменению) ненормативных актов на основании п. 3 ст. 31 Налогового кодекса и ст. 9 Закона Российской Федерации от 21.03.1991 № 943-1 в случаях, не связанных с рассмотрением жалоб. Вместе с тем, в связи с отсутствием у Управлений по субъектам Российской Федерации, перешедших на двухуровневую систему управления, подведомственных налоговых органов, вопрос о наличии (об отсутствии) у таких Управлений полномочий по применению указанных норм остается неразрешенным.

2. Пределы и сфера распространения: подходы, выработанные правоприменительной практикой.

Регулирование публично-правовых отношений, участниками которых являются территориальные органы ФНС России, должно отвечать требованиям предсказуемости и правовой определенности.

Как отмечено Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 20.07.2011 № 20-П, никто не может быть поставлен под угрозу возможного обременения на неопределенный или слишком длительный срок. Наличие сроков, в течение которых для лица во взаимоотношениях с государством могут наступить неблагоприятные последствия, представляет собой необходимое условие применения этих последствий [9].

Верховным Судом Российской Федерации при разрешении спора по делу № А40-101850/2016 о признании недействительным решения ФНС России об отмене решения Управления ФНС России по Костромской области, которым удовлетворена апелляционная жалоба ООО «Аквamarin» на решение Межрайонной ИФНС России № 7 по Костромской области об отказе в возмещении сумм налога на добавленную стоимость, даны разъяснения по отдельным неурегулированным вопросам применения п. 3 ст. 31 Налогового кодекса и ст. 9 Закона Российской Федерации от 21.03.1991 № 943-1 [6].

При рассмотрении вопроса о временных ограничениях для пересмотра ненормативных актов подведомственных органов Верховный Суд Российской Федерации, применив по аналогии трехлетний срок максимальной глубины выездных налоговых проверок и общий срок исковой давности, указал, что вышестоящий налоговый орган вправе реализовать данные полномочия в пределах срока, предусмотренного для проведения мероприятий налогового контроля, а именно в пределах трех лет, исчисляемых с момента окончания контролируемого налогового периода.

Одновременно с этим, Верховным Судом Российской Федерации не воспринят устоявшийся в практической деятельности принцип о недопустимости ухудшения положения лица по результатам рассмотрения жалобы и предложен

иной методологический подход, в соответствии с которым в порядке п. 3 ст. 31 Налогового кодекса и ст. 9 Закона Российской Федерации от 21.03.1991 № 943-1 не исключается возможность отмены (изменения) ненормативных актов налоговых органов, предоставляющих определенные льготы (преимущества, вычеты), в частности решений о возмещении налога на добавленную стоимость.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 24.03.2017 № 9-П, в свою очередь, отметил, что Налоговый кодекс не определяет конкретный порядок, сроки и правовые последствия отмены (изменения) вышестоящим налоговым органом решения подведомственного налогового органа в части необоснованного предоставления налогового вычета. Между тем бремя несения дополнительных издержек, обусловленных исключительно упущениями или ошибками налоговых органов, не может быть возложено на налогоплательщиков — физических лиц, не участвующих в процессе исчисления и уплаты налогов напрямую и не обладающих правовой осведомленностью и компетентностью в налоговой сфере [8].

Процедура отмены необоснованно принятых решений о возмещении налога на добавленную стоимость законодательно также не урегулирована, за исключением случаев отмены таких решений по результатам рассмотрения жалоб, что напрямую следует из письма ФНС России от 07.10.2015 № ЕД-19-2/249 «По вопросу отмены решения налогового органа вышестоящим налоговым органом» [7].

Учитывая изложенное, в настоящее время участники налоговых правоотношений не имеют возможности заблаговременно ознакомиться с доказательствами несоответствия законодательству ненормативного акта, подлежащего отмене, а также представить письменные возражения и подтверждающие документы.

Длительное время судебная практика не отличалась единообразием при разрешении вопроса о возможности реализации рассматриваемого механизма не только в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах, но и при осуществлении, в частности, полномочий органа валют-

ного контроля или регистрирующего органа в соответствии с Федеральными законами от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» и от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

Однако анализ правоприменительной практики последних лет позволяет утверждать, что для всех сфер деятельности, в которых ФНС России и ее территориальные органы осуществляют свои полномочия, применение вышестоящими налоговыми органами положений ст. 9 Закона Российской Федерации от 21.03.1991 № 943-1 обоснованно и правомерно.

Так, применимость указанной нормы к отношениям, регулируемым законодательством, об административных правонарушениях, подтверждается постановлениями Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.09.2019 по судебным делам № А56-68720/2019, А56-68394/2019, предметом спора по которым являлась отмена вышестоящим органом постановлений о назначении административного наказания за совершение валютного правонарушения.

В сфере государственной регистрации правомерность применения рассматриваемого механизма подтверждена постановлением Пятого арбитражного апелляционного суда от 08.05.2019 № 05АП-2345/2019 по делу № А59-5789/2018, согласно которому вышестоящий регистрирующий орган обладает полномочиями по отмене государственной регистрации сведений, внесенных в единый государственный реестр юридических лиц, в случае обращения с жалобой заинтересованного лица или в случае, когда решение о государственной регистрации принято регистрирующим органом с нарушением требований законодательства о государственной регистрации, с целью восстановления законности, нарушенной неправомерным актом подведомственного регистрирующего органа [10].

Аналогичная позиция нашла отражение в постановлениях Арбитражного суда Московского округа от 20.01.2015 по делу № А40-118794/13-17-1128, Арбитражного суда Поволжского округа от 22.06.2016 по делу № А55-20217/2015, Арбитражного

суда Северо-Западного округа от 26.06.2020 по делу № А44-11609/2018.

3. Соотношение досудебного порядка урегулирования споров и инициативного порядка отмены (изменения) неправомερных актов налоговых органов.

Каждое лицо, по мнению которого его права нарушены актом налогового органа ненормативного характера, действием или бездействием должностного лица налогового органа, вправе обжаловать такие акты, действия (бездействие) в порядке, установленном гл. 19 Налогового кодекса.

Институт досудебного урегулирования споров является одной из основных форм внесудебной защиты прав и законных интересов лиц, обратившихся с жалобами, направленной на устранение допущенных налоговыми органами нарушений, в том числе путем восстановления положения, существовавшего до принятия налоговыми органами неправомερных актов.

В свою очередь, институт отмены (изменения) ненормативных актов вне рамок процедуры досудебного обжалования носит исключительный характер и подлежит применению в случаях, когда невозможно использовать иные правовые конструкции.

Согласно недавним разъяснениям ФНС России, доведенным письмом от 21.09.2023 № БВ-4-9/12150 «О порядке отмены решений, вынесенных по результатам камеральных налоговых проверок на основе имеющихся у налоговых органов документов (информации)», в целях урегулирования распространенной категории налоговых споров, возникающих вследствие вынесения решений на основе имеющихся у налоговых органов документов (информации), при поступлении от налогоплательщиков жалоб допускается полная или частичная отмена таких решений налоговыми органами, которые непосредственно их вынесли [5].

В этой связи применение п. 3 ст. 31 Налогового кодекса и ст. 9 Закона Российской Федерации от 21.03.1991 № 943-1 при поступлении жалоб заинтересованных лиц, а также в отношении ненормативных актов, прошедших процедуру досудебного обжалования, по результатам которой приняты

решения об отказе в удовлетворении жалоб, представляется не вполне оправданным по причине использования правового механизма, по существу подменяющего собой истинную природу правоотношений досудебного обжалования.

В целях обеспечения правовой определенности и соблюдения прав и законных интересов участников налоговых правоотношений представляется необходимым осуществить законодательную регламентацию пределов и сферы распространения института отмены (изменения) неправомерных актов налоговых органов вне рамок процедуры досудебного обжалования, установить процедуру отмены решений, предоставляющих налоговые преференции, определить круг субъектов, наделенных соответствующими полномочиями, а также исключить возможность применения рассматриваемого механизма при наличии поданных жалоб.

Литература

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ОАО «Завод «Автоприбор» на нарушение конституционных прав и свобод п. 3 ст. 31 Налогового кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2010 г. № 595-О-О. Документ опубликован не был // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.09.2023).
2. Об отмене решений в порядке п. 3 ст. 31 Налогового кодекса Российской Федерации при двухуровневой системе управления: письмо ФНС России от 17 мая 2022 г. № БВ-4-7/5869@. Документ опубликован не был // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.10.2023).
3. Об утверждении Типовых положений о территориальных органах Федеральной налоговой службы: приказ Минфина России от 07.04.2022 № 52н // Рос. газ. 2014. № 287. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.09.2023).
4. О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 57. Документ опубликован не был // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2023).
5. О порядке отмены решений, вынесенных по результатам камеральных налоговых проверок, на основе имеющихся у налоговых органов документов (информации): письмо ФНС России от 21 сентября 2023 г. № БВ-4-9/12150. Документ опубликован не был // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.10.2023).

6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2017 г. № 305-КГ17-5672 по делу № А40-101850/2016. Документ опубликован не был // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.09.2023).
7. По вопросу отмены решения налогового органа вышестоящим налоговым органом: письмо ФНС России от 07 октября 2015 г. № ЕД-19-2/249. Документ опубликован не был // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023).
8. По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е. Н. Беспутина, А. В. Кульбацкого и В. А. Чапанова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2017 г. № 9-П. Документ опубликован не был // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2023).
9. По делу о проверке конституционности положений п. 4 ст. 93.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации, ч. 6 ст. 5 Федерального закона «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации» и ст. 116 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2007 год»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2011 г. № 20-П. Документ опубликован не был // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.09.2023).
10. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 08.05.2019 № 05АП-2345/2019 по делу № А59-5789/2018. Документ опубликован не был // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.09.2023).

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ГАРМОНИЯ ЧАСТНОГО ПРАВА: СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА»

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ БОЛЬШИХ ДАННЫХ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ¹

И. З. Аюшеева

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
доцент кафедры гражданского права
кандидат юридических наук, доцент
aiusheeva@gmail.com

Аннотация. Большие данные как объект права включают в себя информацию и технологические решения ее обработки, что затрудняет определение их юридической природы.

Ключевые слова: большие данные, объект, информация, результат интеллектуальной деятельности, база данных.

Abstract. Big data as an object of law includes information and technological solutions for its processing, which makes it difficult to determine their legal nature.

Key words: big data, object, information, intellectual property, database.

В связи с распространением современных технологий, информационно-телекоммуникационных сетей на современном этапе объем информации существенно вырос, информация стала доступной и легко распространяемой, что привело к выделению категории больших данных. Обладание этими

---

¹ Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006). Регистрационный номер: 1022040700002-6-5.5.1.

данными позволяет рассчитывать на получение определенного дохода, выгоды.

Цифровизация привела к тому, что данные о человеке, его жизни и предпочтениях (большие данные — big data, большие пользовательские данные) фиксируются в информационных системах, передаются посредством сети «Интернет» и приобретают экономическую ценность (чаще всего для целей таргетированной рекламы и продвижения товаров, услуг), в связи с чем определение правового режима информации о человеке только с позиций нематериальных благ становится неполным. Большой объем и скорость обновления информации, имеющей большую потенциальную ценность, интерес в приобретении права использования данной информации приводят к необходимости ее определения в качестве такого объекта гражданских прав, который может быть связан с имущественными отношениями.

Определение больших данных, отражающее их техническую характеристику, было дано в Глоссарии Гартнер (Gartner). В нем большие данные определяются как информационные ресурсы большого объема, высокой скорости и/или большого разнообразия, которые требуют экономически эффективных, инновационных форм обработки информации, позволяющих лучше понимать ситуацию, принимать решения и автоматизировать процессы [9].

В утвержденных стандартах большие данные (big data) определяются как большие массивы данных, отличающиеся главным образом такими характеристиками, как объем, разнообразие, скорость обработки и/или вариативность, которые требуют использования технологии масштабирования для эффективного хранения, обработки, управления и анализа. Массивом данных (data set, dataset) признают идентифицируемую совокупность данных, к которой можно получить доступ или скачать в одном или нескольких форматах [6]. Следует иметь в виду, что указанное определение не позволяет однозначно определить гражданско-правовой режим больших данных как объекта гражданских правоотношений.

Большие данные описывают в качестве массивов информации, которые помогают принимать обоснованные решения

(так называемые data-driven, то есть основанные на данных). Для сбора, хранения и анализа больших данных требуются специальные инструменты и оборудование. К примеру, вместо одного персонального компьютера или сервера для хранения больших данных используют множество серверов или дата-центров по всему миру [7].

Л. Ю. Василевская отмечала, что свести определение big data только к большому объему информации означает допущение неточности. Это объясняется тем, что с точки зрения информационно-технологической в совокупность инструментов обработки больших данных изначально включались специальное программное обеспечение, определенные алгоритмы, реализующие обработку и хранение данных, а также специальные системы управления базами данных. В дальнейшем к большим данным стали относить и разнообразные информационно-технологические решения, в той или иной степени обеспечивающие сходные по характеристикам возможности по обработке сверхбольших массивов данных, включая их поиск и передачу сложными техническими устройствами [1, с. 11].

Большие данные могут содержать идентифицирующую информацию о конкретном человеке (персональные данные), а также информацию, не позволяющую идентифицировать конкретного человека (обезличенные данные).

Предлагалось определение больших данных как любой информации, не относящейся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных), в связи с чем ее обработка должна осуществляться свободно [8], т. е. никаких исключительных прав по поводу ее использования не должно возникнуть. В рамках указанной позиции в какой-то степени минимизируется возможность объективации больших данных в качестве такого объекта гражданских правоотношений, как результат интеллектуальной деятельности.

В юридической литературе отмечается, что на большие данные нельзя устанавливать исключительные права, так как это приведет к монополизации всей имеющейся информации. При этом наиболее рациональным как для российского

правопорядка, так и для зарубежного обозначается подход тех, кто предлагает подчинять информацию правилам гражданского законодательства или законодательству об информации и информатизации в зависимости от того, связана ли она в конкретном случае использования в обороте с отношениями, регулируемыми гражданским законодательством или публичным. Указывается, что информация сама по себе не может быть защищена исключительно с помощью частноправовых норм и мер защиты. Ведь информация, востребованная оборотом сегодня, представляет собой не любые данные вообще, а объединенные в некие массивы, которые в определенном идентифицируемом виде и передаются от одного участника рынка другому, обладая в этих транзакциях еще и целевым назначением. И именно в этом качестве информация представляется на рынке в качестве актива, обладающего стоимостью [3]. Следует отметить, что указанная позиция не позволяет конкретизировать гражданско-правовой режим больших данных в качестве конкретного вида объектов гражданских прав.

Не следует забывать о том, что интерес для гражданского оборота представляет не просто информация в больших объемах, а соответствующим образом обработанная информация. Таким образом, технология больших данных состоит не просто из самого массива информации, но также из различных электронных средств сбора, очистки, извлечения, хранения, обработки и анализа данных, которые представляют собой компьютерные программы и иные результаты интеллектуальной деятельности. Л. Ю. Василевская определяет большие данные как цифровую структурированную и неструктурированную информацию, доступную для хранения, обработки, поиска и передачи сложными техническими устройствами и их системами. Большие данные — это не только цифровая информация, но соответствующие информационные технологии — технологии «искусственного интеллекта», с помощью которых осуществляются не только процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления и распространения информации, но и управление базами данных [1, с. 13–14].

А. И. Савельев определяет большие данные как динамически изменяющийся массив информации, который представляет собой ценность в силу своих больших объемов и возможности эффективной и быстрой обработки автоматизированными средствами, что, в свою очередь, обеспечивает возможность его использования для аналитики, прогнозирования и автоматизации бизнес-процессов [2, с. 122–144].

В литературе большие данные предлагалось квалифицировать как информационную услугу на основе технологии больших данных, кроме того, высказывается предположение о признании больших данных новым нетрадиционным объектом интеллектуальной собственности, поскольку в рамках такого подхода возможно допустить предоставление имущественного исключительного права на нематериальные по своей сути объекты [4, с. 106–123].

Думается, определение больших данных только в качестве информационной услуги ограничивает их правовой режим, так как в этом случае остается открытым вопрос о правах лица, осуществившего сбор данных, их извлечение, хранение, обработку, анализ.

Л. Ю. Василевской обоснована позиция о том, что большие данные как объект гражданских прав может рассматриваться как самостоятельный, сложный, единый, неделимый объект (единая технология), в состав которого могут входить различные охраняемые результаты интеллектуальной деятельности — программы для ЭВМ как объекты авторского права, различные алгоритмы, программное обеспечение как ноу-хау, технические решения как изобретения и т. п., благодаря которым большие данные предстают перед нами как база данных. При этом обязательным элементом больших данных рассматривается искусственный интеллект. Технология больших данных не сводится к простой совокупности различных самостоятельных объектов — результатов интеллектуальной деятельности, а представляет собой самостоятельный сложный объект, в связи с чем предлагается включить ее в перечень результатов интеллектуальной деятельности, закрепленный в ст. 1225 ГК РФ [1, с. 18–19].

При этом А. П. Сергеев, Т. А. Терещенко отмечали, что если распространить подход к базе данных как объекту авторского права на большие данные, то можно однозначно сказать, что последние сложно представить объектом авторского права, поскольку они обладают коммерческой ценностью именно ввиду присущих им свойств, а также возможности постоянного анализа большого массива информации и выпуска в оборот тех или иных результатов подобной деятельности в виде различных прогнозных решений или рекомендаций. Иначе говоря, включение больших данных в гражданский оборот должно быть ориентировано на защиту их содержательной стороны в ее динамичном проявлении, т. е. постоянно генерируемых разнообразных объемов информации и/или результатов анализа. Также, по мнению ученых, и инструментарий смежного права вряд ли пригоден для надлежащего регулирования частных отношений по использованию в обороте больших данных ввиду его целевой и функциональной ограниченности [4, с. 106–123].

Ученые отмечают, что «большие данные можно рассматривать с четырех позиций: как 1) плату за пользование услугой; 2) фактор конкуренции; 3) барьеры входа/экспансии на рынке и 4) товар» [5, с. 123], что также не позволяет определить, к какому именно виду объектов гражданских прав можно отнести большие данные.

Таким образом, большие данные включают в себя разные объекты. В связи с указанным возникает вопрос: можно ли считать их самостоятельным сложным объектом гражданских прав либо они представляют собой разрозненную совокупность различных объектов?

Анализ положений действующего законодательства, а также доктринальных подходов к определению гражданско-правового режима больших данных позволяет сделать вывод о том, что однозначное определение больших данных в качестве конкретного вида объектов гражданских прав не выработано на современном этапе. Думается, наиболее сбалансированной выглядит позиция о возможности отнесения больших данных к сложным объектам интеллектуальных прав, что, тем не менее, требует внесения изменений в действующее

гражданское законодательство, в том числе в части уточнения правового режима базы данных [1, с. 21–22]. Однако следует согласиться и с тем, что вряд ли допустимо ограничивать обработку информации, ставшей общедоступной на законных основаниях и не содержащей персональных данных, если такая обработка не противоречит требованиям действующего законодательства, не нарушает права и законные интересы других лиц.

Таким образом, в действующем законодательстве отсутствует легальное определение больших данных как объекта гражданских прав. Большие данные (big data), определяются как большие массивы информации, отличающиеся такими характеристиками, как объем, разнообразие, скорость обработки, вариативность и т. п., которые требуют использования технологии масштабирования для эффективного хранения, обработки, управления и анализа. Технологии обработки больших данных можно рассматривать в качестве объектов интеллектуальных прав, в связи с чем требуют уточнения действующие нормы, в том числе нормы о базе данных. Кроме того, немаловажным является установление пределов и ограничений исключительных прав использования соответствующих технологий.

Литература

1. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: big data в механизме гражданско-правового регулирования (цивилистическое исследование): моногр.: в 5 т. Т. V / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М.: Проспект, 2023. 360 с.
2. Савельев А. И. Направления регулирования Больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. 2018. № 5. С. 122–144.
3. Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: моногр. М.: 4 Принт, 2020. 304 с.
4. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11. С. 106–123.
5. Цифровое право: учеб. / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 640 с.
6. ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационные технологии. Большие данные. Обзор и словарь (утв. и введ. в действие Приказом Росстандарта от 13.07.2021 № 632-ст). М.: Стандартинформ, 2021.

7. Макаров А., Зуйкова А. Что такое Big Data и как они устроены // Блог ЯндексПрактикума [сайт]: URL: <https://practicum.yandex.ru/blog/chto-takoe-big-data/> (дата обращения: 20.06.2023).
8. Регулирование BigData в России // Proright [сайт]: URL: <https://proright.ru/2018/12/03/bigdata/> (дата обращения: 20.06.2023).
9. Big Data // Gartner [сайт]: URL: <https://www.gartner.com/en/information-technology/glossary/big-data> (дата обращения: 20.06.2023).

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАСТРОЙЩИКА

Д. А. Бова́

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
аспирант

Общество с ограниченной ответственностью
Специализированный застройщик «Дом 3»
старший юристконсульт
dafna16.91@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье уделено внимание вопросам осуществления застройщиками предпринимательской и профессиональной деятельности с учетом привлечения технического заказчика, генерального подрядчика, подрядчиков, субподрядчиков, поставщиков и т. д.

Кроме того, рассмотрены случаи привлечения застройщиком агента/комиссионера, обязующегося за вознаграждение провести работы по отбору подрядчиков и субподрядчиков для выполнения соответствующих строительных работ, в некоторых случаях и поставщиков строительных материалов, оборудования. Высказано предложение о привлечении указанных лиц к участию в судебных спорах с дольщиками относительно строительных недостатков объекта недвижимости.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, застройщик, договор строительного подряда, технический заказчик, генеральный подрядчик

Abstract. This article focuses on the implementation of entrepreneurial and professional activities by developers, taking into account the involvement of a technical customer, general contractor, contractors, subcontractors, suppliers, etc.

In addition, cases were considered of the developer engaging an agent / commission agent who undertakes, for a fee, to carry out work on the selection of contractors and subcontractors to perform the relevant construction work, in some cases, suppliers of building materials and equipment. A proposal was

made to involve these persons in litigation with equity holders regarding construction flaws in the property.

Key words: entrepreneurial activity, developer, building contract, technical customer, general contractor

В соответствии с частью 1 статьи 34 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

На сегодняшний день предпринимательская деятельность — наиболее перспективный вид деятельности, направленный на развитие собственного дела и получение прибыли. Одним из значимых видов предпринимательской деятельности является строительная деятельность, в рассматриваемом случае — строительство многоквартирных домов. Для строительной деятельности также характерен вопрос определения правового положения ее субъектов. Основными субъектами строительной деятельности МКД выступают застройщик, технический заказчик, генеральный подрядчик, подрядчик и субподрядчики.

Ключевым субъектом строительной деятельности выступает застройщик, являющийся профессиональным участником строительного рынка, однако особого внимания заслуживают технический заказчик и генеральный подрядчик.

В большинстве случаев осуществление строительной деятельности невозможно без участия технического заказчика и генерального подрядчика, в связи с тем, что лицо осуществляющее строительство МКД обязано являться членом соответствующей СРО.

В процессе осуществления строительной деятельности застройщик, самостоятельно выполняющий функции технического заказчика, т. е. осуществляющий освидетельствование скрытых работ, приемку выполненных работ и т. п., обязательно должен являться членом саморегулируемой организации (далее — СРО) строителей.

При этом в соответствии с положениями ч. 2 ст. 47, ч. 4 ст. 48 и ч. 2 ст. 52 Градостроительного кодекса Российской Федерации работы по договорам о строительстве, заклю-

ченным с застройщиком, техническим заказчиком, должны выполняться только индивидуальными предпринимателями или юридическими лицами, которые являются членами СРО.

В письме Министерства регионального развития РФ «Об осуществлении строительного контроля» № 17906-ИП/08 от 30 апреля 2010 г. разъяснено, что если заказчик не обладает специальными познаниями либо по иным причинам не желает в полном объеме выполнять функцию заказчика по контролю и надзору за строительством, то он вправе доверить третьему лицу — профессиональному юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю — осуществление этой функции и принятие от его имени решений во взаимоотношениях с подрядчиком [1].

Таким образом, у застройщика, самостоятельно не выполняющего работы по строительству, а лишь привлекающего третьих лиц для выполнения этих работ, наличие членства в СРО строителей не требуется.

На практике застройщики чаще всего не являются членами СРО, поэтому при осуществлении строительства МКД привлекают технического заказчика и генерального подрядчика, имеющих в штате организации специалистов, включенных в национальный реестр, членство в СРО строителей соответственно.

В связи с этим, представляется верным, что генеральный подрядчик несет ответственность перед застройщиком за действия подрядчиков и субподрядчиков. Данное утверждение находит свое подтверждение в абзаце 1 пункта 3 статьи 706 ГК РФ, согласно которому генеральный подрядчик несет перед заказчиком ответственность за последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств субподрядчиками.

Положения законодательства нашли свое отражение и в судебной практике — так, по делу № А76-25347/2022 судом верно указано, что по смыслу приведенной нормы, тот факт, что работы, относительно которых заявлены претензии, фактически выполнялись субподрядчиком, не освобождает генерального подрядчика от ответственности. Указанные положения гражданского законодательства основываются на само-

стоятельной ответственности генерального подрядчика перед заказчиком, в том числе за действия субподрядчика [2].

При осуществлении строительной деятельности застройщик вправе заключить агентский договор либо договор комиссии и тем самым делегировать обязанности по поиску, отбору подрядчиков и поставщиков агенту или комиссионеру соответственно. В некоторых случаях застройщики привлекают агента или комиссионера, обязующегося за вознаграждение провести работы по отбору генерального подрядчика, подрядчиков, субподрядчиков для выполнения соответствующих строительных работ, в некоторых случаях и поставщиков строительных материалов, оборудования и т. д.

Согласно положениям статьи 1011 Гражданского кодекса Российской Федерации, а именно того факта, что к отношениям, вытекающим из агентского договора, соответственно применяются правила, предусмотренные главой 49 или главой 51 настоящего Кодекса, в зависимости от того, действует агент по условиям этого договора от имени принципала или от своего имени, если эти правила не противоречат положениям настоящей главы или существу агентского договора.

По общему правилу комиссионер не отвечает перед комитентом за неисполнение сделки третьим лицом. Исключения составляют случаи, когда комиссионер не проявил необходимой осмотрительности в выборе лица, с которым он заключил сделку, либо принял на себя ручательство за исполнение сделки этим лицом (делькредере). В этих случаях он обязан произвести комитенту такое исполнение имущественных обязательств по договору комиссии, какое должно было быть им произведено, если бы сделка была исполнена третьим лицом [3].

Однако иная ситуация складывается, если комиссионер (агент) принял на себя обязательства и предоставил принципалу свое ручательство (делькредере). В таком случае комиссионер (агент) в полном объеме отвечает перед принципалом за неисполнение или ненадлежащее исполнение третьими лицами обязательств по сделкам, совершенным во исполнение агентского договора либо договора комиссии в интересах принципала (включая гарантийные обязательства в отноше-

нии качества материалов и работ, обязательства по возмещению вреда и убытков, выплате штрафных санкций и иных финансовых обязательств).

В соответствии с пунктом 1 статьи 993 Гражданского кодекса Российской Федерации комиссионер отвечает перед комитентом за неисполнение третьим лицом сделки, заключенной с ним, за счет комитента в случае, если комиссионер принял на себя ручательство за исполнение сделки (делькредере).

Рассмотрим ситуацию, когда застройщиком заключен агентский договор или договор комиссии с агентом или комиссионером соответственно.

Так, ООО «Девелопмент», являясь застройщиком, привлекло ООО «Строитель» в качестве агента. В связи с этим между ООО «Девелопмент» и ООО «Строитель» заключен агентский договор, согласно условиям которого ООО «Строитель» обязалось за вознаграждение провести работы по отбору генерального подрядчика, подрядчиков для выполнения строительно-монтажных работ на Объекте (МКД), поставщиков материалов и оборудования и самостоятельно от своего имени, но за счет принципала заключить с ними соответствующие договоры.

Во исполнение условий агентского договора между ООО «Строитель» и ООО «Омега» заключен договор подряда, в рамках которого ООО «Омега» выступало «Генподрядчиком» и выполняло работы, определенные предметом договора генподряда.

При этом ООО «Строитель» приняло на себя ручательство за исполнение сделки (делькредере), а ООО «Девелопмент» выплачивало ООО «Строитель», помимо агентского вознаграждения, дополнительное вознаграждение агента за делькредере.

Согласно условиям агентского договора по всем сделкам, совершенным между агентом и лицами, привлеченными им к строительству Объекта (МКД) во исполнение договора (генеральный подрядчик, подрядчики, субподрядчики, поставщики материалов и т. д.), агент предоставляет принципалу свое ручательство (делькредере) и в полном объеме отвечает перед

принципалом за неисполнение или ненадлежащее исполнение такими лицами обязательств по сделкам, совершенным во исполнение настоящего агентского договора в интересах принципала, включая обязательства, которые возникнут в будущем (включая гарантийные обязательства в отношении качества материалов и работ, обязательства по возмещению вреда и убытков, выплате штрафных санкций и иных финансовых обязательств).

В связи с этим считаем, что в случае спора застройщика и дольщика относительно качества переданного объекта долевого участия (квартиры, офиса) принятие судом решения по делу повлияет на права и обязанности ООО «Строитель» и ООО «Омега» по отношению к ООО «Девелопмент». В случае принятия судом решения не в пользу ООО «Девелопмент», последним будут взысканы все понесенные убытки, расходы и иные затраты с ООО «Строитель» и ООО «Омега».

По нашему мнению, соблюдение застройщиком обязательств перед участниками долевого строительства (дольщиками) по договору участия в долевом строительстве (далее по тексту — ДУвДС) напрямую зависит от действий/бездействий генерального подрядчика, подрядчиков, субподрядчиков, агента или комиссионера (при наличии), поставщиков и т. п.

В настоящее время отношения между застройщиком и дольщиками относительно заключения и последующего исполнения ДУвДС регулируются Федеральным законом «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» № 214-ФЗ от 30.12.2004.

Считаем, что действующее законодательство не отвечает принципу равенства сторон, баланс прав и интересов не соблюден, так как, помимо многочисленных обязанностей, возложенных на застройщика, размер ответственности застройщиков несоизмеримо превышает ответственность дольщиков.

Поступающие от дольщиков претензии, предъявляемые в рамках заключенного ДУвДС, можно разделить на две основные группы:

1) относительно нарушения застройщиком срока передачи объекта долевого строительства;

2) относительно выявленных в период гарантийного срока строительных недостатков объекта долевого строительства.

Представляется верным, что на срок передачи застройщиком объекта и качество самого объекта оказывают влияние действия/бездействия генерального подрядчика, подрядчиков, субподрядчиков, технического заказчика, агента, поставщиков и т. п. На наш взгляд, указанные лица, так же как и застройщик, являются субъектами строительной деятельности МКД, в связи с чем должны нести ответственность, если не наравне с застройщиком, то в значительной части.

Строительные работы выполняются последовательно в соответствии с проектной документацией, строительными нормами и ГОСТами, и на их выполнение необходим определенный срок, который может сдвигаться в связи с невыполнением или ненадлежащим выполнением подрядчиками работ. Безусловно, данные действия/бездействия влияют на сроки и качество выполнения последующих работ, соответственно, срок ввода жилого дома в эксплуатацию и последующий срок передачи объекта дольщикам переносится, а качество объекта может ухудшаться.

Суды в редких случаях принимают во внимание факт неисполнения обязательств перед застройщиком со стороны подрядчиков и поставщиков, о чем свидетельствует складывающаяся судебная практика.

В Определении судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26 мая 2020 г. по делу № 8Г-12488/2020 [88-13583/2020] верно указано, что, разрешая заявление общества о несоразмерности взыскиваемой потребителем неустойки последствиям нарушения обязательств застройщиком, приведенное в письменном отзыве на иск, обоснованно принял во внимание обстоятельства, которые привели к нарушению срока передачи объекта долевого строительства, в частности неисполнение обязательств перед застройщиком со стороны подрядчиков и поставщиков, необходимость пересмотра некоторых про-

ектных решений и проведения повторной государственной строительной экспертизы [4].

Представляется верным, что суду при определении размера неустойки за нарушение срока передачи объекта долевого строительства и принятии решения по делу необходимо учитывать факты нарушений обязательств со стороны генерального подрядчика, подрядчиков, субподрядчиков, технического заказчика, агента/комиссионера.

Кроме того, участие в деле по спорам о качестве объекта долевого строительства специалистов генерального подрядчика и технического заказчика, обладающих необходимым уровнем образования, с должным стажем работы и имеющих специальные познания в строительной отрасли, будет способствовать скорейшему разрешению спора, в некоторых случаях возможно обойтись без проведения судебной экспертизы.

На наш взгляд, привлечение подрядчиков и поставщиков к участию в деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований, является необходимым, так как исход судебного разбирательства застройщика и дольщика может повлиять на их права и обязанности. Целесообразно предусмотреть не только право застройщика ходатайствовать об их привлечении, но и обязанность суда привлекать генерального подрядчика, технического заказчика, агента/комиссионера и т. п. к участию в деле для полного и всестороннего рассмотрения дела.

Таким образом, только путем совершенствования действующего гражданского законодательства можно достигнуть баланса интересов между дольщиками и застройщиком, ограничить излишнее взыскание денежных средств с застройщиков, следовательно, замедлить повышение стоимости объектов недвижимости и в некоторой степени повысить качество строящихся объектов.

Литература

1. Об осуществлении строительного контроля: письмо Министерства регионального развития Российской Федерации от 30 апреля 2010 г. № 17906-ИП/08 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. (дата обращения: 08.04.2023).
2. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 января 2023 г. № 18АП-16228/22 по делу № А76-25347/2022 //

- КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. (дата обращения: 08.04.2023 г.).
3. Гражданское право: учеб.: в 2 т. / О. Г. Алексеева, Е. Р. Аминов, М. В. Бандо и др.; под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 2 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. (дата обращения: 08.04.2023).
  4. <https://8kas.sudrf.ru/>

ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

И. Л. Вершок

Белорусский государственный университет
доцент кафедры теории и истории государства и права
кандидат юридических наук, доцент
viarshok_irina@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы интерпретации сложных слов, используемых в юриспруденции. Констатируется неоднозначность смысла и содержания соответствующих им терминов. Предлагается разворачивать термины, обозначенные сложными словами, либо конкретизировать их содержание.

Ключевые слова: словообразование, юридический термин, языковые конструкции, семантическая точность юридического термина.

Abstract. The problems of interpretation of complex words that are used in jurisprudence are considered. The uncertainty of the meaning and content of the corresponding terms is stated. It is proposed to expand the terms that are indicated by complex words. Otherwise, you can specify their content.

Key words: word formation, legal term, language constructions, semantic accuracy of a legal term.

Современная юридическая доктрина широко использует в своем понятийно-категориальном аппарате сложные языковые конструкции, многие из которых представляют собой имена существительные, сформированные путем сложения, соединения двух основ. Термины «правосознание», «правопонимание», «правонарушение», «правоотношение», «правотворчество» образованы путем свертывания словосочетаний в одно слово. При этом в работах филологического профиля

указывается, что сложные существительные русского языка — это одна из самых неблагополучных областей русского письма, которая имеет наиболее противоречивые варианты кодификаций и в словарной форме, и в форме правил [1].

Соответственно, и в юриспруденции смысл и содержание юридических терминов, созданных с использованием сложных слов, также характеризуется неоднозначностью и в существенной мере определяются тем, из каких словосочетаний и каким способом они сформированы. Например, смысл и содержание термина «правосознание» зависят от словосочетания, являющегося для него основой: правовое сознание, осознание прав или осознание права.

Термин «правопонимание» можно по-разному раскрыть в зависимости от того, из каких слов он сложен: правовое понимание, понимание прав или понимание права. Значение категории «правонарушение» существенно зависит от того, о чем реально идет речь — о правовом нарушении, нарушении права или нарушении прав. В свою очередь, в содержании понятия правотворчества смысл может принципиально изменяться в зависимости от того, из какого словосочетания оно образовано — правовое творчество, творчество права или творчество в праве. При этом в настоящее время появляется использование термина, схожего со словом «правообразование», когда проводится разграничение нормативно-правовых образований от норм права. Под нормативными правовыми образованиями понимаются не только нормы обычного права, но и «нормы общественного права, естественного права, нормы договорного права, нормы корпоративного права, нормы деловых обыкновений, нормативные образования правовой доктрины, принципы права, идеи и ценности права» [6, с. 38].

Указанные и иные коллизии смыслового и содержательного характера в каждом из рассмотренных терминов детерминируют различные интерпретации в юридической практике, связанной с созданием и реализацией правовых норм, влекут отсутствие единого проблемного поля в юридических дискуссиях доктринального уровня на соответствующие темы. Становится проблематичным определение того, в какой

сфере (публично-правовой или частноправовой) происходит проявление правосознания, правоотношения, правонарушения и иных феноменов правовой действительности, обозначаемых соответствующими сложными терминами. Это обстоятельство усиливает неопределенность в их интерпретации, порождает бесчисленное количество трансформаций словообразовательных структур, которые лишь приближенно передают содержание сложных наименований [2].

Многие юристы-теоретики, как и практики, рассматривая один и тот же термин, могут вкладывать в него разные значения и, широко используя русскоязычную терминологию, все-таки «говорить на разных языках». Например, правонарушение в значении нарушения прав в большей степени касается публично-правовой сферы, в то время как факты нарушения права относятся в значительной мере к частноправовой области, где произошло нарушение конкретного субъективного права. Правосознание в значении осознания права в целом — прерогатива инстанции, действующей в правотворческом и (или) правоприменительном процессе в рамках своей компетенции. Правосознание как осознание прав характерно для частных лиц, субъектов права, по-разному (прямо или опосредованно) сталкивающихся с практической реализацией конкретных правовых норм в своей жизнедеятельности.

Формирование термина путем сложения двух слов или основ слова не приводит к повышению семантической точности и четкости его смысловых границ, что может негативно сказываться на эффективности юридической коммуникации как в научной, так и практической области юриспруденции. Такое словосложение влечет еще более высокую степень абстрактности и безграничности слов, используемых в качестве юридических терминов и понятий. Их общераспространенное универсальное употребление в юридической науке может вызывать семантическую девальвацию термина или множественность его значений. В таком случае одно и то же сложное слово понимается по-разному, и расшифровки одного слова могут быть истолкованы через различные семантические механизмы образования. Каждый по-своему

понимает механизм образования сложного слова и получает совершенно разные его истолкования [9].

Сложившаяся в настоящее время такая лингвистическая правовая неопределенность требует своего глубоко изучения на уровне междисциплинарных исследований, особенно в контексте гармонизации частного права.

Так, слово «правосознание» является сложным и состоит из двух корней: «прав-» и «созна-» [7, с. 340; 5, с. 140]. Кроме того, в нем ударение делается на вторую часть, образованную корнем «созна-». Важно, что первая часть слова — корень «прав-» — может трактоваться по-разному в зависимости от контекста: конкретной философской парадигмы, доминирующего типа правопонимания, предметной области исследований, сферы публичного или частного права, в которой непосредственно происходит выражение правового сознания.

Первый корень при образовании сложного слова «правосознание» может подразумевать смысл старославянского «правь», а также быть сокращенным вариантом существительных «право», «правило», «правота» либо прилагательных «бесправный», «правильный», «правовой», глаголов «править», «управлять», «направлять», «управомочивать», «исправлять», предикатива «вправе» и ряда других слов, обладающих различными смысловыми и содержательными параметрами.

Среди парных категорий, или, по терминологии К. Леви-Стросса, «бинарных позиций», характеризующих понятийный строй религиозного мышления индоевропейского типа, у славян исторически обнаруживается довольно много схожих с ним понятий, имеющих фундаментальное этико-правовое значение. Наряду с бинарными позициями «правый — левый», «счастье (доля) — несчастье (недоля)» правда противопоставляется кривде. «Когда мы логически связываем право с правым, справедливым, прямым, правильным, в отличие от всего неправильного, изломанного, искаженного, перекошенного и т. п., то редко отдаем себе отчет в глубоко древнем происхождении и изначальной сакральности данной связи» [4, с. 180–181]. «Многозначный, кумулятивный характер термина “правда”, который со времен митрополита Иллариона и по сегодняшний день многими учеными трактуется как соче-

тающий в себе и истину, и нравственность, и общественную справедливость» [3, с. 25] обозначает еще особое внутреннее, духовное состояние человека, существенно детерминирующее содержание его правового сознания.

Характерно, что вместо логического противопоставления правового-левого в славянских и балтских языках обнаружено противопоставление правда—кривда, а кривизна рассматривалась как способность использовать божественные законы на благо человека, причем отклонение от нормы могло иметь и позитивный смысл. В этой связи в литературе отмечают особый период постепенного перехода мировоззрения населения от изначального закона-правды, лежащего в основе обычаев, к государственному праву, которое все еще ссылалось на традиции, но уже изменялось и отдалялось от простых людей, становясь для них чужим [8, с. 134–135]. Соответственно, смысл одного и того же термина «правосознание» может раздваиваться. Его значение можно интерпретировать как в значении осознания легальных (но не обязательно легитимных) гетерономных правил, издаваемых публичными институтами власти, так и в смысле осознания норм автономного регулирования, признаваемого частным образом самими носителями правового сознания как естественное, нормальное, правильное.

Таким образом, следует признать чрезмерно широкую вариативность значений термина «правосознание», отсутствие четкости, ясности возможных сфер, отраслей, методов его предметного научного осмысления и содержательного определения.

Аналогичная методологическая проблема касается интерпретации таких сложных слов, как «правоотношение», «правопонимание», «правообразование», «правонарушение», имеющих такой же первый корень («прав») и предполагающих неограниченно широкое смысловое толкование. В результате остается нерешенной проблема разграничения смыслов термина правообразование как формирования права в качестве социального института или процесса получения юридических знаний. Нечетко определенным остается граница термина «правопонимание» — в значении философско-мировоззрен-

ческого, а также научного определения сущности, генезиса и функции права либо сугубо утилитарного и прагматичного понимания субъектом собственных полномочий и обязательств, субъективных прав и юридических обязанностей.

Гармонизация в частно-правовой сфере существенно связана с более точным уяснением смысла и содержания термина «правоотношение», широко используемого как в юридической теории, так и на практике. Правоотношение может пониматься в качестве общественного отношения, урегулированного нормой права, но при этом направленного на конкретные неюридические результаты (частная сфера), либо означать отношения сугубо юридического характера, нацеленные лишь на узко-юридические последствия (публично-правовые). Данные терминологические различия также необходимо учитывать.

Таким образом, современная юридическая доктрина, особенно в сфере частного права, нуждается в глубоком переосмотре терминологии с точки зрения использования сложных существительных русского языка. Предлагается разворачивать термины, обозначенные сложными словами, что даст большую семантическую точность и однозначность при их использовании. В ином случае представляется возможным сохранение традиционно сложившейся терминологии в форме сложных слов, но при этом обязательна конкретизация их содержания, обусловленного контекстом — типом правопонимания, публичной или частной правовой отраслью проявления и соответствующего изучения.

Литература

1. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Сложные существительные и сочетания с приложениями как объект орфографического описания // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 57–76.
2. Иванова Т. К. Функциональные особенности словообразования сложных имен существительных // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 126.
3. Куликов Е. А. Категория меры в праве: теоретико-правовые и философско-правовые аспекты. М.: Юрлитинформ, 2015. 340 с.
4. Мальцев Г. В. Культурные традиции права: моногр. М.: Норма: Инфра-М, 2013. 608 с.

5. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Т. 2: Более 145 000 слов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ, 2003. 941 с.
6. Хакимов И. А. Правосознание в процессах реализации права: теоретико-методологический и структурно-функциональный аспекты / под ред. И. П. Кожокаря. М.: Проспект, 2021. 128 с.
7. Шишов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка: ок. 37 000 слов русского яз., объединенных в 2000 словообразовательных гнезд: Комплексное описание русской лексики и словообразования. М.: АСТ: Астрель: Русские словари: Ермак, 2004. 1022 с.
8. Щербик Д. В. Политическая и правовая мысль населения Беларуси в дохристианский период // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2021. № 14. С. 131–135.
9. Ян Т. Грамматические и семантические признаки сложносоставного существительного как особенного сложного слова // Русский лингвистический бюллетень. 2022. № 8 (36). С. 1–4.

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОДПИСЬ КАК СПОСОБ СОСТАВЛЕНИЯ ЗАВЕЩАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

З. У. Гасанов

Казанский инновационный университет (им. В. Г. Тимирязова)
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
кандидат юридических наук
gasanov-ksu@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена применению электронной подписи как способа составления завещания в условиях чрезвычайных обстоятельств. Автор делает вывод о необходимости цифровизации правового института завещания.

Ключевые слова: электронная подпись, наследование по завещанию, завещания в чрезвычайных обстоятельствах, принятие наследства, роль нотариуса.

Abstract. The article is devoted to the use of an electronic signature as a way of making a will in emergency situations. The author concludes that it is necessary to digitize the legal institution of the will.

Key words: electronic signature, testamentary inheritance, wills in emergency circumstances, acceptance of an inheritance, the role of a notary.

Не случайно Д. И. Мейер, давая определение завещания, указывал, что «духовное завещание... есть удовлетворяющее известным законным условиям изъявление воли лица относительно судьбы его имущественных отношений в случае смерти» [1]. Г. Ф. Шершеневич отмечал: «Завещание представляет собою... предсмертное распоряжение об имуществе» [4]. Г. Ф. Шершеневич указывал, что завещанием не может быть признан такой акт, которым распоряжения вовсе не касаются имущества, потому что закон смотрит на завещания как на способ приобретения прав на имущество [5].

В силу развития цифровизации и права, современных технологий сети «Интернет», формирования массивных информационных баз данных, трансформации и широкого внедрения цифровых технологий в общественные массы, деятельность общественных, социальных и, конечно, правовых институтов прогнозируется необходимость цифровизационной динамики и в области наследственных правоотношений.

В современных реалиях представляется необходимым включение способа оформления завещания с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи как одну из возможных и приемлемых волеизъявлений завещателя (электронное завещание).

Ряд исследователей высказываются за внесение изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, в соответствии с которыми лицам, неспособным выразить свою последнюю волю без посторонней помощи, должно быть предоставлено право составлять закрытые завещания посредством видеозаписи. Е. Путилина высказывает мнение о том, что для такой категории лиц закрытое завещание, совершенное посредством видеозаписи, в большей степени позволило бы определить, в каком состоянии находился завещатель в момент его совершения (совершения записи), и в то же время избежать ущемления прав отдельных граждан на совершение закрытого завещания [2]. Сходную позицию занимает С. А. Слободян, который считает, что видеозавещания помогут устранить ограниченность свободы составления закрытого завещания, поскольку у наследодателя, который не в состоянии собствен-

норучно написать и подписать завещание, также могут быть причины для совершения закрытого завещания [3].

По нашему мнению, с данной позицией можно не согласиться, ввиду того, составленное завещание должно отвечать требованиям, предъявляемым к нотариально оформленному документу, установленным ст. 45.1 Основ законодательства о нотариате.

Следует отметить, что законодатель выделяет присутствие свидетелей по воле завещателя (для нотариально удостоверенных) и помимо воли завещателя в силу прямого указания завещания (завещания, приравненные к нотариально удостоверенным, закрытые завещания, завещания в чрезвычайных обстоятельствах).

Так, сложно представить состоятельность электронного завещания, осуществленного, например, с помощью видеозаписи, при котором не представляется возможным удостоверение соблюдения основополагающих принципов свободы завещания, тайны завещания (ст. 1123 ГК РФ) и без участия нотариуса, так как именно нотариус является руководящим и уполномоченным лицом, а также гарантом наследственных правоотношений. Нотариус не только удостоверяет, к примеру, закрытые завещания, но и свидетельствует соблюдению требований к свидетелям. А при использовании различных технических средств, к сожалению, нотариус или иное уполномоченное лицо не сможет пресечь нарушения, свидетельствующие о несоответствии завещания требованиям, определяемым законом в силу их отсутствия.

Рассматривая же завещания, составленные в чрезвычайных обстоятельствах, считаем целесообразным изменить ст. 1124 ГК РФ, дополнить ст. 1129 ГК РФ о возможности использования усиленной квалифицированной электронной подписи. Помимо этого, в Методических рекомендациях по удостоверению завещаний и наследственных договоров, утвержденных решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 02.03.2021, протокол № 03/21, также следует создать положения о возможности составления завещания с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи.

Аргументируя данное положение, на наш взгляд, необходимо дифференцировать завещания в чрезвычайных обстоятельствах на две категории: 1) составление завещания в чрезвычайных обстоятельствах без использования усиленной квалифицированной электронной подписи и с обязательным участием свидетелей. Примечательно, что, согласно ст. 13 Основ законодательства о нотариате, нотариус вправе выехать для удостоверения завещания за пределы своего нотариального округа... (например, если завещатель тяжело болен); 2) составление завещания в чрезвычайных обстоятельствах с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи в присутствии свидетелей и без присутствия свидетелей.

Определяя вышеназванные группы, существует необходимость разграничения и строгой дифференциации обстоятельств, при которых составление электронного завещания носило или могло носить единственную возможность выражения воли завещателя, как в присутствии свидетелей, так и без их присутствия. Одним из ярких тому примеров может послужить произошедшее в феврале 2023 года в Турции землетрясение, в результате которого десятки тысяч жителей, оказавшись лицом к смерти, вероятно, хотели бы выразить свою последнюю волю каким бы то ни было способом, не имея возможности коммуникации с уполномоченными к удостоверению завещания лицами, со свидетелями и т. д. Так, житель одного из разрушенного здания в провинции Хатай, оказавшись под завалами разрушенного дома, имел в руках лишь одно мобильное устройство. Воспользовавшись этим, он, анализируя ситуацию, явно угрожающую ему смертью, нашел единственно верное решение — составить электронное завещание, выражающее его последнюю волю [6]. На наш взгляд, необходимо учитывать, насколько невозможным является признание действительным такого способа завещания? Необходимо разграничивать обстоятельства, в которых представлялось или не представлялось возможным соблюсти ни письменную форму завещания, ни требования нотариального удостоверения, ни привлечения свидетелей.

Подлинность проведения всех данных процедур с использованием усиленной квалифицированной электронной

подписи следует рассматривать и разрешать по существу в порядке судебного разбирательства (п. 3 ст. 1129 ГК РФ).

Так как выполнение ряда требований не всегда представляется возможным, в Постановлении Пленума Верховного суда от 29.05.2012 № 9 (в частности п. 27), где предписано обязательное участие свидетелей, представляется необходимым внесение дополнения о состоятельности тех завещаний, которые были составлены в условиях чрезвычайных обстоятельств с невозможностью привлечения свидетелей.

В заключение хотелось бы сказать, что, несмотря на прогрессивное развитие отечественного гражданского законодательства, вопросам составления завещаний в чрезвычайных обстоятельствах законодателем, на наш взгляд, придается недостаточное значение. Последними изменениями был дополнен лишь п. 4 ст. 1129 ГК РФ о совместном завещании супругов, наследственных договорах, но форма и порядок совершения завещания не были изменены. В силу имеющихся в связи с новыми событиями обстоятельств и растущей тенденции к цифровизации современного общества наблюдается необходимость детальной разработки наследственных вопросов на законодательном уровне, потребность предоставить завещателю максимально свободно и доступно придать юридическую форму своей воле.

Литература

1. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2003. С. 783.
2. Путилина Е. Совершение закрытого завещания и завещания в чрезвычайных обстоятельствах // Законность. 2007. № 11. С. 39.
3. Слободян С. А. Правовой режим закрытых завещаний // Нотариус. 2009. № 6. С. 20.
4. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2. М.: Статут, 2005. С. 348.
5. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2. С. 348.
6. Enkazin altında 'Son videom' diye çekti... // CNNTURK.COM. URL: <https://www.cnnturk.com/video/turkiye/enkazin-altinda-son-videom-diye-cekti> (дата обращения: 26.02.2023).

АДВОКАТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

И. В. Захарова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
аспирант, адвокат
ziv_1974@mail.ru

Аннотация. В данной статье исследуется вопрос о правовых проблемах осуществления представительства адвокатами своих клиентов при оказании правовой помощи, в том числе при защите прав и законных интересов в гражданском судопроизводстве. Участие адвокатов по назначению в соответствии со ст. 50 ГПК РФ, по мнению автора, не позволяет в полном объеме предоставить правовую защиту интересов граждан, которые в силу разных объективных причин не имеют возможности личного участия в гражданском процессе. Отсутствие правового регулирования реализации адвокатами всех процессуальных прав создает угрозу оказания некачественной юридической помощи.

Ключевые слова: юридическая помощь, адвокат, адвокатская деятельность, представительство, гражданское судопроизводство, доверенность, назначение адвоката, суд, процессуальные права, экспертиза, оценка, правовое регулирование.

Abstract. This article examines the issue of legal problems of representation by lawyers of their clients in the provision of legal assistance, including the protection of rights and legitimate interests in civil proceedings. The participation of lawyers by appointment in accordance with Article 50 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, according to the author, does not allow to fully provide legal protection of the interests of citizens who, due to various objective reasons, do not have the opportunity for personal participation in civil proceedings. The lack of legal regulation of the implementation of all procedural rights by lawyers poses a threat of providing unqualified legal assistance.

Key words: legal aid, lawyer, advocacy, representation, civil proceedings, power of attorney, appointment of a lawyer, court, procedural rights, expertise, evaluation, legal regulation.

На основании ст. 46 Конституции РФ государством каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Данное право реализуется в большей мере через институт представительства, поскольку для участия в гражданском, административном, уголовном судопроизводстве все больше требуются познания в области права в виду совершенствования

судебной системы и повышения требований к участникам процесса.

Статья 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2021) указывает на то, что полномочия адвоката, который участвует в качестве представителя доверителя в конституционном, гражданском и административном судопроизводстве, а также в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях, регламентируются соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации [4].

Требования по оформлению полномочий представителя, как и правоотношения между представителем и представляемым, закреплены в главе 10 ГК РФ.

Однако в указанных нормах содержится порядок совершения сделки представителя от имени и в интересах доверителя. При этом нормы, регламентирующие непосредственно судебное представительство в законодательстве, отсутствуют.

Между тем представление интересов представляемого в отношениях с третьими лицами далеко не всегда является сделкой. Следовательно, законодателем дается понятие не самого представительства, а основания возникновения прав и обязанностей у лица, в интересах которого совершена та или иная сделка.

В статье 185 ГК РФ речь идет непосредственно о доверенности, определяется ее юридическое значение. Так, указано, что доверенность — это письменное уполномочие, которое выдается одним лицом другому лицу или другим лицам на представительство перед третьими лицами [1]. При этом отсутствует закрепление понятия «представительства перед третьими лицами». В связи с чем при оформлении доверенности возникают сложности в определении полномочий ввиду отсутствия на законодательном уровне регламентации прав, которые возможно передать представителю, а какие подлежат реализации только лично.

Автор полагает, что в данном случае имеет место пробел в законодательстве, поскольку на практике возникают вопросы по возможности осуществления тех или иных прав через своего представителя.

Например, согласно ст. 11 Федерального закона от 29.07.2017 № 217-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» член товарищества может участвовать в управлении делами товарищества, а именно быть избранным его председателем, членом правления, членом ревизионной комиссии и т. п. [6]. Возможно ли реализация указанного права через своего представителя?

С одной стороны, закон не запрещает, однако данное право неразрывно связано с личностью, поскольку оно реализуется через доверие иных членов товарищества, которые наделяют определенными правами и обязанностями в ходе выборов именно данное лицо. Следовательно, это право неотделимо от личности избираемого и не может быть передано иному лицу.

Между тем в судебной практике имеются споры на предмет возможности реализации права гражданина на участие в делах товарищества через своего представителя на основании доверенности (пр. Постановление Верховного Суда РФ от 24.02.2021 № 89-АД21-1).

Таким образом, с целью устранения разночтения и споров на законодательном уровне имеет смысл определить понятие представительства и рамки его реализации.

Более четко дано определение представительству в гражданском судопроизводстве. Статья 48 ГПК РФ регламентирует, что граждане вправе вести свои дела в суде лично или через представителей. Личное участие в деле гражданина не лишает его права иметь по этому делу представителя.

Организации ведут дела в суде через свои органы, действующие в пределах полномочий, предоставленных им федеральным законом, иными правовыми актами или учредительными документами.

От имени ликвидируемой организации в суде выступает уполномоченный представитель ликвидационной комиссии.

В данном случае очевидно, что процессуальные права, предоставленные участникам судопроизводства, могут быть переданы другому лицу на основании доверенности.

Также законодатель в ст. 53 ГПК РФ определяет формы и субъектов оформления таких доверенностей, а ст. 54 ГПК РФ — полномочия представителей. При этом в статье 54 ГПК РФ предусмотрено, что представитель может совершать от имени представляемого все процессуальные действия. Но право представителя на подписание искового заявления, предъявление его в суд, передачу спора на рассмотрение третейского суда, а также предъявление встречного иска, полный или частичный отказ от исковых требований, уменьшение их размера, признание иска, изменение предмета или основания иска, заключение мирового соглашения, передачу полномочий другому лицу (передоверие), обжалование судебного постановления, предъявление исполнительного документа к взысканию, получение присужденного имущества или денег необходимо специально оговорить в доверенности, выданной представляемым лицом [2].

Кроме того, в настоящее время с учетом внесенных изменений ст. 49 ГПК РФ круг представителей в некоторых судебных инстанциях ограничен. Так, представителями в суде, кроме дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, вправе выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности.

Таким образом, сделана попытка определить круг полномочий представителя в рамках гражданского судопроизводства.

Однако интересно следующее: согласно требованию ч. 3 ст. 49 ГПК РФ, адвокаты должны представить суду документы, которые удостоверяют их статус адвоката в соответствии с федеральным законом и их полномочия. Иные лица, которые оказывают юридическую помощь, предоставляют суду документы, подтверждающие их полномочия, а в случаях, предусмотренных частью второй указанной нормы, также документы о наличии у них высшего юридического образо-

вания или ученой степени по юридической специальности [2]. Следовательно, адвокат осуществляющий свою деятельность, представляя интересы доверителя в суде, обязан подтвердить как свой статус, так и полномочия. Второе подтверждается, согласно ч. 5 ст. 53 ГПК РФ, ордером.

Между тем, в соответствии с ч. 1 ст. 54 ГПК РФ, определен круг полномочий, на которые должна быть выдана только доверенность. Однако это требование влечет дополнительные расходы для доверителя, которые он должен нести в связи с удостоверением доверенности, хотя при заключении соглашения этот вопрос вполне может быть урегулирован, поскольку, обращаясь к адвокату за оказанием правовой помощи, сам доверитель определяет объем поручения [2].

Кроме того, в соответствии со ст. 50 ГПК РФ, суд назначает адвоката в качестве представителя в случае отсутствия представителя у ответчика, место жительства которого неизвестно, и в других предусмотренных Федеральным законом случаях. Адвокат, назначенный судом в качестве представителя ответчика, в случаях, предусмотренных указанной статьей, вправе обжаловать судебные постановления по данному делу [2].

Согласно данной норме, законодатель предполагает участие адвоката в судопроизводстве в отсутствие доверенности, определяющей такие полномочия адвоката как, например, право на подписание встречного искового заявления, заключения мирового соглашения. В связи с чем возникает вопрос, для какой цели на адвоката возлагается обязанность подтверждения полномочий в случае заключения соглашения со своим доверителем. Поскольку в данном случае полный объем полномочий может быть выражен иначе — например, в самом соглашении между адвокатом или доверителем либо в качестве дополнительного документа к соглашению в форме заявления/ходатайства, адресованного суду, в котором доверитель мог бы просить суд о допуске адвоката в качестве своего представителя с определенными полномочиями.

При этом возложенные обязательства на адвоката в качестве представителя отсутствующего лица, у которого не представляется возможным выяснить позицию, законодатель

считает реализацией защиты прав и даже оплату за оказание такой правовой помощи берет на себя государство.

Между тем в отсутствие доверителя адвокат не имеет возможности в полной мере реализовать процессуальные права, предоставленные законом ответчику. Так, например, адвокат в качестве представителя по назначению не может оспорить размер заявленного ущерба, поскольку в отсутствие ответчика нет возможности оплатить стоимость экспертного заключения, так как суды, к сожалению, хотя и обладают правом, но не назначают судебные экспертизы за счет федерального бюджета. В данном случае и этот вопрос требует разъяснения на законодательном уровне.

Соответственно, если, представляя интересы ответчика по назначению суда, адвокат с целью объективной и всесторонней защиты прав и законных интересов своего доверителя (пусть и заочного) считает необходимым назначение судебной экспертизы, он может реализовать это право, поскольку оплата будет возложена на ответчика. Однако без согласования с клиентом вопроса о расходах за судебную экспертизу адвокат не вправе возложить дополнительную обязанность на него. Суд, в свою очередь, отказывает адвокату в проведении судебной экспертизы за счет бюджетных средств в отсутствие доказательств невозможности оплаты доверителем.

Аналогична и следующая ситуация: исходя из предъявленных к доверителю требований, адвокат считает возможным предъявление встречного иска, но вновь не имеет такой возможности, поскольку в ст. 54 ГПК РФ указано, что право на подписание встречного иска должно быть оформлено доверенностью. Значит, и в данной ситуации адвокат не может осуществить полноценной защиты прав своего доверителя. При этом еще необходимо оплатить государственную пошлину, от которой адвокат, назначенный судом, не освобождается. То же относительно заключения мирового соглашения. Если в ходе судебного разбирательства имеется возможность без дополнительных затрат для доверителя заключить мировое соглашение, то это не может быть реализовано без доверенности.

Указание же в статье на право адвоката обжаловать судебные акты также носит формальный характер, поскольку для подачи апелляционной, кассационной и надзорной жалобы необходимо оплатить государственную пошлину. Между тем ст. 333.36 НК РФ не предусматривает в качестве освобождения от уплаты государственной пошлины такое основание, как адвокат, назначенный судом в порядке ст. 50 ГПК РФ. Следовательно, при обжаловании судебного акта адвокат обязан в интересах своего доверителя(заочно) оплатить государственную пошлину, в противном случае его жалоба подлежит оставлению без движения либо возврату.

В связи с этим осуществление защиты прав и законных интересов ответчика адвокатом по назначению суда невозможно в полном объеме, что в свою очередь влечет, по мнению автора, нарушение ч. 2 ст. 5 «Кодекса профессиональной этики адвоката», которая указывает, что адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных на подрыв доверия к нему или к адвокатуре. А также п. 1 ст. 8 «Кодекса профессиональной этики адвоката», согласно которой при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом [5].

Таким образом, по мнению автора, участие адвоката по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ при разрешении спора в гражданском судопроизводстве сводится к формальному участию, то есть лишь присутствию адвоката в судебном заседании и получению за это вознаграждения. При этом такое участие нельзя расценивать как реализацию конституционной гарантии на правовую защиту, поскольку она фактически не осуществляется в полной мере.

В уголовном судопроизводстве реализация права на защиту и осуществление адвокатами своих обязанностей регламентировано более четко, поскольку нормы процессуального права достаточно ясно разъясняют полномочия адво-

ката и основания их возникновения в ходе осуществления защиты доверителей.

Так, согласно ч. 1, ч. 4 ст. 49 УПК РФ, защитник — лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу [3].

Адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. С этого момента на адвоката распространяются правила, установленные частью третьей ст. 53 настоящего Кодекса.

Гражданское судопроизводство, в отличие от уголовного, пытаясь реализовать конституционное право на защиту и вводя институт представительства по назначению, не регламентировало его деятельность правовыми нормами.

Таким образом, автор полагает, что как минимум две нормы гражданского процессуального права требуют уточнения, поскольку, с одной стороны адвоката обязывают подтвердить полномочия для осуществления полноценной защиты прав и законных интересов своего доверителя при заключении соглашения и даже при его личном участии. С другой стороны, самостоятельно предоставляют адвокату весь объем процессуальных прав, предусмотренных для ответчика, в отсутствие последнего, без подтверждения каких-либо полномочий.

Кроме того, требуется расширить круг полномочий для адвокатов с целью оказания ими правовой помощи в отсутствие доверенности своим доверителям при назначении в порядке ст. 50 ГПК РФ. Принимая во внимание, что адвокатская деятельность регламентирована законодательно, в том числе и рамками ответственности, автор полагает возможным предоставить полномочия адвокатам, которые необходимы для реализации всех способов защиты прав и законных интересов доверителей как по соглашению, так и по назначению суда. При этом исключить требование предоставления дополнительных документов адвокатами, наделив их в полном объеме процессуальными правами принадлежащих доверителю и соответствующих статусу участника процесса. Такой подход позволит объективно и всесторонне осуществлять пред-

ставление и защиту прав своих доверителей. С этой целью необходимо внести в ряд законодательных актов дополнения, в частности в Налоговый кодекс Российской Федерации об освобождении от уплаты государственной пошлины представителей, действующих на основании ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, а также в иных предусмотренных федеральными законами случаях.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021).
4. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2021).
5. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 15.04.2021).
6. О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29.07.2017 № 217-ФЗ (ред. от 22.12.2020).
7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 11.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.06.2022).
8. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ.

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ КАК СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ДОГОВОРОВ В ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

А. В. Епифанцев

Новосибирский государственный технический университет
доцент кафедры «Правоведение»
epiphancev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается регулирующее воздействие цифровых платформ на общественные отношения. По итогам рассмотрения представленных в литературе определений делается вывод

о том, что основной целью их создания является обеспечение алгоритмизации поведения субъектов гражданского права. При этом цифровые платформы представляют собой совокупность взаимосвязанных договоров, определяющих порядок взаимодействия различных субъектов при вступлении в договорные отношения. Данные договоры не относятся к категории простого товарищества. В рассматриваемом случае имеет место присоединение к правилам, по которым взаимодействует определенная группа лиц. Проведенный анализ позволяет сделать вывод об организационном характере исследуемых соглашений, которые следует включить в предмет регулирования гражданским правом.

Ключевые слова: цифровая платформа, организационные договоры, правовое регулирование.

Abstract. The article discusses the regulatory impact of digital platforms on public relations. Based on the results of consideration of the various definitions presented in the literature, it is concluded that the main purpose of their creation is to ensure the algorithmization of the behavior of subjects of civil law. At the same time, digital platforms are a set of interrelated agreements that determine the procedure for the interaction of various entities when entering into contractual relations. These contracts do not fall into the category of a simple partnership. In the case under consideration, there is an adherence to the rules according to which a certain group of persons interacts. The analysis carried out allows us to draw a conclusion about the organizational nature of the agreements under study, which should be included in the subject of civil law regulation.

Key words: digital platform, organizational agreements, legal regulation.

Понятие «цифровая платформа» является распространенным. На сегодняшний день его легальное определение содержится в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» и формулируется как «система средств, поддерживающая использование цифровых процессов, ресурсов и сервисов значительным количеством субъектов цифровой экосистемы и обеспечивающая возможность их бесшовного взаимодействия» [4]. В законодательстве Российской Федерации, принятом национальными государственными органами, значение рассматриваемого термина не раскрывается. Очевидно, в том числе и поэтому в правовой литературе представлено значительное количество подходов к его пониманию. В качестве обобщающей работы, включающей предлагаемые на настоящий момент определения, можно отметить статью «Цифровая платформа как информационно-

экономическая структура» [11]. Анализ списка литературы, использованного автором вышеуказанной статьи, позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемое явление широко распространено, его активно изучают, о нем пишут, но при этом требуются дальнейшие исследования и описания.

При подготовке настоящей статьи из всего массива литературы, относящейся к обсуждаемому вопросу использованы материалы Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ВШЭ), Некоммерческой Организации Фонд Развития Центра Разработки и Коммерциализации Новых Технологий (Фонд «Сколково»), Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС), Автономной некоммерческой организации «Цифровая экономика» (АНО «Цифровая экономика»), Министерства экономического развития Российской Федерации (Минэкономразвития РФ), Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры РФ), отдельные публикации, агрегирующие различные точки зрения по проблеме, а также соответствующие нормативные акты. В качестве примера собрания интернет-ресурсов, которые могут представлять интерес, можно привести «Системати» (обзор статей относительно цифровых платформ) [15].

Используя герменевтический подход для определения сущности понятия, оно было разделено на две составляющие: «платформа» и «цифровой». Термин «платформа» имеет множественное значение и относительно давнюю историю [7]. В переносном смысле он применяется к однотипным политическим взглядам, а также к связанным технологическим решениям, действиям и т. п. Касаясь понятия «цифровой» следует отметить, что оно относительно новое, но прочно вошло в деловой оборот [1–3, 6]. Однако его нормативное определение в российском законодательстве отсутствует, а обыденное значение определяется как выраженный либо обозначенный в цифрах, иногда с уточнением, что речь идет о двоичной системе исчисления [7, 13]. В настоящее время идет переход

от значения термина «цифровой» как прилагательного, обозначающего выраженность в цифрах, к значению, связанному с передачей информации с использованием двоичного кода [5].

Далее необходимо отметить, что само сочетание «цифровая платформа» рассматривается по-разному, в том числе и как разновидность «экосистемы» и как «маркет-плейс» [8, 12, 14]. Существуют работы, направленные на определение критериев, по которым можно будет выделять «цифровую платформу» из состава других явлений информационного мира [12]. В итоге отмечают три типа цифровых платформ: инструментальные цифровые платформы, инфраструктурные цифровые платформы и прикладные цифровые платформы.

Первые ориентированы на обеспечение технологического процесса обработки информации. Вторые — на создание удобств в использовании инфраструктуры. Например, за счет решений по автоматизации процессов взаимодействия субъектов между собой. Третий тип, по сути, является бизнес-моделью, основанной на алгоритмизированном с использованием цифровых технологий порядком взаимодействия различных субъектов.

При выявлении сути рассматриваемого явления следует согласиться с мнением отдельных авторов, что цифровые платформы используются прежде всего для организации взаимодействия пользователей платформенных сервисов [11]. Таким образом, они выступают регулятором отношений между лицами, использующими возможности цифровой платформы. При этом возможно выделить три области такого регулирования: эксплуатационно-техническую, нормативную, а также организационную, в части конкретных отношений между лицами, использующими информационные ресурсы информационных систем, представляющие собой взаимные субъективные права и обязанности.

Алгоритмизация, т. е. установление порядка действий пользователей цифровых платформ, содержится в качестве определяющего признака в большинстве изученных определений. Причем на практике устанавливается не только алгоритм поведения, т. е. последовательность, но и форма

совершаемых действий (например, предлагается заполнить уже подготовленные бланки), а порой и содержание (например, предлагается выбрать один вариант действий из заранее предложенных).

Оператор цифровой платформы определяет правила взаимодействия с ним и пользователями платформы между собой. Например, порядок обращения за информацией, формы заявки, состав сведений и т. п. Таким образом, вполне очевидно, что взаимодействие значительных групп субъектов с использованием цифровой платформы определяется ее правилами, т. е. она становится регулятором.

Что касается рассмотрения цифровых платформ с точки зрения организационной сферы, то, используя подход О. А. Красавчикова в качестве базового и С. Ю. Морозова в качестве агрегированного, в части организационных отношений возможно выделить в них две составляющие: создание предпосылок возникновения, развития, реализации имущественных отношений и собственно возникновение конкретного правоотношения [9, 10].

Договоры, заключаемые с оператором информационной системы (долгосрочные или разовые) относительно доступа к информационным ресурсам платформы, обеспечивают взаимодействие на первом этапе. Данные договоры направлены на достижение согласия в части организации взаимодействия, а не на совершение конкретных действий с использованием информации, находящейся в информационной системе. Однако без первого невозможно второе, поэтому они и должны рассматриваться в качестве предпосылочных организационных договоров. Например, по типу договоров об организации перевозок, заключаемых в транспортной сфере.

Следует отметить, что О. А. Красавчиков предлагал включать в предмет гражданского права организационные отношения. Несмотря на то что указанная точка зрения высказывалась и обосновывалась в условиях иной социально-экономической системы, представляется, что сама ее суть приобретает еще большую значимость в современных условиях.

Построение «экосистем», использование «маркет-плейсов», внедрение «смарт контрактов» и т. п. являются не чем иным, как попыткой организовать отношения между различными субъектами для создания возможности впоследствии вступать в гражданско-правовые отношения с использованием цифровых технологий.

В части второго этапа представляется, что с точки зрения конкретных отношений между лицами, использующими информационные ресурсы информационных систем, цифровая платформа является способом фиксации юридических фактов с использованием электронных средств.

Подводя итог, отметим следующее. В настоящее время предлагается множество определений такого явления, как «цифровая платформа», и нет устоявшегося, которое могло бы лечь в основу нормативного закрепления. Поэтому следует согласиться с позицией о преждевременности его легальной фиксации. Однако это не исключает необходимости в дальнейшем изучении указанного явления.

Цифровые платформы выполняют различные функции. Вместе с тем в качестве основной следует выделить регулятивную, направленную на организацию отношений между лицами, ее использующими.

Возможно выделить три области реализации данной функции: эксплуатационно-техническую, нормативную и организационную, состоящую из двух этапов (создание предпосылок отношений в общем и собственно возникновение конкретных правоотношений).

Таким образом, цифровые платформы имеют тройственную природу и могут рассматриваться как:

1. Самостоятельный объект права, представляющий собой совокупность вещей и отношений. По аналогии с предприятием.

2. Самостоятельный способ социального регулирования. При этом устанавливаемые правила не могут быть отнесены ни к одной разновидности социальных норм, выделяемых правовой доктриной. Представляется, что в рассматриваемом случае возникает такое явление, как частно-публичное регу-

лирование с установлением частно-публичной разновидности социальных норм.

3. Самостоятельный способ совершения сделок в электронной форме.

Литература

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <https://docs.cntd.ru/document/557309575> (дата обращения: 05.05.2023).
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения: 05.03.2023).
3. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 05.05.2023).
4. Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года: решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12. URL: <https://docs.cntd.ru/document/555625953> (дата обращения: 04.05.2023).
5. Бегишев И. Р. Семантический анализ термина «цифровая безопасность» // Юрислингвистика. 2021. 20. 24–38.) Legallinguistics, 2021, 20, 24–38 doi: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2021\)2005](https://doi.org/10.14258/leglin(2021)2005) (дата обращения: 15.05.2023).
6. Информационная справка Минэкономразвития РФ о статусе исполнения федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (по сост. на 19 августа 2022 г.). URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/562959b540a768428a3b8d8aa0237f65/spravka_po_fp_nrsc.pdf (дата обращения: 12.05.2023).
7. Картаслов.ру. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/платформа> (дата обращения: 15.05.2023).
8. Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы», цифровая платформа рассматривается как бизнес-модель обмена товаром между потребителем и поставщиком. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/konceptsiya_21052021.pdf (дата обращения: 21.05.2023).
9. Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. 1996. № 10.
10. Морозов С. Ю. Система транспортных организационных договоров. URL: <https://www.dissercat.com/content/sistema-transportnykh-organizatsionnykh-dogovorov> (дата обращения: 22.05.2023).

11. Ниязова Ю. М., Гарин А. В., Злыднев М. И. Цифровая платформа как информационно-экономическая структура // Компетентность / Competency (Russia). 2021. № 1. DOI: 10.24411/1993-8780-2021-10105.
12. Подходы к определению и типизации цифровых платформ. URL: https://files.data-economy.ru/digital_platforms_project.pdf (дата обращения: 20.05.2023).
13. Толковые онлайн-словари русского языка. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ц/цифровой> (дата обращения: 15.05.2023).
14. Цифровые платформы. URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/tsifrovye-platformy/> (дата обращения: 20.05.2023).
15. Цифровые платформы: обзор статей (Информационный ресурс Системати). URL: http://systematy.ru/articles/tsifrovyye-platformyi-obzor_statey (дата обращения: 20.05.2023).
16. Цифровые проекты и платформы. URL: <https://strategy.cdto.ranepa.ru/6-2-cifrovye-proekty-i-platformy> (дата обращения: 20.05.2023).

ВОЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА КАК ФОРС-МАЖОР

С. В. Зимнева

Тюменский государственный университет
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
кандидат юридических наук, доцент
swk1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние военных обстоятельств на исполнение предпринимательских обязательств.

Ключевые слова: обстоятельства непреодолимой силы, форс-мажор, военные действия, военная мобилизация, освобождение от ответственности.

Abstract. The article deals with the concept and types of military actions as force majeure circumstances, exempting from liability for non-fulfillment of business obligations.

Key words: irresistible force, force majeure, military actions, military mobilization, exemption from responsibility.

В настоящее время в связи с проведением специальной военной операции, а также недавней военной мобилизацией по призыву на военную службу граждан в Вооруженные Силы Российской Федерации актуальными являются вопросы

о влиянии военных обстоятельств на возможность исполнения договорных обязательств, а также допустимость освобождения должника от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств при наступлении таких обстоятельств. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) предусматривает приверженность России к использованию для защиты национальных интересов страны военных мер только после исчерпания возможностей применения инструментов ненасильственного характера. Вместе с тем возрастающая угроза новых вооруженных конфликтов с участием России в современный период в условиях рыночной экономики требует переосмысления гражданско-правовых институтов, обеспечивающих выполнение договорных обязательств, прежде всего в сфере предпринимательства. Как верно указал С. В. Сарбаш: «Есть предел, за которым при нарушении обязательства от ответственности освобождается и предприниматель. Такие обстоятельства принято именовать непреодолимой силой» [5, с. 374]. Как правило, предприниматели включают в свои договоры форс-мажорную оговорку, освобождающую от гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств в случае наступления военных обстоятельств. К таким обстоятельствам в договоре относят войну, военные действия, вторжение, вооруженные конфликты и т. п.

Положением о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) (приложение к постановлению Правления ТПП РФ от 23.12.2015 № 173-14) к форс-мажору отнесены военные обстоятельства — военные действия. Довольно частое употребление понятия «военные действия» в нормативных правовых актах и научной литературе, на наш взгляд, требует его разъяснения. Определения понятия «военные действия» законодательство не содержит. В Военно-юридическом энциклопедическом словаре дано понятие «военные действия» как организованное применение войск, сил и средств для выполнения поставленных военных задач на

земле, на море, в воздухе, в космосе — в стратегическом и оперативном, тактических масштабах [1, с. 374]. Военные действия возможны в формах: компаний, операций, сражений, ударов, боев, регулярных боевых действий. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» военными действия являются действия, которые ведет Российская Федерация в военное время по отражению вооруженного нападения на Российскую Федерацию другого государства или группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации.

В научной литературе военные действия определяются по-разному: «организованное применение сил и средств для выполнения поставленных боевых задач (достижения целей войны) подразделениями, частями, соединениями, объединениями всех видов вооруженных сил государства» [2, с. 84], «действия, осуществляемые частями и подразделениями, входящими либо в состав Вооруженных сил России, либо в состав вооруженных сил противника, по проведению военных операций с применением оружия или военной техники» [8]. Следует согласиться с мнением В. М. Корякина, что использование в качестве обстоятельства непреодолимой силы термина «военные действия» — обоснованно и разумно, поскольку материальный вред субъектам предпринимательства причиняет реальное применение вооружения и военной техники [4, с. 19].

В теории гражданского права неоднократно поднимался вопрос о возможности отнесения военных действий к обстоятельствам непреодолимой силы. Большинство ученых придерживаются взглядов, что военные действия могут являться обстоятельством непреодолимой силы [3, 4]. Кроме того, в современной научной литературе существует мнение вообще отличать непреодолимую силу и отдельно военные действия как самостоятельное основание освобождения от ответственности [7, с. 44].

Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее — Постановление № 7) разъяснены признаки непреодолимой силы: чрезвычайность — исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях; непредотвратимость — невозможность избежать наступления такого обстоятельства или его последствий любым участником гражданского оборота, осуществляющим аналогичную с должником деятельность. Таким образом для отнесения военного обстоятельства к непреодолимой силе необходимо, чтобы оно обладало этими признаками. Причем, как справедливо указывает Е. А. Свининых: «необычность обстоятельства необходимо устанавливать путем его соотношения с нормальной, мирной жизнью» [6, с. 105].

Также постановлением № 7 (пункт 10) предусмотрена обязанность должника принять все разумные меры для уменьшения ущерба, причиненного кредитору обстоятельством непреодолимой силы. Возникает вопрос, какие имущественные потери или убытки могут быть причинены предпринимателями обстоятельствами непреодолимой силы в результате военных действий? Прежде всего, ущерб может быть причинен уничтожением индивидуально-определенной вещи — объекта договора в результате военных действий — или невозможностью осуществить предусмотренные договором хозяйственные операции из-за применения военного оружия. Как указывает Е. В. Соколова, причиной неисполнения обязательства может быть и невозможность нормального функционирования предприятия-должника в связи мобилизацией работников, изъятием транспорта, оборудования предприятия [7].

Если обратиться к истории участия нашей страны в военных действиях, то практика применения законодательства в период военных действий, на примере Великой Отечественной войны, показала, что суды не признавали войну обстоя-

тельством, которое само по себе освобождало должника от ответственности по обязательству. Как отмечает М. В. Конюхов, в целом война в данный период являлась обстоятельством, усиливающим ответственность должника за неисполнение обязательства, за исключением тех случаев, когда военные действия непосредственно повлияли на исполнение должником своего обязательства. Так, к невозможности исполнения обязательства могли привести военные действия на территории рыболовецкой артели, гибель орудий лова в результате военных действий (определение Судебной коллегии по гражданским делам № 532 1942 г.) [3].

В период проведения федеральными войсками военных действий на территории Чеченской Республики на основании Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» также имеются примеры неисполнения обязательств по предпринимательским договорам. Так, Алпатовская распределительная нефтебаза в течение 1994–1999 годов поставляла ГУП «Новогорский» горюче-смазочные материалы, неоплата которых послужила основанием для обращения ГУП «Чеченнефтепродукт» в арбитражный суд с требованием об уплате 353 435 рублей основного долга и 869 935 рублей процентов за пользование чужими денежными средствами. Суд кассационной инстанции решение суда 1-й инстанции отменил и указал, что при разрешении спора суд не дал оценку доводам ответчика о сложившихся на территории Чеченской Республики в спорный период обстоятельствах непреодолимой силы. В частности, хозяйство предприятия длительное время находилось в зоне боевых действий, что привело к уничтожению значительной части основных средств и невозможности осуществлять предпринимательскую деятельность [9].

К военным обстоятельствам, которые могут повлиять на возможность исполнения предпринимательских обязательств, можно отнести и военную мобилизацию. 21 сентября 2022 г. Указом Президента РФ в России была объявлена частич-

ная мобилизация, которая предусматривает призыв граждан на военную службу по мобилизации в Вооруженные силы Российской Федерации определенных категорий. Согласно п. 2 статьи 1 Федерального закона от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» (далее — Закон № 31-ФЗ), мобилизация — это комплекс мероприятий по переводу экономики РФ, экономики субъектов РФ и экономики муниципальных образований, переводу органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного времени, переводу Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований на организацию и состав военного времени. Мобилизация также может повлиять на исполнение обязательств предпринимателем, например, если мобилизуют самого предпринимателя или работников компании. Однако здесь нужно учитывать не только наличие и продолжительность таких обстоятельств, но и наличие причинно-следственной связи между обстоятельствами и невозможностью исполнения обязательств. Поэтому при объявлении военной мобилизации призыв на военную службу предпринимателя может являться обстоятельством непреодолимой силы, а при мобилизации работников компании необходимо учитывать процент мобилизованных от общего количества, работающих в компании, на возможность исполнения оставшимися работниками обязательств по поставке товаров или выполнению работ, услуг.

В основном для военных обстоятельств характерен длящийся характер, поэтому если такие обстоятельства продолжаются определенный период, то это является основанием для приостановления исполнения обязательства. Вместе с тем при продолжительном характере события у контрагента может пропасть интерес к исполнению обязательства, что влечет его право отказаться от договора.

Таким образом, для военных обстоятельств (военные действия, военная мобилизация, война) характерны основные признаки непреодолимой силы: чрезвычайность и непредотвратимость. Длящийся характер военных обстоятельств

и непредвиденность их наступления создают ситуации, когда предприниматели не могут в обычном режиме осуществлять свою хозяйственную деятельность и исполнить обязательства. Для признания судом военных обстоятельств форс-мажором, сторона, не исполнившая обязательство, должна доказать наличие причинно-следственной связи между возникшими военными обстоятельствами и невозможностью исполнения предпринимательских обязательств.

Литература

1. Военно-юридический энциклопедический словарь. Сер. «Право в Вооруженных силах — Консультант» / под общ. ред. А. В. Кудашкина, К. В. Фатеева. М.: За права военнослужащих, 2008. 367 с.
2. Ермолович Я. Н. О признании совершения преступления в условиях вооруженного конфликта или военных действий обстоятельством, отягчающим наказание // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 5. С. 81–86.
3. Конохов М. В. Проблемы гражданско-правовой ответственности в военное время и пути их решения с учетом опыта Великой Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 41–44.
4. Корякин В. М. Вооруженный конфликт как обстоятельство непреодолимой силы в гражданско-правовых отношениях // Военно-юридический журнал. 2015. № 1. С. 17–23.
5. Сарбаш С. В. Элементарная догматика обязательств: учеб. пособие. М.: Статут, 2020. 436 с.
6. Свининых Е. А. Чрезвычайная ситуация военного характера как основание для закупки товаров (работ, услуг) у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 4. С. 103–109.
7. Соколова Е. В. Военные действия как основание для освобождения от исполнения гражданско-правовых обязательств и ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 7. С. 36–44.
8. Худяков А. И. Теория страхования. М.: Статут, 2010. 656 с.
9. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 19.11.2003 № Ф08-3736/03 по делу № А18-1878/2002 // СПС «КонсультантПлюс».

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Н. С. Карцева

Новосибирский юридический институт (филиал)
Национального исследовательского
Томского государственного университета
доцент кафедры гражданского права,
кандидат юридических наук, доцент
37korona@mail.ru

П. К. Комиссарова

Общество с ограниченной ответственностью «СТАТУС»
ведущий специалист
pkomissarova@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния цифровых технологий на правоотношения граждан с целью выявления основных проблем и обозначения перспектив правового регулирования.

Ключевые слова: цифровые технологии, искусственный интеллект, нейросеть, киберпреступность, информационная безопасность.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the influence of digital technologies on the legal relations of citizens in order to identify the main problems and identify the prospects of legal regulation.

Key words: digital technology, artificial intelligence, neural network, cybercrime, information security.

Как известно, в настоящее время цифровые технологии не только проникли во многие сферы нашей жизни: экономику, культуру, образование, медицину, связь, — опосредуя реализацию технических и информационных функций, но и настойчиво пытаются заменить человека при осуществлении интеллектуальной деятельности, конечной целью которой становится создание творческого результата или принятие решения. Действительно, развитие информационно-коммуникационных технологий во многом облегчило процессы жизнедеятельности. Так, например, благодаря сети «Интернет», можно найти ответ практически на любой интересующий вопрос, информационные сервисы позволяют онлайн записаться на

прием к врачу или же, не выходя из дома, приобрести товар в любой точке мира, причем автоматизация повторяющихся задач уменьшает время их выполнения и сводит к минимуму совершение ошибок. Кроме того, цифровые технологии и, в частности, ставший столь популярным в последнее время искусственный интеллект не просто оказывают помощь человеку, выполняя определенные задачи, а создают уникальные иллюстрации, портреты людей, пишут оригинальные тексты, музыку и даже ставят медицинские диагнозы вместо человека. Так, с начала 2023 года в новостной среде постоянно появляется информация о том, что школьники и студенты используют нейросеть в целях написания эссе, сочинений, курсовых, дипломных и других работ, при этом понять, что ее написал «робот», а не человек, практически невозможно.

В связи с чем приходится констатировать, что нейросети действительно становятся «умнее» людей, а эксперты призывают разработчиков приостановить обучение искусственного интеллекта. Ведь как бы значительна и всеобъемлюща ни была помощь цифровых технологий, еще более масштабно они способны нам навредить. А значит, в целях обеспечения защиты оборота персональных данных и биометрии граждан, то есть установления баланса между инновационностью и безопасностью, необходима координация существования виртуальной сферы как со стороны гражданского общества и бизнеса, так и со стороны государства.

Оговоримся, зачастую граждане, вступая во взаимодействие с информационной системой недостаточно внимательно относятся к кибербезопасности, однако защищать персональные данные должен, в первую очередь, их обладатель, понимая и оценивая все риски использования цифровой среды. В современном мире кража данных, будь то номер телефона, адрес проживания, паспортные данные, пароли от социальных сетей, банковские счета, может стать самым частым преступлением, потому как для киберпреступников указанные действия порой не представляются сложным процессом. И поскольку основным источником утечки персональных данных является сам их носитель, законодателю

необходимо путем создания определенных правил поведения в информационном пространстве, обучающих проектов донести до сознания граждан, что свои персональные данные обязательно нужно защищать наравне с имущественной собственностью.

И здесь, безусловно, особого внимания требует информационная безопасность несовершеннолетних, как крайне уязвимой категории граждан с точки зрения попадания их в информационное пространство, поскольку дети и подростки являются активными пользователями Интернета, а любой информационный след, оставленный в сети «Интернет», любое неосторожное действие может повлечь негативные последствия.

Так, Правительство Российской Федерации уже ведет активную работу в указанном направлении. И здесь нельзя не отметить утвержденную 28 апреля 2023 года Концепцию информационной безопасности детей в Российской Федерации [3], главной целью которой является защита детей от информационных угроз и рисков в современной цифровой среде. При этом особое внимание акцентируется на том, что для достижения этой цели необходимы не только усилия государственных органов, но и непосредственное участие родительского сообщества. Данное положение представляется обоснованным, поскольку основные аспекты формирования личности ребенка реализуются в семье, а значит, родители должны контролировать взаимодействие своих несовершеннолетних детей с социальными сетями, управляя устройствами, которые дети используют для доступа в сеть «Интернет», а также отслеживая контент, размещаемый ими в интернет-пространстве.

Видится, что в рамках этой концепции необходимы разработка и принятие отдельных нормативно-правовых актов, формулирующих задачи государственных органов, образовательных учреждений в целях просвещения несовершеннолетних по вопросам информационной безопасности.

Итак, остановимся подробнее на отсутствии в законодательстве механизмов, препятствующих угрозе утечки пер-

сональных данных пользователей сети «Интернет». Как уже было отмечено, в качестве персональных данных выступает большое количество сведений, относящихся к конкретному лицу. При этом видится, что на современном этапе развитие цифровых технологий позволяет говорить не только о краже отдельных данных, но и о краже «личности» человека, представленной в цифровом виде. Так, например, злоумышленники, получая доступ к аккаунту человека в социальной сети, способны от его имени писать сообщения, размещать посты, зарабатывать деньги, якобы продавая определенный продукт или рассказывая историю с просьбой помочь финансовыми средствами. Например, в Новосибирске в апреле-мае 2023 года было взломано около 100 аккаунтов бизнесменов в мессенджере Telegram. Мошенники рассылали на номера их знакомых сообщения с просьбой занять 10–20 тысяч рублей. Отметим, только вследствие взлома аккаунта управляющего партнера юридической фирмы «Шумкин и партнеры» Евгения Шумкина, злоумышленникам было переведено около 150 тысяч рублей [2]. И здесь усматривается не просто кража персональных данных, а посягательство на сам субъект, представленный в цифровом пространстве. При этом крадут не только персональные данные граждан, но и данные компаний с многомиллионным оборотом денежных средств, в результате чего количество убытков возрастает в десятки раз. Тем не менее большую часть личных данных граждан киберпреступники получают от операторов, которыми могут быть как крупные компании с многомиллионными оборотами, так и индивидуальные предприниматели. При этом утечка может произойти и вследствие невнимательности оператора, и при намеренной продаже данных мошенникам.

Таким образом, представляется необходимым вмешательство государственных органов в целях минимизации киберпреступлений, в том числе видится целесообразным увеличение пределов ответственности операторов персональных данных. Однако думается, что такая ответственность должна быть дифференцирована в зависимости от оборота компании, количества персональных данных, обрабатываемых соответ-

ствующим оператором. Кроме того, важным видится установление не только оборотных штрафов, но и уголовной ответственности таких лиц.

Нельзя не отметить, что в настоящее время для взлома аккаунтов киберпреступники активно используют нейросети, например записывают голос владельца аккаунта, чтобы отправлять голосовые сообщения, преследуя преступные цели. Таким образом, искусственный интеллект уже применяется в различных целях — от написания уникальных текстов, имитации голоса до ведения судебного процесса в цифровом пространстве. Однако использование искусственного интеллекта остается вне правового регулирования. В результате чего потребность в развитии законодательства в сфере цифровых технологий возрастает с каждым днем.

Оговоримся, регулирование информационной среды порой выходит за рамки одного государства и требует межгосударственного сотрудничества. Так, в мае 2023 года Россия в соавторстве с Белоруссией, КНДР, Никарагуа и Сирией внесла на рассмотрение концепцию Конвенции ООН по международной информационной безопасности, которая стала бы универсальным, юридически обязывающим инструментом, обеспечивающим стабильность и безопасность в глобальном информационном пространстве. Однако в связи со сложившейся на данный момент геополитической обстановкой, представляется, что России будет достаточно сложно добиться принятия внесенных предложений.

В связи с чем, в первую очередь, необходимо формирование национальной законодательной основы. Так, в России обсуждается введение Цифрового кодекса. И по словам члена комитета Государственной думы по информационной политике, информационным технологиям и связи Антона Немкина, «совершенно очевидно, что в условиях такого масштабного и беспрецедентного слома парадигмы, который переживает наша ИТ-индустрия прямо сейчас, ей нужна адекватная правовая поддержка и выработка на уровне федерального законодательства новых правил. Преимущества кодифици-

рования законодательства давно очевидны правоведам, которые последовательно идут по этому пути» [4].

Безусловно, создание кодифицированного акта, регулирующего сферу использования цифровых технологий, на современном этапе представляется необходимым. Можно констатировать, что Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «О персональных данных», принятые еще в 2006 году и претерпевшие с того времени большое количество изменений, нуждаются в комплексной переработке. Кроме того, формирование указанного правового акта позволит создать единый подход к пониманию основных терминов, связанных с отношениями в цифровом пространстве, а также учесть новую практику применения искусственного интеллекта и использования персональных данных.

Однако при этом некоторые эксперты считают, что создание кодифицированного акта, регулирующего сферу цифровых технологий, является поспешным решением. Так, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина Виктор Наумов считает, что право — это консервативный социальный регулятор, который крайне медленно и аккуратно реагирует на какие-то общественные вызовы и потребности, предлагая на десятилетия те или иные решения. В связи с чем, по его словам, для начала необходим единый и адекватный терминологический аппарат, который на данный момент отсутствует [1]. Действительно, в современном мире общественные отношения преобразовываются с большой скоростью. В сравнении с тем, что ранее определенные правоотношения развивались несколько лет, законодателю сейчас довольно сложно интегрировать новые положения в нормативные акты, потому как то, что популярно сегодня, в скором времени вообще может быть неактуально.

Конечно, в условиях стремительной цифровизации, развития искусственного интеллекта законодатель не успевает адекватно реагировать на изменения, а также формирование

совершенно новых отношений. Однако, на наш взгляд, основные базисы уже сложились, и в этой связи необходимо преобразовать и систематизировать те положения законодательных механизмов, которые на данный момент существуют. И здесь, в первую очередь, видится целесообразным создание единого терминологического аппарата в целях унификации всех нормативно-правовых актов.

Кроме того, хотелось бы остановиться на трудностях, возникающих в результате распространения информационно-коммуникационных технологий на все сферы жизнедеятельности человека. Как известно, многие государственные услуги сегодня предоставляются онлайн. Безусловно, пока существует возможность очно оформить справку или получить выписку, однако и в этом случае потребуется авторизация на том или ином портале. Так, многие операции по подключению/отключению услуг по банковской карте можно совершить исключительно через «мобильный банк». И здесь, например, у пожилого поколения людей возникают определенные трудности, и они вынуждены просить помощи. Оговоримся, трудности могут возникнуть не только у указанной категории граждан, поскольку все же не каждому человеку удастся разобраться в сложных операциях, производимых на информационной платформе. В этой связи видится необходимым законодательно закрепить право гражданина на отказ от пользования определенной частью цифровых технологий в целях получения соответствующих услуг исключительно в очном формате.

Таким образом, регулирование отношений, складывающихся в онлайн-пространстве, должно иметь глобальный и всесторонний характер. Ведь столь стремительное развитие информационных технологий порой содержит в себе больше негативных последствий, нежели положительных моментов. В частности, защита персональных данных граждан представляется наиболее важным аспектом, поскольку в этих данных уже представлена личность человека в цифровой форме, а не просто набор индивидуализирующей информации. Однако развитие законодательной базы имеет значительное отставание от современного состояния цифровых технологий.

В связи с чем требуется планомерное совершенствование законодательства в информационной сфере, а также создание Цифрового кодекса, что позволит защитить права и законные интересы граждан и станет нормативной основой национальной безопасности страны.

Литература

1. Арстанова А. На ПМЮФ обсудили права человека в цифровом пространстве // Официальный сайт Адвокатской газеты. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/na-pmyuf-obsudili-prava-cheloveka-v-tsifrovom-prostranstve/> (дата обращения: 17.06.2023).
2. Мастеркова М. В Новосибирске произошел массовый взлом аккаунтов в Telegram // Официальный сайт Сиб.фм. URL: <https://sib.fm/news/2023/05/16/v-novosibirske-proizoshel-massovyj-vzlom-akkauntov-telegram-> (дата обращения: 15.06.2023).
3. Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2023 № 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации и признании утратившим силу Распоряжения Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Цифровой кодекс позволит построить стройную систему работы ИТ-индустрии // Официальный сайт российской газеты «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5988639> (дата обращения: 17.06.2023).

ПРАВО ГРАЖДАН НА МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ

Н. П. Ковалёва

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»
старший преподаватель
кафедры гражданско-правовых дисциплин
npkovaleva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается закрепленное в законодательстве право на охрану здоровья и медицинскую помощь, раскрывается его содержание, отмечается, что право на охрану здоровья и медицинскую помощь является важнейшей основой в системе социальных прав.

Ключевые слова: охрана здоровья, медицинская помощь, пациент, медицинская услуга.

Abstract. The article examines the right to health protection and medical care enshrined in legislation, revealing their content. It notes that the right to

health protection and medical care is the most important foundation in the system of social rights

Key words: health care, health care, patient, health service.

В соответствии со ст. 45 Конституции Республики Беларусь граждане имеют право на охрану здоровья, бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения. Государство создает условия доступного для всех граждан медицинского обслуживания [3]. В Республике Беларусь сохранена государственная система здравоохранения, при этом созданы предпосылки для развития частной системы здравоохранения, в которую входят все медицинские организации и учреждения. В статье 4 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» право на медицинскую помощь закреплено следующим образом: «Граждане Республики Беларусь имеют право на доступное медицинское обслуживание, которое обеспечивается:

1) предоставлением бесплатной медицинской помощи на основании государственных минимальных социальных стандартов в области здравоохранения в государственных учреждениях здравоохранения;

2) предоставлением медицинской помощи в государственных организациях здравоохранения, негосударственных организациях здравоохранения и у индивидуальных предпринимателей, осуществляющих в установленном законодательством Республики Беларусь порядке медицинскую деятельность за счет собственных средств, средств юридических лиц и иных источников, не запрещенных законодательством Республики Беларусь;

3) доступностью лекарственных средств;

4) осуществлением мер по санитарно-эпидемиологическому благополучию населения;

5) проведением медицинских экспертиз [6].

Право на медицинскую помощь можно определить как совокупность закрепленных в законодательстве полномочий, которые обеспечивают гражданину возможность получения в случае обращения в медицинское учреждение квалифицированного лечения и медико-социального обслуживания,

выбора учреждения здравоохранения, а также возможность требовать защиты в случае его нарушения [1, с. 15].

Право на медицинскую помощь также принято рассматривать в объективном и субъективном смыслах: в объективном смысле представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в процессе удовлетворения потребностей населения в медицинской помощи и обслуживании, в субъективном смысле это форма выражения правовых возможностей, адресуемых гражданам правовыми нормами как субъектам права.

Субъективное право граждан на конкретный вид медицинской помощи представляет собой право лица, реализуемое в конкретном правоотношении по поводу профилактической, лечебно-диагностической и иной помощи, а также мер медико-социального характера. Каждый гражданин имеет право пройти медицинское обследование, получить медико-санитарную помощь в любом медицинском учреждении с учетом его профиля для получения полной и достоверной информации о состоянии своего здоровья [1, с. 16].

Анализируя позиции ученых по вопросу содержания и структуры права на охрану здоровья, мы пришли к выводу, что их научные взгляды могут быть сгруппированы в зависимости от критерия, положенного в основу данного права, в частности первая группа исследователей формирует содержание права на охрану здоровья из числа видов медицинской деятельности. Так, Л. О. Красавчикова перечисляет следующие звенья в структуре права на здоровье: право на получение квалифицированной медицинской лечебной профилактической помощи, право на своевременную и качественную лекарственную помощь, право на квалифицированное и своевременное протезирование, право на санаторно-курортное лечение, право на врачебно-косметологическое лечение, право на донорство и трансплантацию органов и тканей человека, право на участие в медицинском эксперименте [5]; А. А. Глашев также считает, что право на медицинскую помощь является составной частью права на охрану здоровья [2].

Вторая группа исследователей представляет право на охрану здоровья как совокупность прав граждан в данной

сфере. Так, Н. В. Косолапова считает, что современное содержание права на охрану здоровья заключается во всей совокупности прав граждан на охрану здоровья, на медицинскую помощь, в том числе реабилитацию, экологическое санитарно-эпидемиологическое благополучие и радиационную безопасность, на обеспечение лекарственными средствами, на протезно-ортопедическую помощь, на санитарно-курортное лечение, пользование услугами организаций оздоровительного профиля, на информацию о состоянии своего здоровья и факторах, влияющих на здоровье, и другие [4].

Таким образом, некоторые исследователи ограничивают содержание различными правомочиями, которые пациент имеет при оказании медицинской помощи. На наш взгляд, указанные суждения не отражают всю полноту содержания права на охрану здоровья, так как здоровье человека зависит от ряда иных факторов, среди которых можно отметить здоровую окружающую среду, безопасные условия труда, социальное обеспечение и многие другие.

Субъектами права на медицинскую помощь, с одной стороны, выступают граждане (пациенты), нуждающиеся в медицинской помощи, а с другой — учреждения здравоохранения (субъекты предоставления медицинской помощи). А. В. Тихомиров выделяет в правоотношении по предоставлению медицинской помощи также субъекта оказания медицинской помощи (медицинского работника), который непосредственно осуществляет медицинскую помощь [14, с. 124].

В соответствии с законодательством Республики Беларусь всех субъектов, имеющих право на медицинскую помощь, можно подразделить на следующие категории:

1) граждане, имеющие право на первоочередное медицинское обслуживание: бывшие узники фашистских концлагерей, тюрем, гетто и бывшие несовершеннолетние узники иных мест принудительного содержания, созданных фашистами и их союзниками в годы Второй мировой войны [7, ст. 24], инвалиды с детства вследствие ранения, контузии, увечья, связанных боевыми действиями в период ВОВ либо с последствиями военных действий (статья 25), лица, необоснованно привлеченные к уголовной ответственности, подвергшиеся наказа-

нию в виде лишения свободы, ссылки, высылки, направления на спецлечение, высланные за пределы республики в административном порядке, незаконно помещавшиеся по решению судов в психиатрические учреждения на принудительное лечение в связи с возбуждением уголовных дел, и другие лица, реабилитированные в соответствии с действующим законодательством, а также потерпевшие от политических репрессий дети, которые находились вместе с репрессированными родителями [9, п. 1.4], участники ликвидации последствий катастрофы на чернойбыльской АЭС и приравненные к ним лица [10, ст. 18–20] и члены многодетных семей (дети в возрасте до 18 лет);

2) граждане, имеющие право на внеочередное медицинское обслуживание: инвалиды Великой Отечественной войны и инвалиды боевых действий на территории других государств, ветераны Великой Отечественной войны [7, ст. 12], герои Беларуси, герои Советского Союза, герои социалистического труда, полные кавалеры орденов отечества, славы, трудовой славы и их мужья либо жены [11, ст. 4], почетные доноры [8, ст. 14].

Объектом права на медицинскую помощь выступают медицинские услуги, которые представляют собой разновидность профессиональных услуг, при оказании которых предъявляются повышенные требования к квалификации исполнителя [15, с. 108]. В соответствии со статьей 1 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении», медицинская услуга это — медицинское вмешательство либо комплекс медицинских вмешательств, а также иные действия, выполняемые при оказании медицинской помощи [6]. Аналогичное определение содержится в законодательстве Российской Федерации «медицинской услугой понимается медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение» [12, ст. 2], а в Республике Казахстан под медицинской услугой понимается действия субъектов здравоохранения, имеющие профилактическую, диагности-

ческую, лечебную или реабилитационную направленность по отношению к конкретному человеку [13, ст. 1].

На наш взгляд, данные определения не являются достаточно полными, так как они не учитывают комплексный характер медицинской услуги, который заключается в том, что, помимо медицинской помощи, в процессе их предоставления могут оказываться и другие дополнительные услуги немедицинского характера, позволяющие повысить качество и конкурентоспособность медицинских услуг.

Таким образом, право на охрану здоровья имеет комплексное содержание, которое, согласно Конституции Республики Беларусь, включает в предоставлении права на медицинское обслуживание и на санитарно-эпидемиологическое благополучие. Понятия «охрана здоровья» и «медицинская помощь» тесно взаимосвязаны, поскольку они выполняют общую функцию поддержания и сохранения здоровья человека. Право на медицинскую помощь входит в состав права на охрану здоровья, обладает относительной самостоятельностью и занимает важное место в системе прав человека и гражданина. Медицинская помощь является одним из главных способов реализации права на охрану здоровья, которое реализуется в Республике Беларусь через различные сферы и, прежде всего, через систему здравоохранения. Предлагается ввести в научный оборот определение права граждан на медицинскую помощь, изложив его следующим образом: «Право граждан на медицинскую помощь — это удовлетворение потребности в восстановлении, сохранении и укреплении здоровья через организованную государством систему здравоохранения, а также гарантированное государством право требовать от медицинских учреждений, организаций, их должностных лиц, медицинских работников, оказания доступной, качественной и квалифицированной медицинской помощи».

Литература

1. Агиевец С. В. Медицинское право: учеб. пособие. Гродно: ГрГУ, 2003. 167 с.
2. Глашев А. А. Медицинское право: практ. рук-во для юристов и медиков: М., 2004. 206 с.

3. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г.; 17 окт. 2004 г.; 27 фев. 2022 г. // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.
4. Косолапова Н. В. Конституционное обеспечение права граждан на медицинскую помощь: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2000.
5. Красавчикова Л. О. Право на охрану здоровья (гражданско-правовой аспект) // Актуальные проблемы гражданского права: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1986. С. 58–66.
6. О здравоохранении: закон Республики Беларусь, 18 июня 1993 г. № 2435-XII (в ред. от 16.06.2018 № 164-З) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 2012. 2/1978.
7. О ветеранах: Закон Республики Беларусь, 17 апреля 1992 г. № 1594-XII (в ред. от 28.12.2009 № 92-З) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2001. № 67. 2/787.
8. О донорстве крови и ее компонентов: закон Республики Беларусь, 30.11.2010 № 197-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2010. № 291. 2/1749.24.
9. О предоставлении льгот лицам, необоснованно репрессированным в период 20–80-х годов и впоследствии реабилитированным: постановление Совета Министров БССР, 29.12.1990 № 349 (в ред. от 02.08.2008 №1103) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2008. № 188. 5/28107.
10. О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий: закон Республики Беларусь, 06.01.2009 № 9-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2009. №17. 2/1561.
11. О статусе Героев Беларуси, Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда, полных кавалеров орденов Отечества, Славы, Трудовой Славы: закон Республики Беларусь, 21 фев.1995 г. № 3599-XII (в ред. от 28.12.2009 № 92-З) // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1995. № 14. Ст. 140.
12. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон, 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 26.04.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.
13. О здоровье народа и системе здравоохранения: кодекс Республики Казахстан, 18 сентября 2009 г. № 193-IV (с изм. и доп. по состоянию на 21 апреля 2016 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2009. № 20-21 (2548-2549). Ст. 89.
14. Тихомиров А. В. Организационные начала публичного регулирования рынка медицинских услуг. М.: Статут, 2001. 256 с.
15. Тихомиров А. В. Медицинское право: практ. пособие. М.: Статут, 1998. 144 с.

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЦЕНТРАЛИЗОВАННУЮ СИСТЕМУ ВОДООТВЕДЕНИЯ

Л. А. Красникова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
аспирант

МУП «Междуреченский Водоканал»
начальник юридического отдела

Аннотация. В статье исследуются договорные отношения организаций ВКХ и ее абонентов, возникающие из установленной действующим законодательством обязанности последних предотвращать негативное воздействие на работу централизованной системы водоотведения, которая возникает в результате осуществления хозяйственной деятельности на их объектах, технологически присоединенных к данной системе. В частности, автором рассмотрены нормативные положения о запрете разбавления сточных вод, сбрасываемых с объектов абонента в централизованную систему водоотведения, и гражданско-правовая ответственность абонентов при установлении данного факта. Проведен анализ действующего законодательства в сфере водоотведения, который позволил автору сформулировать вывод об отсутствии правовой нормы, которая бы устанавливала порядок компенсации расходов организации ВКХ в случае установления факта разбавления абонентами сточных вод питьевой водой. Также в статье даны рекомендации о концептуальном решении рассмотренной правовой проблемы.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, возмещение вреда, негативное воздействие на централизованную систему водоотведения.

Abstract. The article examines the contractual relations of WSS organizations and its subscribers, arising from the obligation established by the current legislation, the latter to prevent the negative impact on the operation of the centralized sewerage system, which arises as a result of economic activities at their facilities technologically connected to this system. In particular, the author considered the regulations on the prohibition of dilution of wastewater discharged from the subscriber's facilities into the centralized sewerage system and the civil liability of subscribers when establishing this fact. An analysis of the current legislation in the field of wastewater disposal was carried out, which allowed the author to formulate a conclusion about the absence of a legal norm that would establish the procedure for compensating the expenses of a WSS organization in the event that the fact of dilution of wastewater by drinking water by subscribers is

established. The article also provides recommendations on the conceptual solution of the considered legal problem.

Key words: civil liability, compensation for harm, negative impact on the centralized sewerage system.

Постановлением Правительства РФ № 644 от 29.07.2013 года были утверждены новые правила холодного водоснабжения и водоотведения (далее по тексту — Правила № 644)¹. Данные правила содержат раздел VI, устанавливающий обязанность абонентов предотвращать негативное воздействие на централизованную систему водоотведения путем соблюдения требования к составу и свойствам сточных вод. В пункте 117 Правил № 644 установлен запрет на достижение нормативных показателей состава и свойств сточных вод путем разбавления таких сточных вод нормативно-чистыми водами (состав и свойства которых соответствуют установленным нормативам состава сточных вод и (или) требованиям, устанавливаемым в целях предотвращения негативного воздействия на работу централизованных систем водоотведения), а также питьевой и иной водой. При этом в случае установления организацией ВКХ факта разбавления абонентом сточных вод вышеназванным способом действующее законодательство в сфере водоотведения не содержит положений, предусматривающих применение к абонентам мер по пресечению подобных действий с его стороны. Данное упущение федерального законодателя негативным образом сказывается на отношениях между организацией ВКХ и абонентами, а именно позволяет абонентам уходить от ответственности по компенсации организации ВКХ ее расходов на восстановление работоспособности и предотвращение аварийных ситуаций на централизованных системах водоотведения. Поскольку обязанность абонента по предотвращению негативного воздействия на централизованную систему водоотведения возникает из закона, предполагающего возникновение договорных отношений между организацией ВКХ и абонентами, то у последних возникает

---

¹ Собрание законодательства РФ. 12.08.2013. № 32. ст. 4306 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 06.08.2013.

гражданско-правовая ответственность по возмещению вреда, причиненного работе централизованной системе водоотведения. Вышеуказанное предполагает формирование конкретного нормативного положения, позволяющего исключить недобросовестное поведение со стороны абонентов, путем применения определенного гражданско-правового механизма по возмещению вреда, причиненного работе централизованной системе водоотведения. Вместе с тем в науке гражданского права данная правовая проблема не освещалась, что предполагает актуальность ее исследования.

На сегодняшний момент в юридической литературе исследованию общих вопросов изучения гражданско-правовой ответственности посвящено большое количество научных работ [1]. При этом фундаментальным определением «гражданско-правовой ответственности» в отечественной доктрине является сформулированная дефиниция О. С. Иоффе, которая определена им как санкция за правонарушение, вызывающая для нарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав либо возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей [2]. Однако, на мой взгляд, наиболее приближенным по смыслу к рассматриваемой правовой проблеме является определение А. М. Беляковой, которая охарактеризовала гражданско-правовую ответственность как принуждение к несению отрицательных имущественных последствий, возникающих в связи с неисполнением, ненадлежащим исполнением обязанности из договора, из причинения вреда [3]. Следовательно, особенностью гражданско-правовой ответственности является наличие имущественно-компенсационного характера.

Наступает данная ответственность при наличии определенных обстоятельств, предусмотренных законом или договором, а также с соблюдением ее условий, к которым относятся противоправный характер действий (бездействий) нарушителя, причинно-следственная связь между противоправными действиями (бездействиями) нарушителя и наступившими неблагоприятными последствиями и наличие у потерпевшего лица убытков или вреда. Но не всегда неблагоприятные последствия, равно как вред и убытки, могут фактиче-

ски наступить, поскольку они могут носить накопительный характер, в частности это связано с негативным воздействием на работу централизованной системы водоотведения: например, такое загрязняющее вещество, как котельный шлак, образующийся в результате сжигания твердого топлива, при промывке котельных установок, расположенных на объектах капитального строительства, попадая в централизованную систему водоотведения, оседает на стенках канализационных труб и приводит к сужению их диаметра, в результате чего ухудшается их пропускная способность, что приводит к ненадлежащей работе централизованной системы водоотведения. В таких случаях для предотвращения ухудшения работоспособности централизованной системы водоотведения организации ВКХ необходимо осуществить работы по техническому обслуживанию этих систем, а источником финансирования таких мероприятий будут являться денежные средства абонентов, перечисленные ими в счет платы за негативное воздействие. Следовательно, гражданско-правовая ответственность абонентов организаций ВКХ по возмещению вреда, причиненного работе централизованной системе водоотведения, неразрывно связана с процессом осуществления ими хозяйственной деятельности на объектах капитального строительства, которые технологически присоединены к централизованной системе водоотведения.

Отношения между организацией ВКХ и абонентами регулируются Федеральным законом от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении»¹.

Так, согласно статье 7 Федерального закона от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» (далее по тексту — Федеральный закон № 416) водоотведение с использованием централизованных систем водоотведения осуществляется на основании договоров водоотведения, заключаемых между организации ВКХ и абонентами. Статья 14 Федерального закона № 416 предусматривает, что договор водоотведения относится к публичным и заключается в соответствии

---

¹ Собрание законодательства РФ, 12.12.2011, № 50, ст. 7358 // Рос. газ. № 278 с, 10.12.2011.

с типовым договором водоотведения, утвержденным Правительством РФ. По данному договору абонент обязуется соблюдать нормативы состава сточных вод и требования к составу и свойствам сточных вод и в случае их нарушения вносить плату организации ВКХ. Одним из существенных условий договора является контроль за соблюдением абонентами нормативов состава сточных вод и требований к составу и свойствам сточных вод. Данный контроль, в силу части 1 статьи 30.3. Федерального закона № 416, осуществляет организация ВКХ в порядке, установленном Правительством РФ.

Что касается понятия «состав и свойств сточных вод», то федеральный законодатель определил его как совокупность показателей, характеризующих физические, химические, бактериологические и другие свойства сточных вод, в том числе концентрацию загрязняющих веществ, иных веществ и микроорганизмов в сточных водах¹. При этом установление настоящих требований к ним обусловлено прежде всего недопустимостью негативных последствий, угрожающих работоспособности централизованным системам водоотведения². Соответственно, ключевым элементом контроля за соблюдением абонентами требований к составу и свойствам сточных вод является стимулирование абонентов при осуществлении хозяйственной деятельности на своих объектах капитального строительства не допустить возникновения негативных последствий, позволяющих нарушать технологический процесс работы централизованной системы водоотведения путем соблюдения установленных нормативов и требований, а в случае их превышения — вносить плату организации ВКХ за сброс сточных вод, оказывающих негативное воздействие на нее.

Согласно пункту 123(5) Правила № 644 средства, полученные организациями, осуществляющими водоотведение,

---

¹ Пункт 22 статьи 2 Федерального закона от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении».

² Часть 1 статьи 30.1 Федерального закона от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении», пункт 111 и 112 Правил холодного водоснабжения и водоотведения, утвержденные постановлением Правительства РФ от 29.07.2013 № 644.

в виде платы за негативное воздействие на работу централизованной системы водоотведения, используются целевым образом в качестве источника финансирования производственной и (или) инвестиционной программ организации, осуществляющей водоотведение, на выполнение иных мероприятий, связанных с ремонтом, реконструкцией или строительством объектов централизованных систем водоотведения, а также в качестве средств на возврат займов и кредитов, процентов по займам и кредитам, привлекаемым на реализацию производственной и (или) инвестиционной программ.

Таким образом, негативное воздействие на работу централизованной системы водоотведения от хозяйственной деятельности, осуществляющейся на объектах абонентов в виде сброса загрязняющих веществ сверх установленных требований к составу и свойствам сточных вод, является платным и носит компенсационный характер, а полученные денежные средства в счет платы имеют целевое назначение и используются для финансирования мероприятий производственной и (или) инвестиционной программ по ремонту, строительству, реконструкции и модернизации объектов централизованной системы водоотведения.

Как уже отмечалось выше, полномочия по утверждению порядка осуществления контроля состава и свойств сточных вод возложены на Правительство РФ¹.

Так, во исполнение возложенных законом полномочий Правительство РФ постановлением № 728 от 22 мая 2020 г. утвердило Правила осуществления контроля состава и свойств сточных вод². Согласно нормативным положениям данных Правил, контроль состава и свойств сточных вод осуществляется путем отбора проб сточных вод в контрольных канализационных колодцах, определенных в договоре водоотведения, и их анализа аккредитованной лабораторией. При этом данный контроль может быть как плановым, так и неплано-

---

¹ Пункт 4 части 1 статьи 4 и часть 1 статьи 30.3 Федерального закона № 416.

² Собрание законодательства РФ, 01.06.2020, № 22, ст. 3496 // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://www.pravo.gov.ru>, 26.05.2020.

вым. Периодичность планового контроля по общему правилу осуществляется не чаще одного раза в календарный месяц и не реже одного раза в календарный год. Также организация, осуществляющая водоотведение при осуществлении контроля состава и свойств сточных вод абонента, в обязательном порядке, уведомляет его о предстоящей процедуре не позднее чем за 15 минут до ее начала.

Таким образом, контроль состава и свойств сточных вод абонента по общему правилу осуществляется один раз в календарный месяц с обязательным уведомлением абонента о нем, следовательно, организация, которая владеет на законном основании централизованной системой водоотведения, не вправе производить контроль состава и свойств сточных вод абонента более установленного нормативного срока.

Заключение договора водоотведения или единого договора холодного водоснабжения и водоотведения между организацией ВКХ и абонентами осуществляется в соответствии с типовыми договорами, формы которых утверждены постановлением Правительства РФ № 645 от 29 июля 2013 года¹.

Для соблюдения обязанности по предотвращению негативного воздействия на работу централизованной системы водоотведения при сбросе абонентами сточных вод с их хозяйствующим объектов стороны при заключении договоров согласовывают условия, содержащие сведения о местах отбора проб сточных вод и требованиях к составу и свойствам сточных вод в приложениях к ним, кроме того, договор содержит положения, устанавливающие ответственность абонента за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору. Следовательно, между организацией ВКХ и абонентом возникают гражданско-правовые отношения по соблюдению установленных требований к составу и свойствам сточных вод, а у абонента возникает ответственность за их надлежащее исполнение или неисполнение.

После уведомления абонента о начале процедуры по осуществлению контроля за составом и свойствами сточных

---

¹ Собрание законодательства РФ // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://www.pravo.gov.ru>, 06.08.2013, 12.08.2013, № 32, ст. 4307.

вод организация ВКХ реализует 1-й этап контроля состава и свойств сточных вод абонента путем отбора проб сточных вод, далее проба передается в аккредитованную лабораторию, которая проводит 2-й этап, а именно выполняет анализ отобранных проб и определяет фактическую концентрацию загрязняющих веществ, содержащихся в сточных водах абонентов. Зачастую абоненты достигают установленную концентрацию загрязняющих веществ в сточных водах посредством разбавления ее питьевой водой, данный факт обнаруживается аккредитованной лабораторией по результатам выполненных анализов сточных вод, который устанавливается отсутствием характерных показателей для сточных вод и наличием в сточной воде абонентов активного хлора, соответствующего концентрации определяемой в питьевой воде, поступающей для использования в хозяйственно-бытовых целях. Усугубляет данную ситуацию и то обстоятельство, что организация ВКХ обязана уведомить абонента о предстоящем контроле, который по общему правилу осуществляется один раз в календарный месяц. Соответственно, благодаря недобросовестному поведению со стороны абонентов, организация ВКХ не может осуществить надлежащий контроль за составом и свойствами сточных вод, что приводит к возникновению у нее убытков, поскольку абоненты при осуществлении своей хозяйственной деятельности в период отсутствия контроля со стороны организации ВКХ сбрасывают сточные воды в централизованную систему водоотведения с превышением концентраций загрязняющих веществ.

Таким образом, абонент не компенсирует организации ВКХ реальное негативное воздействие на работу централизованной системы водоотведения от его хозяйственной деятельности, что приводит к нереализованности одного из общего принципа государственной политики в сфере водоснабжения и водоотведения, направленного на достижение и соблюдение баланса экономических интересов организаций, осуществляющих водоотведение, и их абонентов¹.

---

¹ Пункт 4 части 2 статьи 3 Федерального закона «О водоснабжении и водоотведении».

Порядок определения размера компенсации и порядок компенсации расходов организации ВКХ при сбросе абонентами сточных вод, оказывающих негативное воздействие на работу централизованной системы водоотведения, установлен разделом VII Правил № 644. Данный раздел предусматривает, что расчет платы за негативное воздействие на работу централизованной системы водоотведения осуществляется по определенным формулам, при этом данные формулы применяются в случае, если абонент произвел сброс сточных вод, запрещенных к сбросу, перечень которых установлен в приложении № 4 Правил № 644, либо залпового сброса или с превышением максимальных допустимых значений показателей и концентраций в сточной воде (пункты 119, 120, 122, 123 Правил № 644). Однако данный раздел не содержит формулы, позволяющей организации ВКХ рассчитывать плату за негативное воздействие на работу централизованной системы в случае установления факта разбавления абонентами сбрасываемых сточных вод в централизованную систему водоотведения питьевой водой.

Поскольку федеральный законодатель не установил порядок расчета и порядок определения платы за негативное воздействие на работу централизованной системы в случае разбавления абонентами сточных вод питьевой водой, то организации ВКХ, устанавливая данный факт, вынуждены нести убытки, а абоненты, зная о пробеле в действующем законодательстве, регулирующем спорные правоотношения, целенаправленно уходят от имущественной ответственности.

В настоящий момент судебной практики по взысканию платы за негативное воздействие на работу централизованной системы водоотведения в случае установления факта разбавления абонентами сточных вод питьевой водой не имеется, это обусловлено отсутствием правовой нормы, определяющей порядок и расчет данной платы, а также отсутствие у организации ВКХ полномочий по изданию обязательных актов в отношении своих абонентов.

Важно отметить, что вопросы гражданско-правовой ответственности абонентов в случае установления факта разбавления абонентами сточных вод питьевой водой не были пред-

метом исследования в юридической литературе. Кроме того, при осуществлении поиска литературы в интернет-ресурсах, автором не выявлено статей, рукописей, монографий и т. п. по исследуемой им проблеме.

С учетом вышеизложенного приходим к выводу о том, что у организации ВКХ отсутствует правовой инструмент, позволяющий привлекать абонентов к гражданско-правовой ответственности, возникающей как из закона, так и из договора водоотведения, по причине отсутствия на федеральном уровне нормативного положения, предусматривающего порядок расчета платы за негативное воздействие на работу централизованной системы водоотведения в случае установления факта разбавления абонентами сточных вод питьевой воды. В связи с тем что действующие нормативно-правовые акты, регулирующие спорные отношения, не содержат прямой нормы, устанавливающей конкретный алгоритм действий организации ВКХ, в случае установления вышеуказанного факта у последней возникают препятствия по получению компенсации в результате причиненного вреда централизованным системам водоотведения от хозяйственной деятельности абонента.

Следовательно, в сложившейся ситуации необходимо на федеральном уровне устранить данный пробел путем внесения соответствующих изменений в раздел VII Правил № 644, а именно дополнить его формулой, которая будет применяться организацией ВКХ в случае установления факта разбавления абонентами сточных вод питьевой водой. Такая формула должна содержать в себе коэффициент компенсации, помноженный на тариф и объем сброшенных сточных вод с объекта абонента. При этом размер коэффициента необходимо установить в зависимости от периодичности обнаружения факта разбавления сточных вод питьевой водой: например, при первом обнаружении — 3, при последующих — 5. Также необходимо определить перечень и концентрацию показателей, обуславливающих состав сточных вод, соответствующий составу питьевой воды, с обязательным указанием диапазона, — например, такой показатель, как активный хлор с концентрацией от 0,3 до 0,9 мг/дм³.

Литература

1. Базылев Б. Т. Юридическая ответственность. Красноярск, 1985.
2. Белякова А. М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда: Теория и практика. С. 10.
3. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976.
4. Иоффе О. С. Избранные труды. Т. III. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. С. 141.
5. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961.
6. Матвеев Т. Г. Основания гражданско-правовой ответственности. М., 1970
7. Попондопуло В. Ф. Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1985.
8. Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971.

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАКОННЫХ СПОСОБОВ МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ РАБОТОДАТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ ДЕФИЦИТА КАДРОВ

И. Г. Ломакина

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
кандидат юридических наук
casatka61@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные варианты оформления прекращения или изменения трудовых отношений с работниками иностранных компаний при вынужденном прекращении их деятельности под давлением введенных против Российской Федерации санкций. Предлагается более внимательно реагировать на формирующуюся со стороны компаний-работодателей практику оформления отношений с трудовыми коллективами (зачастую многотысячными) при принятии решения «свернуть» производство на территории России. В частности, дается анализ понятия релокации, используемой компаниями как наиболее эффективный способ минимизации неизбежных рисков.

Ключевые слова: эффективность, минимизация риска, релокация, ликвидация компании-работодателя, сокращение численности или штата сотрудников.

Abstract. The article discusses some options for the termination or change of employment relations with employees of foreign companies in case of forced termination of their activities under the pressure of sanctions imposed against the Russian Federation. It is proposed to react more carefully to the practice of forming relations with labor collectives (often many thousands) on the part of employer companies when making a decision to curtail production in Russia. In particular, the analysis of the concept of relocation used by companies as the most effective way to minimize unavoidable risks is given.

Key words: efficiency, risk minimization, relocation, liquidation of the employer company, reduction of the number or staff of employees.

Проблема нехватки кадров достаточно остро стоит перед работодателями в настоящее время. Санкции, уход иностранных компаний, приостановка деятельности бизнеса, повышение ключевой ставки, инфляция, специальная военная операция, объявленная мобилизация — все это и многое другое, безусловно, затрагивает трудовые правоотношения и требует гибкого подхода законодателя, которому приходится учитывать интересы и нужды как бизнеса, так и наемных работников. По состоянию на начало марта 2023 года 34 % крупнейших иностранных компаний, работавших в России, ограничили деятельность в стране, 15 % решили покинуть ее через передачу новому собственнику российского подразделения и 7 % заявили о полном уходе с отечественного рынка без продажи бизнеса [1]. В иностранном бизнесе или смежных областях в России занято до 8 млн человек. Иностранный бизнес напрямую формирует 2 млн рабочих мест в российской экономике, а еще 4–6 млн граждан связаны с ним косвенно. В компаниях, которые приостановили или каким-либо образом ограничили деятельность на российском рынке после начала конфликта на Украине и ввода западных санкций, занято до 350 тыс. россиян.

Пару лет назад мы вынужденно научились действовать оперативно в отсутствие четких механизмов регулирования целого ряда вопросов в условиях пандемии. На сегодня можно уверенно сказать, что такие механизмы есть, — вопрос, как их использовать во благо и с минимальными потерями и рисками как для бизнеса, так и для работников.

Какие механизмы используют компании, уходящие с российского рынка или приостанавливающие свою деятельность в России? Как они увольняют работников? Какие способы оптимизирования расходов на офис или заработную плату применяют? Различные варианты, используемые для оформления приостановления деятельности компаний, отчетливо показывают нам, насколько актуальны на сегодняшний день положения Трудового кодекса РФ [2], закрепляющие процедуры проведения сокращений, ликвидации, простоев, иных способов выхода работодателя из непростой ситуации. Как показало исследование Ассоциации европейского бизнеса, около 40 % работающих в России зарубежных организаций начиная с прошлого года уже приняли ряд негативных HR-мер по отношению к персоналу. Так, 17 % компаний отправили персонал в отпуск, 9 % вывели работников в простой, 8 % сократили зарплату, а 5 % провели частичные сокращения. Порядка 60 % организаций также заявили о среднем или высоком риске закрытия бизнеса в ближайшей перспективе [3].

На текущий момент законодатель вносит достаточно неординарные предложения, «корректировки» действующего законодательства. В частности, постановление Правительства РФ № 511 от 30.03.22 «Об особенностях правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений...» [4] устанавливает порядок временного перевода работника к другому работодателю. Содержание постановления вызывает скорее больше вопросов, чем ответов на злободневные проблемы работодателей, и, по всей видимости, вряд ли большинство из них воспользуются описанным в постановлении механизмом.

Наибольшую проблему в настоящее время, по мнению автора, представляет процедура «ухода» компании-работодателя с российского рынка. Понятно, что это растянутый во времени процесс. Какой алгоритм действий использует работодатель, заявивший об уходе из России или приостановлении своей деятельности, имея при этом нередко многотысячные трудовые коллективы? Эти механизмы связаны, как правило, с увольнением работников либо с оптимизацией расходов и, соответственно, требуют компетентных знаний, как это

правильно оформить в соответствии с российским трудовым законодательством. Самый «прозрачный», на взгляд авторов, механизм — это ликвидация юрлица, т. е. увольнение работников в связи с ликвидацией. Далее следует назвать сокращение численности или штата, активно применяется соглашение сторон о прекращении трудовых отношений. Как один из более перспективных и влекущих наименьший уровень социальной напряженности вариант — смена собственника компании, заявившей об уходе с российского рынка, когда иностранный бизнес продает или передает свои активы российским инвесторам.

Решение о ликвидации принимает собственник — классическая норма гражданского законодательства. В результате принятого решения о ликвидации увольнению подлежат все сотрудники компании, даже те категории, которых законодатель традиционно «опекает» в повышенном объеме при увольнении по другим основаниям. При этом как способ максимально доступной защиты для работников закон требует от работодателя безукоризненного соблюдения процедуры ликвидации, а следовательно, и увольнения работников.

В настоящее время большую популярность получил термин «релокация» (от англ. Relocation). Применительно к трудовым отношениям под релокацией предлагается понимать перемещение одного или группы специалистов в другой регион или даже страну с целью продолжения исполнения своих трудовых функций [5]. Такой вариант является самым оптимальным для организации, испытывающей дефицит кадров в одном из своих филиалов и избыток в другом. В действующем трудовом законодательстве такое понятие отсутствует. Тем не менее на практике наиболее актуальными и востребованными, как представляется, следует назвать три варианта релокации сотрудников:

- увольнение работника и прием уже в иностранную компанию;
- направление работника в командировку за пределы Российской Федерации;
- оформление трудового договора о дистанционной работе.

Самым «урегулированным» среди названных вариантов поведения работодателя можно назвать дистанционную работу. Но использование ее в качестве релокации не однозначно трактуется на практике, в том числе уже и судебной. Нет достаточной убедительности и последовательности в высказывании различных позиций, в том числе в разъясняющих письмах Минтруда РФ. Многие специалисты в области трудового права подчеркивают, высказывая собственное мнение, что каких-либо неразрешимых проблем, на которые уповает Минтруда, нет. Нет преград к оформлению трудового договора именно о дистанционной работе, если знать заранее, что выполнять свои трудовые функции данный работник будет за пределами нашей страны.

Более «ущербным» для работодателя по сравнению с предыдущим выглядит такой вариант релокации, как направление работника в командировку. Работодателю в этом случае приходится возмещать работнику многочисленные расходы, предусмотренные Трудовым кодексом РФ. При этом работнику необходимо предоставить целый «релокационный пакет» — компенсацию расходов, которые несет сотрудник при территориальной смене работы (ст. 168.1 ТК РФ), включающий в себя оплату транспортных расходов на собственный переезд, а также членов его семьи (ст. 169 ТК РФ). Сюда же могут быть отнесены расходы на наем жилого помещения для их проживания. Размеры и порядок возмещения затрат могут быть установлены коллективным договором, действующим в компании, иным нормативным актом компании, либо непосредственно трудовым договором, либо иными нормативными документам Российской Федерации.

Не менее «популярным» в течение непродолжительного времени (в частности, при объявлении частичной мобилизации) стал другой вид релокации — увольнение работника из компании в России и прием его в ту же, но уже иностранную компанию за рубежом. Профессор Финансового университета при Правительстве РФ Александр Сафонов уверен: «Риски для рынка труда, связанные с поведением международных компаний, еще реализовались не в полной мере. В ближайшей перспективе мы все равно увидим продолжающееся влия-

ние от ухода или уменьшения объема деятельности зарубежных компаний. Будут и сокращения рабочих мест, и попытки вывезти лучших специалистов за границу» [6]. Наиболее популярными направлениями релокации работников стали ОАЭ, Кипр, Турция, Германия, Грузия, Армения, Беларусь. Но и в этом случае необходимо учесть абсолютно очевидные «минусы» использования данного варианта.

В целом следует отметить, чем лояльнее и максимально уважительно стороны трудового договора позволят себе относиться к контрагенту, объективно взвешивая предлагаемые варианты дальнейшего сосуществования, тем эффективнее реализуется цель исключения или минимизации рисков, которым подвергаются как работники, так и компании-работодатели в ситуации одинаково сложной для них. Остается надеяться на благоразумие и терпимость, которые помогут пережить непростые времена с наименьшими потерями для участников трудовых отношений, и без того характеризующихся, без дополнительных осложнений, повышенной социальной напряженностью.

Литература

1. Исследование Центра стратегических разработок «Картина иностранного бизнеса в новых экономических условиях» (от имени России функции учредителя в нем исполняет Минэкономразвития).
2. <https://www.rbc.ru/economics/07/05/2023/633e94809a79475aa5d84f00>
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.10.2023). URL: <https://www.consultant.ru/document/cons>
4. https://www.rbc.ru/economics/10/06/2022/62a0b1cc9a794715859efe59?from=article_body
5. Об особенностях правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений в 2022 и 2023 годах: постановление Правительства Российской Федерации от 22.09.2022 № 1677 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 15, ст. 2459.
6. <https://rb.ru/opinion/business-ideas-2023>
7. <https://www.rbc.ru/economics/07/10/2022/633e94809a79475aa5d84f00>

ПОДЛОГ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ КАК ОСНОВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОРРУПЦИОННОЙ СХЕМЫ

С. В. Матияшук

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
профессор кафедры гражданского и предпринимательского права
доктор юридических наук

Аннотация. В работе обосновывается необходимость более широкого проведения антикоррупционной экспертизы судебных актов. Раскрываются основные направления осуществления новой процедуры, занимающей особое место среди механизмов сдерживания коррупции в судебной системе.

Ключевые слова: судебная система, коррупция, принцип справедливости, неприкосновенность судей, экспертиза, подлог.

Abstract. The paper substantiates the need for a broader anti-corruption examination of judicial acts. The main directions of the implementation of the new procedure, which occupies a special place among the mechanisms for curbing corruption in the judicial system, are revealed.

Key words: judicial system, corruption, the principle of justice, inviolability of judges, expertise, forgery.

Общеизвестно, что под подлогом понимают формирование недостоверной картины и введение участников гражданского оборота в заблуждение путем подгона данных или подготовки ложных сведений. В России коррупция является одной из серьезных проблем, которую решить пока не удастся в судебной системе [2]. В настоящее время внимание юридического сообщества приковано к выявлению коррупционных схем при рассмотрении гражданских дел. Уголовный кодекс определяет служебный подлог как внесение лицом в официальные документы заведомо ложных сведений или исправлений. Следует учитывать, что для практикующих юристов не является секретом, что иногда из материалов дела и судебных актов усматриваются признаки коррупционных правонарушений [1].

Сказанное можно проиллюстрировать на одном из примеров. В производстве Октябрьского районного суда г. Ново-

сибирска находилось гражданское дело об установлении сервитута к самовольной постройке и взыскании ущерба в виде стоимости восстановительного ремонта фасада самовольно реконструируемого объекта недвижимости и отмостки на смежном земельном участке.

Определением суда было назначено проведение комплексной строительно-технической экспертизы.

В ходе рассмотрения дела судьей неоднократно допускались нарушения процессуальных норм и требований. В частности, Ответчику было предоставлено для ознакомления заключение комиссии экспертов, которое не было подшито к материалам дела (данный факт отражен на фотоснимке) Ответчиком была подготовлена на данное заключение рецензия, из которой, в частности, следовало, что эксперты:

- завуалировали факт того, что угол фундамента и фасада спорного объекта со стороны земельного участка ответчика разрушены ввиду отсутствия полноценного фундамента под стенами первого этажа и тем, что шлаколитые стены первоначального объекта недвижимости, скорее всего, не обладают необходимой несущей способностью для возведения второго этажа;

- не представили доказательств (фотографии), подтверждающих отсутствия утеплителя, сайдинга, ветрозащиты в размере 13,68 кв. м на спорном объекте.

Впоследствии при ознакомлении с материалами дела был выявлен факт дополнительных приложений к заключению комиссии экспертов, в частности появились фотографии фасада спорного объекта и фундамента.

Ответчиком было подано заявление о подложности доказательств, которое суд первой инстанции по существу не рассмотрел и назначил проведение повторной экспертизы, при этом на рассмотрение экспертов поставил повторно вопрос о размере причиненного ущерба; а также в рамках шестого вопроса по первоначальной экспертизе — дополнительный вопрос об установлении границы между смежными участками с учетом погрешности, указанной в актуальном техпаспорте на земельный участок Истцов.

Обращает на себя внимание тот факт, что в актуальном техническом паспорте не указано и не может быть указано какой-либо погрешности, что подтверждается материалами дела и письмом БТИ. Таким образом, суд поставил на разрешение перед экспертами заведомо невыполнимую задачу. В связи с этим возникает вопрос, имел ли судья право ставить перед экспертом такого рода дополнительный вопрос? Возможно, здесь речь может идти только о халатности, когда ошибки попали в определение по невнимательности судьи. Но «самое удивительное» заключается в следующем: отвечая на дополнительный вопрос, кадастровый инженер пришел к выводу о том, что в соответствии с актуальным техническим паспортом необходимо применить погрешность в размере +30 см путем отступа от кадастровой границы земельного участка ответчика, тем самым уменьшив размер земельного участка Ответчика на 10 кв. м. Следует учитывать, что данные обстоятельства могут свидетельствовать о наличии сговора между судьей и экспертами, и, как следствие, была сформирована недостоверная картина и участники гражданского процесса введены в заблуждение путем указания ложных сведений.

Ответчику было предоставлено для ознакомления второе заключение комиссии экспертов, анализ которого позволяет утверждать, что представлены ложные выводы на поставленные судом перед экспертами вопросы; кроме того, эти выводы противоречат друг другу и выводам по первоначальной экспертизе, не основаны на материалах дела и на результатах непосредственного осмотра. Выводы кадастрового инженера противоречат приказу Росреестра от 23.10.2020 № П/3093, а также выводам, изложенным в первоначальном заключении экспертов и сведениям, указанным в кадастровом паспорте на земельный участок, принадлежащем на праве собственности Ответчику. Более того, в судебном заседании кадастровый инженер пояснил, что в актуальном техническом паспорте не указана и не может быть указана погрешность в размере 0,3 м, тем самым подтвердил факт того, что эксперт не был независим, был ориентирован на дачу заключения в пользу Истцов.

Поскольку Ответчику было отказано в удовлетворении ходатайства об отводе экспертам, то в адрес БТИ и Управления Росреестра был направлен запрос о проведении обследования земельного участка Ответчика.

Из представленных заключений БТИ и Управления Росреестра усматривается следующее:

1. Местоположение границ и площадь земельных участков истцов и Ответчика соответствует их фактическому положению (пересечение границ участков отсутствует; межевые планы оформлены в соответствии с законодательством).

2. Самовольная постройка Истцами возведена с захватом территории земельного участка Ответчика и заходит за кадастровую границу в части наземного контура на 0,36 м, а надземного контура (проекция крыши) — 0,60 м (в первоначальной судебной экспертизе был сделан вывод о том, что самовольная постройка Истцами возведена с захватом территории земельного участка Ответчика и заходит за кадастровую границу в части наземного контура на 0,21 м, а во второй — 0,27 м).

3. Согласно приказу Росреестра от 23.10.2020 № П/3093 на землях населенных пунктов погрешность в определении координат может составлять всего 0,1 м, которая рассчитывается по установленной формуле.

4. Применение кадастровым инженером погрешности 0,3 м может привести к изменению границ смежного земельного участка.

Оценив два заключения, подготовленные комиссией экспертов, в совокупности с заключениями БТИ и Управления Росреестра, можно найти основания сомневаться в компетентности и беспристрастности судебных экспертов, а также сомневаться в правильности выводов, сделанных экспертами [3]. Как известно, законодатель не допускает признания права на самовольное строение, если оно затрагивает интересы третьих лиц, а также не допускает установление сервитутов к самовольным постройкам. При проведении первой экспертизы была предпринята попытка завуалировать факт существования самовольно возведенного пристроя, а при

дополнительной — незаконно изменить площадь и конфигурацию земельного участка Ответчика посредством применения отступа в виде погрешности +0,3 м и занижения размеров захвата территории, тем самым завуалировать факт возведения самовольного пристроя с захватом территории земельного участка Ответчика. Таким образом, ложные выводы экспертов были направлены на обеспечения незаконной легализации самовольной постройки [4]. Кроме того, следует учитывать, что в судебном заседании эксперты отказываются отвечать на вопросы Ответчика, называя их провокационными; более того, кадастровый инженер не может ответить на вопрос: какие строения относятся к объектам капитального строительства.

В ходе рассмотрения дела допускались процессуальные нарушения с целью сознательного принятия в будущем неправосудного и незаконного судебного акта в пользу Истцов, а именно:

1) искажения показаний экспертов и свидетеля в протоколах судебных заседаний, что является по своей природе служебным нарушением;

2) формулирование перед экспертами заведомо невыполнимых вопросов (определение о проведении дополнительной экспертизы в части вопроса об установлении границы между смежными участками с учетом погрешности, указанной в актуальном техпаспорте на земельный участок Истцов);

3) обеспечение проведения дополнительной экспертизы вместо повторной, что позволяет получать экспертам дополнительные необоснованные доходы за одни и те же действия;

4) необоснованный отказ в удовлетворении ходатайства об отводе.

Указанное обстоятельство вызывает сомнения в беспристрастности судьи, на что участники процесса вправе рассчитывать исходя из требований к судьям, закрепленных Конституцией РФ. Согласно ст. 3 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» судья при исполнении своих полномочий обязан избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство

судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности. Согласно ст. 11 Кодекса судейской этики судья должен добросовестно исполнять свои профессиональные обязанности и принимать все необходимые меры для своевременного рассмотрения дел и материалов [5].

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что для оценки судебных актов на предмет коррупционности следует создать условия, а именно: принять нормативный акт, регулирующий процедуру и методику проведения экспертизы судебных актов; сформировать независимых экспертов, наделенных полномочиями по проведению такой экспертизы.

Литература

1. Винокуров В. Н. Официальный и подложный документы как предметы преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ // Уголовное право, 2023, № 6. С. 23.
2. Гребенцов А. М. Проверка заявления о фальсификации (подложности) доказательств в свете цифровизации цивилистического процесса: недостатки правового регулирования // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 7. С. 11.
3. Казанчев И. Т., Дворцов В. Е. Проблемы отграничения внесения кадастровым инженером заведомо ложных сведений или подлог документов от смежных составов преступлений // Российский следователь. 2017. № 3. С. 27.
4. Стражева А. С. Проблема судебного усмотрения при заявлении стороны о подложности доказательства как препятствие к достижению задач судопроизводства в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 2. С. 25.
5. Тюнин В. И. К вопросу об ответственности за использование заведомо подложного документа (ч. 3 ст. 327 УК РФ // Уголовное право. 2019. № 4).
6. Решение № 2-436/2019 2-436/2019 (2-5369/2018;) М-4653/2018 2-5369/2018 М-4654/2018 от 16 января 2019 г. по делу № 2-436/2019. URL: <https://sudact.ru>

О ЛЕГАЛЬНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ПОНЯТИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. А. Михайлов

Московский финансово-юридический университет МФЮА
аспирант

Представительство компании с ограниченной ответственностью
«Эрпорт Менеджмент Компани Лимитед»
начальник подгруппы правовой экспертизы
3670586@mail.ru

Аннотация. В статье затрагивается вопрос об отсутствии понятия криптовалюты в системе объектов гражданских прав, закрепленных в ст. 129 ГК РФ. Проводится детальный анализ определения цифровой валюты, закрепленного в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Подробно рассматриваются недостатки данного определения. Делается вывод о необходимости закрепления определения криптовалюты в ст. 129 ГК РФ.

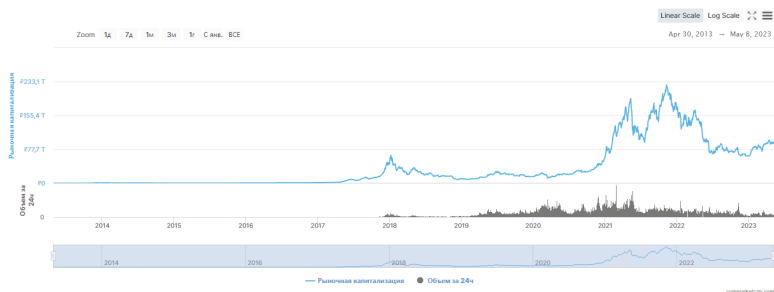
Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, объекты гражданских прав, деньги, средства платежа.

Abstract. The article touches upon the issue of the absence of the concept of cryptocurrency in the system of objects of civil rights enshrined in Article 129 of the Civil Code of the Russian Federation. A detailed analysis of the definition of digital currency, enshrined in Federal Law No. 259-FZ dated 31.07.2020 “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”, is being carried out. The disadvantages of this definition are considered in detail. It is concluded that it is necessary to consolidate the definition of cryptocurrency in Article 129 of the Civil Code of the Russian Federation.

Key words: digital currency; cryptocurrency; objects of civil rights; money; means of payment.

В последнее время в мире наблюдается значительный рост рынка криптовалют, за последние десять лет их суммарная рыночная капитализация увеличилась почти в тысячу раз и по состоянию на май 2023 года составляет 1 172 950 585 269 USD (рисунок) [9].

Глобальные графики криптовалют Общая рыночная капитализация криптовалют

График, показывающий рыночную капитализацию криптовалют

При этом объем сделок российских граждан с криптовалютами, по некоторым оценкам, достигает 5 млрд долл. США в год. Российские граждане являются активными пользователями интернет-платформ, осуществляющих торговлю криптовалютами. Кроме того, Россия находится в числе лидеров по объему мировых майнинговых мощностей [4, с. 2].

В данной связи особую остроту приобретают вопросы, связанные с установлением правового регулирования отношений, связанных с использованием криптовалюты, ее квалификации в качестве объекта гражданских правоотношений и определение ее места относительно других объектов.

Как отмечает Е. А. Суханов, объекты гражданских правоотношений — это различные материальные (в том числе вещественные) и нематериальные (идеальные) блага либо процесс их создания, составляющие предмет деятельности субъектов гражданского права [3, с. 335].

Перечень объектов гражданских прав законодательно закреплен в положениях ст. 128 ГК РФ, которая относит к таковым вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Таким образом, в перечне объектов гражданских прав (который, как известно, является открытым) криптовалюта не указана, что нельзя считать правильным.

Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» [6] (далее — Закон) криптовалюту не упоминает, несмотря на тот факт, что, когда он в виде законопроекта был внесен в Государственную думу, криптовалюта была прямо указана как разновидность цифрового финансового актива (ЦФА).

В пояснительной записке к законопроекту была провозглашена цель — закрепление в российском правовом поле определений, наиболее широко распространенных в настоящее время финансовых активов, создаваемых и (или) выпускаемых с использованием цифровых финансовых технологий, а для реализации поставленной цели законопроектом вводятся определения цифровых финансовых активов, к которым относятся криптовалюта и токен [5, с. 1]. Однако из финальной (вступившей в законную силу) версии данного нормативно-правового акта термин «криптовалюта» исчез и вместо него Законодателем используется понятие «цифровая валюта» (далее — ЦВ).

При этом из текста Закона не ясно, как эти два понятия соотносятся между собой, что является явным недостатком данного нормативно-правового акта.

Итак, в соответствии с положениями п. 3 ст. 1 Закона цифровой валютой является:

- совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения);
- содержащихся в информационной системе;
- которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа и использованы в качестве инвестиций;
- не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей;
- в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обя-

занных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правил.

Рассмотрим эти признаки более подробно. Действительно, в самом общем смысле криптовалюта является совокупностью электронных данных, содержащихся в информационной системе. Однако эти признаки присущи абсолютно любой информации, содержащейся в базах данных в электронном виде и, следовательно, не могут прояснить смысл понятия криптовалюты (или, в терминологии Закона, цифровой валюты).

Следующий признак довольно причудливо сочетается с иными положениями Закона. С одной стороны, ЦВ все-таки может быть принята в качестве средства платежа, с другой, в соответствии с положениями п. 5 ст. 14 Закона, юридические лица, личным законом которых является российское право, филиалы и представительства, иные обособленные подразделения международных организаций и иностранных юридических лиц, компаний и других корпоративных образований, обладающих гражданской правоспособностью, созданные на территории Российской Федерации, физические лица (резиденты РФ), не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг).

Трудно не согласиться с Л. А. Новоселовой, которая в своей статье «О запрете использования криптовалют в законе о цифровых финансовых активах» отмечает, что ограничения, очевидно, не охватывают операции по перечислению денежных средств не для целей оплаты товаров (работ, услуг) — такие как дарение, предоставление займа (кредита), его возврат, выплата процентов, возврата неосновательного обогащения, возмещения вреда, уплаты договорных убытков, внесения в уставный капитал и т. п. Если Закон стремился ограничить использование цифровых валют в качестве средства платежа,

то непонятно, почему ограничения коснулись столь узкого круга операций [2, с. 6].

Далее в Законе отмечено, что ЦВ не является денежной единицей как РФ, так и какого-либо иностранного государства, а также международной денежной (расчетной единицей).

ЦВ действительно не является денежной единицей РФ, это ясно вытекает из положений ст. 75 Конституции РФ и ст. 140 ГК РФ, в соответствии с которыми денежной единицей и единственным законным платежным средством на территории РФ является рубль.

Фундаментальным признаком денежной единицы является факт ее признания законным средством платежа со стороны государства, это отмечает Л. А. Лунц в своем классическом исследовании о деньгах и денежных обязательствах [1, с. 31].

С этой точки зрения ситуация с денежными единицами иностранных государств не так однозначна.

Так например, в Республике Сальвадор Законом от 09.06.2021 № 57 «О Биткойне» (далее — Закон о Биткойне) данной криптовалюте придан статус законного платежного средства [10]. При этом одной из причин, послуживших основанием для принятия такого решения, стало отсутствие у примерно семидесяти процентов населения доступа к традиционным финансовым услугам.

В соответствии с положениями ст. 7 Закона о биткойне, каждый участник экономических отношений должен принимать биткойны в качестве платежа. Цены в стране могут устанавливаться в биткойнах, в них можно уплачивать налоги.

Примечательно, что Сатоши Никамото, предполагаемый разработчик биткойна в Белой книге (white paper) [8] — основном документе, описывающем принципы работы сети биткойн, — говорит о ней как о системе электронных платежей, основанной на криптографии, как альтернативе традиционной банковской системе.

Вполне вероятно, что в будущем, число стран, подобных Республике Сальвадор, вырастет, поэтому указание в качестве отличительно признака ЦВ на то, что она не является

денежной единицей какого-либо государства, вряд ли можно назвать удачным.

В заключение Законодатель в качестве квалифицирующего признака ЦВ указывает на наличие обязанности оператора (узлов информационной системы) обеспечивать порядок выпуска электронных данных и осуществлять в их отношении действия по внесению (изменению) записей в информационную систему ее правил.

Однако обычно у криптовалют нет централизованного оператора, и узлы, которые составляют сеть, не обязаны отвечать перед пользователями за использование криптовалюты.

Данный факт был отмечен в экспертном заключении Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства [7].

Подводя итог, можно сказать, что предпринятую в Законе о ЦФА попытку дать определение криптовалюты по изложенным выше причинам нельзя признать удачной. Данное определение, безусловно, нуждается в корректировке. Для этих целей следует использовать признаки, более точно характеризующие криптовалюту, к которым относятся, например, децентрализованный характер информационной системы в которой осуществляются транзакции, применение средств криптографии для ее создания и верификации транзакций.

Криптовалюта является одной из ярких и перспективных разработок в области цифровой экономики. Несмотря на имеющиеся в настоящий момент недостатки, (высокая волатильность курса) использование криптовалюты для взаиморасчетов имеет ряд преимуществ по сравнению с использованием для тех же целей «традиционной» банковской системы. К таким преимуществам относятся, например, сравнительно низкие комиссии, возможность проведения трансграничных расчетов в условиях применения странами так называемого коллективного Запада санкций в отношении банковской системы России.

Учитывая вышеизложенное, полагаю, что законодательство, регулирующее правоотношения, возникающие в связи с использованием криптовалюты, нуждается в дальнейшем совершенствовании. Криптовалюту следует включить

в систему объектов гражданских прав, для чего требуется внести соответствующие изменения в ст. 128 ГК РФ.

Литература

1. Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. Изд. 2-е, испр. М.: Статут, 2004. С. 31.
2. Новоселова, Л. А. О запрете использования криптовалют в законе о цифровых финансовых активах / Л. А. Новоселова // Хозяйство и право. 2021. № 3 (530). С. 3–8.
3. Гражданское право: учеб.: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. Т. 1. С. 335.
4. Криптовалюты: тренды, риски, меры: доклад Банка России для общественных консультаций // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 01.06.2023).
5. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: пояснительная записка к законопроекту № 419059-7 // Официальный сайт СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7?ysclid=lidhsd95sh652094413/> (дата обращения: 01.06.2023).
6. О цифровых финансовых активах: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/?ysclid=lidixu4fa805791255/ (дата обращения: 01.06.2023).
7. Экспертное заключение по проекту федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 20.07.2020 № 199/оп-1/2020 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=LBQVzA&base=PRJ&n=203326#0h3XxfT4sH2e1SLJ2>
8. Bitcoin.com // Information website. URL: <https://www.bitcoin.com/satoshi-archive/whitepaper/> (дата обращения: 01.06.2023).
9. CoinMarketCap // Website for tracking the prices of crypto assets. URL: <https://coinmarketcap.com/ru/charts/> (дата обращения: 30.05.2023)
10. Ley Bitcoin de 09.06.2021. № 57 // Official website of the Legislative Assembly of El Salvador. URL: <https://www.asamblea.gob.sv/sites/default/files/documents/decretos/8EE85A5B-A420-4826-ABD0-463380E2603B.pdf> (дата обращения: 01.06.2023).

РАЗВИТИЕ ДОКТРИНЫ ИСЧЕРПАНИЯ ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

А. С. Панова

Казанский инновационный университет
им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП)
заведующая кафедрой гражданского
и предпринимательского права
доктор юридических наук, доцент
albina_2005@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности судебной практики об исчерпании права на товарный знак, показано влияние судебной практики на развитие доктрины исчерпания права на товарный знак.

Ключевые слова: товарный знак, исчерпание исключительного права на товарный знак, судебная практика.

Abstract. The article examines the peculiarities of judicial practice regarding the exhaustion of rights to a trademark, demonstrating the influence of judicial practice on the development of the doctrine of exhaustion of rights to a trademark.

Key words: trademark; exhaustion of exclusive rights to a trademark; judicial practice.

Исчерпание исключительного права на товарный знак в России заключается в том, что, согласно ст. 1487 ГК РФ [2], не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия. Начиная с 1992 г. законодательство России об исчерпании права на товарный знак прошло определенный путь развития с характерными для этого пути особенностями. Закон РФ от 23 сентября 1992 г. № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» [5] в первоначально принятой редакции (ст. 23) устанавливал, что регистрация товарного знака не дает права его владельцу запретить использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в хозяйственный оборот непосредственно владельцем товарного

знака или с его согласия. Такая нормативная формулировка тяготела к конструкции *международного режима исчерпания права на товарный знак*, согласно которой товары могут перепродаваться без разрешения правообладателя товарного знака в любой стране при условии первоначального введения их в гражданский оборот самим правообладателем или с его согласия другим уполномоченным лицом. Эта конструкция допускала возможность параллельного импорта. В дальнейшем законодательство развивалось по пути национального режима исчерпания права на товарный знак, основу национального режима составляет, как известно, *запрет продажи товаров* в стране импорта товаров без разрешения правообладателя товарного знака.

В целом можно утверждать, что доктрина исчерпания прав не бесспорна, вокруг нее ведутся постоянные дискуссии как в развитых странах, так и в развивающихся. Представляя собой предмет международного права интеллектуальной собственности, доктрина исчерпания прав выступает связующим звеном в отношениях развитых и развивающихся стран в сфере трансграничной торговли и глобального развития. Доктрина исчерпания прав дискуссионна отчасти и потому, что признает ограничения прав обладателя интеллектуальной собственности [3, с. 26, 28].

Трудно переоценить значение судебной практики для правового регулирования исчерпания права на товарный знак. Судебная практика перестает играть роль лишь средства толкования законов. Она «служит своеобразным «барометром» тех изменений и дополнений, которые надо внести в действующее законодательство» [19, с. 82], одновременно отражая настроения участников современных правовых отношений и разъясняя нормы действующего законодательства.

Судебная практика не может не реагировать на социальные и экономические изменения, а также на актуальные вопросы жизни гражданского общества. Запросы, ежедневно формирующиеся в обществе или в отдельных его группах, адресованы в том числе судебной системе, и, исходя из принципов открытости и демократизма, суды должным образом реагируют на эти запросы [6, с. 48].

Первоначальный этап развития судебной практики об исчерпании права на товарный знак в Российской Федерации приходится на время принятия и введения в действие Закона РФ от 23 сентября 1992 г. № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров». С трудом можно отыскать судебные решения того времени по данному вопросу. В целом суды руководствовались положениями указанного закона при разрешении споров. Рассмотрение дел данной категории, как и других споров, происходило в атмосфере глубокого реформирования многих сфер жизни общества.

Следующий этап развития судебной практики ознаменован внесением изменений в Закон РФ от 23 сентября 1992 г. № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (2002 г.) [20]: была изменена редакция ст. 23, которая установила национальный режим исчерпания права на товарный знак. Национальный режим впоследствии был предусмотрен в ГК РФ, такой режим действует в настоящее время. «Сделано это было для укрепления позиции правообладателей, что, несомненно, способствовало повышению инвестиционной привлекательности нашей страны» [4].

Суды при рассмотрении споров об исчерпании права на товарный знак руководствовались национальными предписаниями и оказывались, как правило, на стороне правообладателей. Так, в деле о продаже спортивной обуви, маркированной товарным знаком «Adidas» был установлен факт реализации покупателем товара без разрешения правообладателя. Лицензионные права на использование этого товарного знака у покупателя отсутствовали. По мнению суда, продавец незаконно использовал чужой товарный знак и подлежит привлечению к ответственности по ст. 14.10 КоАП РФ [8]. Однако уже в те годы встречались случаи «отхода» судами от установленного ГК РФ режима исчерпания права на товарный знак. Например, Постановлением Президиума ВАС РФ от 3 февраля 2009 г. № 10458/08 по делу № А40-9281/08-145-128, ООО «Порше Руссланд», являвшемуся владельцем лицензии на использование в России товарных знаков Porsche и Cayenne,

было отказано в конфискации автомобиля Porsche Cayenne S, который был ввезен в страну ООО «Генезис», не являвшимся официальным дилером Porsche [12]. При этом суды традиционно одно из основных значений контрафакта связывали с предметами, содержащими незаконное воспроизведение товарного знака [15].

Отечественная судебная практика до недавнего времени исходила из того, что «лицо, ввозящее на территорию РФ товар без согласия правообладателя, осуществляет таким образом несанкционированное использование чужого товарного знака и, следовательно, является нарушителем, даже если само не наносило его на товар» [1].

Важную роль в развитии доктрины исчерпания права на товарный знак могла бы играть практика Суда Евразийского экономического союза. Согласно п. 16 Протокола об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности (Приложение № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе) [17] в ЕАЭС действует региональный режим исчерпания права на товарный знак. Выгодоприобретателями такого режима выступают иностранные правообладатели товарных знаков, официальные дистрибьютеры, национальные компании, производящие товары, аналогичные иностранной продукции, подпадающей под запрет «параллельного» импорта [18, с. 45]. На конец 2022 г., по данным сайта Суда ЕАЭС, споры, рассмотренные этим судом, касались в основном соответствия решений Евразийской экономической комиссии Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам в рамках Союза (6 дел); оспаривания действия (бездействия) Евразийской экономической комиссии (2 дела); о разъяснении (4 дела) [7].

Важным этапом в развитии доктрины исчерпания права на товарный знак в судебной практике стало принятие Конституционным судом РФ Постановления № 8-П от 13 февраля 2018 г. [9]. Несмотря на то, что положения ГК РФ о национальном режиме исчерпания права на товарный знак оставались прежними (ст. 1487), Конституционный суд РФ в принятом постановлении указал, во-первых, на возможность судов *отказывать* полностью или частично в применении санкций в отношении параллельного импорта конкретной партии

товара в тех случаях, когда из-за недобросовестности поведения правообладателя товарного знака запрет параллельного импорта может создать угрозу для жизни и здоровья граждан, иных публично значимых интересов (например, в случае ограничения ввоза в Россию жизненно важной продукции или в случае завышения цен на российском рынке по сравнению с другими рынками). Таким образом, в судебном порядке была допущена возможность параллельного импорта, но при наличии необходимых обстоятельств, подробно изложенных в указанном постановлении. Во-вторых, суд указал на *не применение* при ввозе на территорию РФ без согласия правообладателя товарного знака партии товара, на котором товарный знак размещен правообладателем или с его согласия, таких же по размеру (тяжести последствий) *мер гражданско-правовой ответственности*, как при ввозе поддельного (на котором товарный знак размещен не правообладателем и не с его согласия) товара, если по обстоятельствам конкретного дела это не влечет для правообладателя убытков, сопоставимых с убытками от введения в оборот поддельного товара. В-третьих, суд отметил *возможность изъятия из оборота товаров* (на которых товарный знак размещен самим правообладателем или с его согласия, но ввезенных на территорию РФ без согласия правообладателя) *и их уничтожения* в порядке применения последствий нарушения исключительного права на товарный знак лишь в случае ненадлежащего качества таких товаров и (или) для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей.

Еще более ошутимое развитие судебная практика исчерпания права на товарный знак получила после принятия в 2022 г. ряда нормативно-правовых актов: Федерального закона от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [21], Постановления Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми

такие товары маркированы» [11], Приказа Министерства промышленности и торговли РФ от 19 апреля 2022 г. № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» [16]. На основании указанных правовых актов подготовлен и утвержден перечень товаров (групп товаров), в отношении которых не действует национальный режим исчерпания права на товарный знак (не применяются правила подп. 6 ст. 1359, ст. 1487 ГК РФ). Другими словами, здесь речь идет о перечне товаров, по поводу которых *разрешен параллельный импорт*. Суды при обращении к ним иностранных компаний отказывают в исках о защите исключительных прав на товарный знак, которые, по мнению компаний, могли быть нарушены при параллельном импорте. Суды в обоснование своей позиции ссылаются и на Постановление Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П [13]. В судебных решениях, касающихся признания товара контрафактным (если товар не был произведен и промаркирован правообладателем товарного знака), отмечается, что к таким правоотношениям не может применяться законодательство, касающееся параллельного импорта [14]. В России только суд вправе признать материальный носитель контрафактным [10].

Таким образом, судебная практика обогащает доктрину исчерпания исключительного права на товарный знак и тем самым способствует ее развитию. Практическая деятельность судов может подсказывать законодателю направления работы с существующими противоречиями и неточностями в этом секторе общественных отношений.

Литература

1. Анишин А. А., Хромов А. В. Принцип исчерпания права на товарный знак и параллельный импорт в России: настоящее и будущее // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 19. С. 110–117.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022) //

- Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496; 2022. № 50 (ч. 3). Ст. 8797.
3. Гхош III. Имплементация доктрины исчерпания прав: выводы, основанные на национальном опыте // Торговая политика. 2015. № 3/3. С. 24–87.
  4. Еременко В. И. Принцип исчерпания права на товарный знак и проблемы параллельного импорта // Законодательство и экономика. 2013. № 6.
  5. О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров: закон РФ от 23 сентября 1992 г. № 3520–1 // Рос. газ. 1992. № 228 (утратил силу).
  6. Момотов В. В. Роль судебной практики в правовой системе: российский опыт в мировом контексте // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5. С. 40–49.
  7. Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза // <https://courteurasian.org/upload/iblock/999/bxxf0h6ddpkja13u0k40i3xjddj1frns3/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%BF%D0%BE%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D1%8E%20%D0%BD%D0%B0%2023.12.22.pdf> (дата обращения: 11.06.2023; режим доступа: свободный).
  8. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 декабря 2008 г. № 18АП-7675/2008 по делу № А34-4516/2008 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.06.2023).
  9. По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ»: постановление Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 3.
  10. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.
  11. О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы: постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 14. Ст. 2286.
  12. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 3 февраля 2009 г. № 10458/08 по делу № А40-9281/08-145-128 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.06.2023).
  13. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 апреля 2022 г. № 17АП-3007/22 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.06.2023).
  14. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27 апреля 2022 г. № С01-533/2022 по делу А40-84838/2021. URL: <https://www.>

- garant.ru/products/ipo/prime/doc/404467482/ (дата обращения: 11.06.2023).
15. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 29 июля 2009 г. № А08-8970/2008-26 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 12.06.2023).
  16. Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия: приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 19 апреля 2022 г. № 1532 (ред. от 02.03.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 6 мая 2022 г. № 0001202205060001; официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 15 марта 2023 г. № 0001202303150001.
  17. Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности (приложение № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе) (Астана, 29 мая 2014 г.) // Правовой портал Евразийского экономического союза (<https://docs.eaeunion.org>) (дата обращения: 10.06.2023).
  18. Роль интеллектуальной собственности в развитии евразийской интеграции / под ред. С. Б. Алиева. М., 2016. 99 с.
  19. Российское предпринимательское право: учеб. / отв. ред. В. С. Белых. М.: Проспект, 2022. 768 с. (автор соответст. главы — В. С. Белых).
  20. О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров»: федеральный закон от 11 декабря 2002 г. № 166-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 50. Ст. 4927 (утратил силу).
  21. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ (ред. от 03.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 11. Ст. 1596; 2023. № 14. Ст. 2381.

О СУЩНОСТНЫХ ПРИЗНАКАХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. В. Рубцова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
кандидат юридических наук, доцент
n.v.rubtsova@nsuem.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию сущностных признаков предпринимательской деятельности. Представлен анализ в первую очередь доктринальных признаков, которые позволяют дополнить содержание предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, доктринальный признак, сущность предпринимательства.

Abstract. The article is devoted to the study of the essential features of entrepreneurial activity. An analysis is presented, first of all, of the doctrinal features that make it possible to complement the content of entrepreneurial activity.

Key words: entrepreneurial activity, a doctrinal feature, the essence of entrepreneurship.

Легальное определение предпринимательской деятельности с позиции юридической техники является абстрактным (общим), поскольку в нем перечислены основные признаки предпринимательской деятельности. Однако большинство этих признаков требуют применения специальных норм иных законов, относящих либо не относящих тот или иной вид деятельности к предпринимательству. Абстрактным характером отличаются нормы, определяющие предпринимательскую деятельность, в законодательстве ряда стран СНГ, в частности в Казахстане, Киргизии. Однако в большинстве европейских стран легальная дефиниция предпринимательской деятельности, как правило, отсутствует и используются казуистические приемы определения особенностей предпринимательства. Соответственно, признаки такого вида деятельности характеризуются через анализ субъекта, который осуществляет эту деятельность, — коммерсанта. Так, в Торговом кодексе Франции определяются субъекты коммерческой деятельности — коммерсанты — и устанавливается перечень

некоторых видов деятельности коммерсанта (статья L110-1). Также казуистично характеризуется субъект предпринимательской деятельности в Единообразном торговом кодексе США. Германское законодательство использует более широкий подход в определении сущности предпринимательской деятельности, поскольку устанавливает как перечень видов деятельности коммерсанта, так и требования к самому коммерсанту.

Все вышеперечисленные определения содержат в первую очередь сущностные признаки предпринимательства, которые, будучи закрепленными в легальном определении, составляют содержание этой деятельности. Между тем в абстрактных определениях присутствуют и формально юридические признаки, такие как необходимость регистрации субъектов предпринимательской деятельности, систематичность получения прибыли. В отличие от сущностных, формальные признаки важны только для легализации предпринимательской деятельности и имеют исключительное значение для признания предпринимательской деятельности незаконной (например, на основании ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации, ст. 14.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях).

В научной литературе, прежде всего в экономической [1], предпринимательская деятельность часто отождествляется с бизнесом. Лексическое значение слова «business» в английском языке имеет несколько значений: предпринимательство, компания, работа, дело [8, с. 82]. Однако в действующих российских законах этот термин практически не используется, исключение составляет лишь Налоговый кодекс РФ (далее — НК РФ), в котором глава 29 посвящена налогу на игорный бизнес. По сути, законодатель термин «бизнес» связывает именно с предпринимательской деятельностью. В толковых и юридических словарях «бизнес» также понимается как синоним «предпринимательской деятельности». Итак, этимологический анализ слова «бизнес» и его нормативное использование позволяют сделать вывод о том, что само по себе ведение дела, бизнеса может рассматриваться как сущность предпринимательской деятельности. При этом термин «бизнес» больше

связан с отдельными направлениями предпринимательской деятельности. Например, выделяются «цифровой бизнес», «семейный бизнес». Такие же выводы можно сделать на основании анализа Определения Верховного Суда РФ от 26.03.2019 № 81-КГ19-2, в котором отмечается, что «сам бизнес самостоятельным объектом права, предусмотренным гражданским законодательством, не является, а представляет собой деятельность, ведение которой происходит в одной из организационно-правовых форм коммерческих организаций, а также индивидуальными предпринимателями».

Исходя из легального определения, многие исследователи характеризуют отдельные признаки предпринимательской деятельности [5, с. 143], которые, в свою очередь, можно назвать легальными. Вместе с тем деление признаков предпринимательской деятельности по критерию законодательного закрепления на легальные и доктринальные является не единственно возможной классификацией. Важным аспектом характеристики предпринимательской деятельности также можно считать ее формализацию, внешнее проявление, которое позволяет отграничить данную деятельность от иных видов деятельности. С учетом критерия формального выражения и назначения признаки предпринимательской деятельности подразделяются на формальные (характеризующие внешние проявления предпринимательской деятельности, позволяющие ее правильно квалифицировать) и сущностные (определяющие смысл содержания этой деятельности). При этом сущностные признаки являются ведущими, поскольку определяют формальные. Так, сущностный признак — направленность на получение прибыли — находит выражение в формальном признаке систематичности получения прибыли.

Рассмотрим ряд доктринальных сущностных признаков предпринимательской деятельности, которые дополняют легальные и позволяют осмыслить содержание предпринимательской деятельности.

Важным доктринальным признаком предпринимательской деятельности является ее осуществление на началах плановости, под которой понимается построение предпринима-

тельской деятельности в определенном порядке (по плану). Заметим, что само по себе обозначение в легальном определении направленности предпринимательской деятельности на получение прибыли, а также систематичности свидетельствует о необходимости ее планомерного осуществления.

Как известно, плановость определяет сущность хозяйственной деятельности времен социализма. Однако и в настоящее время именно плановость характеризует особую устойчивость хозяйственных связей, в частности в сфере железнодорожных перевозок, поставки и других. Более того, плановый характер предпринимательства проявляется как на микроуровне (в бизнес-планировании деятельности самих хозяйствующих субъектов), так и на макроуровне, в стратегическом планировании. При этом представление бизнес-плана в условиях развития пандемии может выступать обязательным условием государственной поддержки субъектов малого предпринимательства в отдельных регионах.

Для характеристики признаков предпринимательской деятельности необходимо также указать на ее социальную составляющую, что в настоящее время становится особенно актуальным. А. Г. Быков отмечал, что «в определении ГК чисто отсутствует созидательная, производительная основа предпринимательства, нет упоминания о труде как источнике всех благ» [2, с. 12]. Предпринимательская деятельность призвана решать социальные задачи. Еще в 1917 г. А. И. Каминка писал: «Предприниматель является той центральной фигурой, энергией, находчивостью, способностями которой в значительной степени обуславливается благосостояние страны» [4, с. 1]. А. Г. Быков справедливо отстаивает идею социального предназначения предпринимательства. Данная идея основана на необходимости указания на использование трудовых ресурсов как на органически составную часть содержания экономической деятельности предпринимателя [2, с. 13–14]. Указанный признак предпринимательской деятельности соответствует современной концепции управления национальной экономикой России.

В последние годы идеи социального предпринимательства получили развитие не только в литературе, но и на госу-

дарственном уровне. Социальное назначение предпринимательской деятельности отмечается и по отношению к законодательству о предпринимательстве других стран.

В качестве следующего доктринального признака предпринимательской деятельности можно назвать профессионализм, поскольку для успешного осуществления предпринимательства недостаточно лишь стремления к получению прибыли, необходимо уметь квалифицированно, т. е. профессионально, выполнять ту или иную деятельность. Более того, предпринимательство — это непрерывный творческий процесс, ибо при его осуществлении предприниматель генерирует новые идеи, которые могут быть поставлены в один ряд с интеллектуальной собственностью [3, с. 2].

Признак профессионализма, по мнению ряда исследователей, является одним из основных [6, с. 47; 7, с. 84]. Неслучайно в развитии теории предпринимательства существовало несколько направлений, связанных с анализом этого признака. Так, еще в XIX веке французский экономист Ж.-Б. Сэй подчеркивал, что «предприниматель — это новатор, носитель технического прогресса, и его доход является вознаграждением за творческий, рискованный, экспериментальный характер его деятельности».

Таким образом, сущностные признаки позволяют осознать смысл содержания предпринимательской деятельности и в современных социально-экономических условиях обосновывают ее общественную значимость.

Литература

1. Барков С. А., Денильханов А. Х. Формы организации бизнеса. М.: У Никитских ворот, 2015. 471 с.
2. Быков А. Г. О содержании курса предпринимательского права и принципах его построения // Правовое регулирование предпринимательской деятельности в рыночной экономике. М.: Юрист, 2008. С. 8–40.
3. Иванов А. В. Государственному регулированию предпринимательства — правовую основу // Юрист. 2002. № 7. С. 2–3.
4. Каминка А. И. Основы предпринимательского права / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2007. 317 с.
5. Клеандров М. Н. Об отраслевой принадлежности норм, определяющих гражданско-правовые обязательственные правоотношения //

- Гражданско-правовые обязательства: вопросы теории и практики: сб. науч. тр. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. С. 139–149.
6. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: в 2 т. М.: Статут, 2003. Т. 1. 480 с.
  7. Щенникова Л. В. Предпринимательская деятельность как гражданско-правовая категория // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. М.: Статут; Екатеринбург: Институт частного права, 2005. 144 с.
  8. The Oxford-Russian Dictionary. Англо-русский словарь. Oxford-Moscow, 1999. 735 с.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ СОЗДАНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Р. А. Феденев

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
аспирант
rdlf.fedenev@yandex.ru

Аннотация. Активное развитие и использование искусственного интеллекта обуславливает возникновение целого ряда вопросов правового характера. Статья посвящена проблеме закрепления прав на объекты, созданные искусственным интеллектом. При решении указанной проблемы автор исходит из необходимости установления правовой природы отношений, возникающих между основными участниками взаимодействия с искусственным интеллектом. В статье анализируются правоотношения, возникающие между участниками взаимодействия с искусственным интеллектом в контексте проблемы правовой охраны объектов, созданных данной технологией. Определен объем прав автора искусственного интеллекта, лица, организовавшего его деятельность и конечного пользователя на сам искусственный интеллект как на объект права. Установлены мотивы вступления указанных лиц в правоотношения. Экономически и юридически обоснована необходимость соблюдения баланса интересов участников взаимодействия с искусственным интеллектом. Рассмотрен принцип диспозитивности правового регулирования при разрешении «авторского» вопроса в исследуемой сфере.

Ключевые слова: искусственный интеллект, право интеллектуальной собственности, авторское право, результаты интеллектуальной деятельности, интеллектуальная собственность.

Abstract. The active development and use of artificial intelligence causes the emergence of a number of legal issues. The article is devoted to the problem of securing rights to objects created by artificial intelligence. In solving this problem, the author proceeds from the need to establish the legal nature of the relations arising between the main participants of interaction with artificial intelligence. The article analyzes the legal relations arising between the participants of interaction with artificial intelligence in the context of the problem of legal protection of objects created by this technology. The scope of the rights of the author of artificial intelligence, the person who organized its activities and the end user to artificial intelligence itself as an object of law is determined. The motives for the entry of these persons into legal relations have been established. The necessity of maintaining a balance of interests of participants in interaction with artificial intelligence is economically and legally justified. The principle of dispositivity of legal regulation in resolving the “author’s” issue in the field under study is considered.

Key words: artificial intelligence, intellectual property law, copyright, results of intellectual activity, intellectual property.

На сегодняшний день искусственный интеллект уже не является фантастикой. Технологические решения, основанные на искусственном интеллекте, стали неотъемлемой частью современного общества. Они активно внедряются в производственные и логистические процессы, в медицинскую, архитектурно-строительную и агропромышленную отрасли, на их основе функционируют системы автоматизации домашних процессов («умный дом»), устройства связи и многое другое, что окружает человека в его повседневной жизни. Однако искусственный интеллект открывает перед обществом не только новые перспективы, но и проблемы, в том числе правового характера.

Как известно, зачастую развитие законодательства значительно отстает от развития той сферы общественных отношений, которую оно регулирует. Наиболее ярко это проявляется в контексте развития инновационных технологий. Одним из таких примеров является искусственный интеллект, развитие и использование которого способствовали появлению новых объектов гражданского оборота — объектов, созданных искусственным интеллектом. К последним относятся изобре-

жения, связный текст, аудио- и видеоматериалы, созданные с минимальным участием человека или вовсе без участия последнего.

Несмотря на то что указанные объекты имеют собственную экономическую ценность и общественную полезность, а также активно участвуют в гражданском обороте в качестве аналогов результатов интеллектуальной деятельности, их правовой статус до настоящего времени не определен, а отношения, возникающие по поводу их использования и охраны, не урегулированы. Указанные обстоятельства создают угрозу нарушения прав и законных интересов лиц, использующих искусственный интеллект вне рамок его исследования. Кроме этого, правовая неопределенность в данной сфере негативным образом сказывается на развитии всей отрасли искусственного интеллекта, поскольку существующие юридические риски угнетают интерес к активному использованию данной технологии.

В отечественной и зарубежной литературе проблема правовой охраны результатов деятельности искусственного интеллекта носит дискуссионный характер. Учеными и практиками предлагаются различные концепции решения указанного вопроса. Всего можно выделить шесть основных, но не единственных концепций закрепления прав на объекты, созданные искусственным интеллектом: 1) автор — создатель искусственного интеллекта; 2) автор — лицо, организовавшее деятельность искусственного интеллекта (организатор); 3) автор — пользователь; 4) автор — искусственный интеллект, 5) концепция «служебного произведения»; 6) концепция «общественного достояния» [5, с. 30]. Однако, как отмечается в литературе, реализация каждой из предложенных концепций на практике влечет за собой возникновение еще большего количества вопросов правового характера.

Представляется, что для выработки (или поиска) оптимальной модели правового регулирования отношений, возникающих по поводу использования объектов, созданных искусственным интеллектом, необходимо, прежде всего, установить правовую природу отношений, возникающих при создании и использовании искусственного интеллекта. Это

позволит определить объем прав, возникающих у участников такого взаимодействия.

В отечественной и зарубежной литературе научно-технического профиля до настоящего времени не выработан единый подход к определению понятия «искусственный интеллект». Одни определяют его как компьютерную систему, симулирующую интеллектуальную деятельность человека, которая выражается в получении, обработке и хранении информации [1, с. 31]. Вторые, как, например, известный нейробиолог Джек Л. Фельдман, говорят о нем как об отрасли информатики, занимающейся внедрением интеллектуальных агентов [8]. Третьи разделяют понятия искусственного интеллекта и системы искусственного интеллекта, понимая под первым направление информатики, целью которого является разработка аппаратно-программных средств, позволяющих пользователю-непрограммисту ставить и решать свои традиционно считающиеся интеллектуальными задачи, общаясь с ЭВМ на ограниченном подмножестве естественного языка, под вторым — программные системы, которые имитируют на компьютере процесс человеческого мышления человека [2, с. 130].

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в России до 2030 года (далее Национальная стратегия), утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», под искусственным интеллектом предлагается понимать «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений». Представляется, что данное определение наиболее точно и лаконично отражает специфику (свойство)

искусственного интеллекта, обуславливающую актуальность и потребность в исследовании общественных отношений, возникающих в сфере искусственного интеллекта в контексте прав интеллектуальной собственности: «способность [искусственного интеллекта] получать результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Однако в целях более образного понимания (восприятия) искусственного интеллекта под последним в рамках настоящей работы предлагается понимать программно-аппаратный комплекс (представленный для пользователя в качестве веб-сервиса в сети «Интернет»), функционирующий на основе технологий генеративного искусственного интеллекта, способного выводить (создавать) новые (сложные) данные (например, изображения или связный текст), взяв за основу некоторые свойства (черты, характеристики) ранее изученных данных.

Основными участниками взаимодействия с искусственным интеллектом являются создатель (автор) — программист или команда программистов, которые разработали само программное обеспечение; лицо, организовавшее функционирование искусственного интеллекта (владелец компаний, по заказу которых был создан искусственный интеллект); пользователь — лицо, имеющее законный доступ к искусственному интеллекту.

Создатель искусственного интеллекта. Определить правовую природу отношений, возникающих у создателя искусственного интеллекта на результат своего труда, несложно. По смыслу действующего гражданского законодательства искусственный интеллект по своей природе относится к программам для ЭВМ, под которыми, в свою очередь, понимается представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения (ст. 1261 ГК РФ). Вследствие чего создатель искусственного интеллекта является его автором и, как следует из ст. 1261 ГК РФ, обла-

дает такими же правами на результат своего труда, как и автор литературного или музыкального произведения на свое. В этой связи создатель искусственного интеллекта обладает как личными неимущественными и иными неотчуждаемыми правами автора, так и исключительными (имущественными) правами на свое произведение (ст. 1226 ГК РФ).

К неотчуждаемым личным неимущественным правам создателя искусственного интеллекта относятся право авторства — право признаваться автором; право автора на имя — право использовать или разрешать его использование (или его составной части) под своим именем, псевдонимом или анонимно; право на неприкосновенность произведения; право на защиту произведения от искажения (или иного посягательства), способного нанести ущерб чести, достоинству или деловой репутации создателя искусственного интеллекта.

Имущественное право на искусственный интеллект как на программу для ЭВМ представляет собой исключительное право на использование его по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом, правообладатель может распоряжаться им путем его передачи или предоставления иным лицам, в том числе по договору (ст. 1229 ГК РФ). В этом смысле исключительное право может быть реализовано путем изготовления экземпляров искусственного интеллекта (право воспроизведения), продажи или иного отчуждения экземпляров (право распространения); его импорта (право на импорт), переработки (право на модификацию), предоставления доступа к нему (право на доведение до общественности) и т. д.

От условий создания искусственного интеллекта (по личной инициативе за свой счет, в соавторстве, по гражданско-правовому договору или в рамках служебных обязанностей) зависит то, кому будут принадлежать исключительные права на него и в каком объеме.

Наиболее распространенной является ситуация, когда искусственный интеллект был создан в рамках трудовых отношений. По своей правовой природе такой результат интеллектуальной деятельности является служебным произведением, программисту (создателю) принадлежат авторские права на него, однако исключительные права на такое произведение

принадлежат работодателю (если иное не предусмотрено трудовым или гражданско-правовым договором).

Лицо, организовавшее функционирование искусственного интеллекта. Обычно в литературе под такими лицами понимаются лица, финансировавшие создание искусственного интеллекта [10]. В. О. Калятин отмечает, что к их числу относятся те, кто обладает соответствующим искусственным интеллектом на различных основаниях (как обладатель исключительного права на программное обеспечение, или лицензиат, или лишь как владелец аппаратного обеспечения). При этом сам автор отмечает, что при решении проблемы правовой охраны результатов деятельности искусственного интеллекта принципиального значения не имеет, кто именно таким лицом является [4, с. 38].

Выделим два основных варианта того, кем может быть лицо, организовавшее функционирование искусственного интеллекта: обладатель исключительного права и лицензиат.

В первом случае, когда лицом, организовавшим функционирование искусственного интеллекта, является, например, приобретатель по договору об отчуждении исключительного права, объем исключительных прав на искусственный интеллект будет соответствовать тому объему, которым обладал создатель искусственного интеллекта (ст. 1234 ГК РФ). Схожая ситуация наблюдается, когда организатором функционирования является работодатель автора искусственного интеллекта, за тем лишь исключением, что этом случае переход исключительного права на такую программу обусловлен наличием трудовых отношений между автором и организатором.

Указанные лица реализуют свои права главным образом в целях извлечения определенной выгоды для себя, которая может быть как финансовой, так и не финансовой. Например, организация, специализирующаяся на разработке искусственного интеллекта, в дальнейшем может предоставлять его другим организациям по лицензионному договору за определенное вознаграждение. Для такой организации (лицензиара) ценность искусственного интеллекта будет заключаться не в том, что создает сам искусственный интеллект, а в том, какое количество потенциальных лицензиатов и, как следствие,

доходов такая разработка привлечет. В этой связи лицензиару важно, чтобы его продукт имел спрос на рынке, который не может существовать в условиях отсутствия выгоды для лицензиата.

В случае, когда лицом, организовавшим функционирование искусственного интеллекта, является лицензиат, использование искусственного интеллекта допускается в пределах тех прав и теми способами, которые предусмотрены лицензионным договором (ст. 1235 ГК РФ). Необходимо понимать, что в лицензионных отношениях выгода (польза) является отношением-образующим фактором, при отсутствии которого потребность в таких отношениях исчезает. Лицензиат может заключить лицензионный договор для того, чтобы в дальнейшем использовать искусственный интеллект в собственных целях и интересах. В первом случае лицензиату будет интересен искусственный интеллект лишь в том случае, когда результат его деятельности достанется самому лицензиату (это и есть выгода). Иначе какой смысл в том, чтобы тратить денежные средства на приобретение лицензии, если ее плоды недоступны. Последнее применимо и в той ситуации, когда лицензиат передает в сублицензию искусственный интеллект: если сублицензиату не выгодно приобретать сублицензию ввиду невозможности использования ее плодов, то и лицензиату незачем приобретать лицензию на искусственный интеллект без перспектив ее реализации.

Пользователь. Конечным пользователем искусственного интеллекта следует считать лицо, при непосредственном взаимодействии с которым искусственный интеллект создал конкретный результат. Такое взаимодействие может включать в себя постановку конкретной задачи, описание общих требований (параметров) к желаемому (конечному) результату, запуск процессов обработки поставленной задачи т. д. Указанные действия не носят обязательного характера, необходимость их реализации определяется особенностями функционирования конкретного искусственного интеллекта.

В одних случаях для создания нового изображения пользователю необходимо сначала составить техническое задание (задать параметры изображения), а затем запустить процесс

генерации конечного результата. Такая модель работы с искусственным интеллектом является наиболее распространенной ввиду того, что пользователь обладает возможностью повлиять на конечный результат — чем точнее техническое задание, тем больше вероятности, что результаты деятельности искусственного интеллекта будут отражать замысел пользователя. Например, обложка одного из номеров известного международного женского журнала была сгенерирована с помощью искусственного интеллекта за двадцать секунд. Однако, чтобы добиться желаемого результата, команде, работавшей над реализацией данного проекта, потребовался не один час для подбора наиболее точной формулировки технического задания [9].

В других случаях участие пользователя может быть сведено к критическому минимуму, при котором влияние человека на конечный результат отсутствует вовсе. Так, например, существуют сервисы, требующие от пользователя лишь активации процессов генерации («нажатия кнопки») либо вовсе сводящие роль пользователя к зрительному восприятию того, что создаст искусственный интеллект. Последнее возможно, когда искусственный интеллект самостоятельно инициирует создание объектов (например, через определенные временные интервалы).

Поскольку искусственный интеллект является программой для ЭВМ, то к правоотношениям, возникающим между пользователем и автором или иным правообладателем, применима ст. 1280 ГК РФ, закрепляющая права пользователя программы для ЭВМ.

Для исследования правовой природы отношений, возникающих при взаимодействии пользователя с искусственным интеллектом, в первую очередь необходимо определить, при каких сценариях такое взаимодействие возможно.

Итак, рассмотрим сценарии, когда:

а) искусственный интеллект находится в свободном доступе (веб-сервис в сети «Интернет», например), а пользование им осуществляется на безвозмездной или возмездной основе по открытой лицензии;

б) использование искусственного интеллекта осуществляется в рамках трудовых отношений (искусственный интеллект предоставляется пользователю работодателем).

По действующему законодательству произведения (а программы для ЭВМ к ним приравнены), опубликованные любым образом, в том числе находящиеся в сети «Интернет» в свободном и неограниченном доступе, охраняются авторским правом.

Основная масса современных сервисов, функционирующих на основе искусственного интеллекта, требует от пользователя подписания так называемого пользовательского соглашения, являющегося по своему существу открытой лицензией. Исходя из смысла ст. 1286.1 ГК РФ, предметом открытой лицензии является право использования произведения в предусмотренных договором пределах. В этой связи объем прав пользователя искусственного интеллекта определяется договором. Сама открытая лицензия является безвозмездной, если ею не предусмотрено иное.

Из п. 2 ст. 1286.1 ГК РФ следует, что лицензиар может предоставить лицензиату право на использование принадлежащего ему произведения для создания нового результата интеллектуальной деятельности — производного произведения (п. 2 ст. 1259 ГК РФ). В контексте решения проблемы правовой охраны результатов, созданных искусственным интеллектом, данное положение утрачивает свой смысл. Это связано с тем, что результаты, созданные искусственным интеллектом, имеют иную, отличную от первоначального результата интеллектуальной деятельности сущность (очевидно, что изображение, текст или аудиоматериал не могут являться производением производным от «умной» программы для ЭВМ).

В ситуации, когда пользователь осуществляет взаимодействие с искусственным интеллектом в рамках трудовых отношений, наряду с положениями, регламентирующими порядок обращения с объектами интеллектуальной собственности, применению подлежат также нормы трудового законодательства.

Так, например, как следует из ст. 24 Трудового кодекса РФ, работодатель обязан обеспечивать работников оборудованием, инструментами, технической документацией и иными

средствами, необходимыми для исполнения ими трудовых обязанностей. В этой связи, если искусственный интеллект необходим для выполнения работником своих трудовых обязанностей, то работодатель обязан предоставить доступ к нему. В сложившейся практике, учитывая тот факт, что по действующему законодательству порядок использования искусственного интеллекта не регламентирован, результаты, созданные с его применением, зачастую приравниваются к служебным произведениям. Подобный подход удобен главным образом для работодателей-лицензиатов искусственного интеллекта

В целом следует отметить, что основным фактором, способствующим развитию интереса к искусственному интеллекту, является польза (выгода). Правоотношения, возникающие между участниками, использующими данную технологию, отражают данный факт в той степени, в которой это позволяет сделать действующее законодательство. Урегулированными остаются лишь отношения, складывающиеся по поводу использования искусственного интеллекта как объекта прав интеллектуальной собственности, в то время как порядок использования результатов его функционирования остается неопределенным.

Вследствие этого в рамках решения проблемы правового регулирования использования результатов, созданных искусственным интеллектом, целесообразным и необходимым представляется сохранение сущности правовых отношений, возникающих по поводу использования самого искусственного интеллекта.

В этой связи, руководствуясь необходимостью сохранения баланса интересов, формирование правового механизма, регулирующего отношения, возникающие по поводу использования объектов, созданных искусственным интеллектом, должно осуществляться на основе принципа диспозитивности. Следуя этому принципу, субъектом интеллектуальных прав на объекты, созданные искусственным интеллектом, следует признавать не лицо установленное законом, а лицо определенное соглашением, заключенным между участниками взаимодействия искусственного интеллекта. Подобный

подход сохраняет сущность правовых отношений, возникающих по поводу искусственного интеллекта как объекта интеллектуальной собственности, одновременно с этим позволяя участником таких отношений самостоятельно определять, в чью сторону должны склоняться «весы интересов».

Однако учитывая транснациональный характер отношений, возникающих между правообладателем искусственного интеллекта и его пользователем (зачастую первый и второй находятся в разных юрисдикциях, с разными подходами к правовому регулированию в сфере искусственного интеллекта), то принцип диспозитивности, реализуемый на уровне национального законодательства, теряет свою эффективность и фактическую применимость. Последнее связано с тем, что в рамках национального законодательства невозможно обязать участника отношений, возникающих из взаимодействия с искусственным интеллектом, подчиняющегося другой юрисдикции, заключать соглашение об авторстве. В этой связи принцип диспозитивности может быть реализован путем признания прав на объект, созданный искусственным интеллектом, за лицом, обладавшим на момент его создания правом доступа и использования данной технологии в личных целях.

Литература

1. Болотова Л. С. Системы искусственного интеллекта: модели и технологии, основанные на знаниях: учеб. пособие. М: Финансы и статистика, 2012. 664 с.
2. Боровская Е. В., Давыдова Н. А. Основы искусственного интеллекта: учеб. пособие. Ч. 4 не изд., электрон. ЧМ.: Лаборатория знаний, 2020. 130 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.
4. Калятин В. О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта и его влияние на развитие гражданского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 24–50.
5. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: 12.00.03 («Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»): дис. ... д-ра юрид. наук / Морхат Петр Мечиславович; Рос. гос. акад. интеллектуал. собственности. М., 2018. 420 с.

6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 3.
7. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 14.10.2019. № 41. Ст. 5700.
8. Feldman J. (2001). Artificial Intelligence. ScienceDirect. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780080450469004344> (дата обращения: 17.02.2023).
9. The World's Smartest Artificial Intelligence Just Made Its First Magazine Cover // Cosmopolitan URL: <https://www.cosmopolitan.com/lifestyle/a40314356/dall-e-2-artificial-intelligence-cover/> (дата обращения: 04.05.2023).
10. Kalin H. Artificial Intelligence and the Copyright Dilemma. IDEA // The Journal of the Franklin Pierce Center for Intellectual Property. 2017. № 57. P. 431.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРЕЗУМПЦИИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В СПОРАХ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. Г. Холмова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье подробно разбирается вопрос применения презумпции добросовестности в спорах об использовании результатов интеллектуальной деятельности, рассматриваются цели такого применения, проблемы опровержимости указанной презумпции, соотношение презумпции добросовестности с концепцией добросовестного использования; сделан вывод о необходимости расширения применения п. 5 ст. 10 ГК РФ к правоотношениям, связанным с использованием интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность презумпция добросовестности результаты интеллектуальной деятельности.

Abstract. The article examines in detail the issue of applying the presumption of good faith in disputes about the use of the results of intellectual activity, discusses the goals of such application, the problems of

the rebuttal of this presumption, the relationship between the presumption of good faith and the concept of fair use; the conclusion is made about the need to expand the application of paragraph 5 of Art. 10 of the Civil Code of the Russian Federation to legal relations related to the use of intellectual property.

Key words: intellectual property; presumption of good faith; results of intellectual activity.

Презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений является одним из принципиальных положений действующего законодательства. Нормально и естественно — предполагать, что люди и коллективные образования в гражданско-правовой сфере действуют добросовестно, это и отражено в п. 5 ст. 10 ГК РФ. В спорах об использовании результатов интеллектуальной деятельности применение презумпции добросовестности имеет свои особенности и неоднозначную трактовку. На ее основании следовало бы предполагать, что лицо, которое использует результат интеллектуальной деятельности (далее — РИД), например произведение науки, литературы или искусства, изобретение и т. д., действует добросовестно и имеет право на такое использование. Однако не во всех случаях данная презумпция применима, есть в ГК и практически противоположная презумпция (абзац 2 п. 3 ст. 1250 ГК РФ), о ней речь пойдет ниже, в целом же статья 10 ГК применима или должна быть применима в том числе и к правоотношениям, связанным с использованием РИД.

Применение презумпции добросовестности в спорах об использовании результатов интеллектуальной деятельности имеет несколько целей.

1. Защита законных интересов авторов и правообладателей. Презумпция добросовестности помогает предотвратить необоснованные и незаконные претензии в отношении использования результатов интеллектуальной деятельности. Она позволяет предположить, что лицо, использующее результаты интеллектуальной деятельности, не нарушает авторские права или иные права интеллектуальной собственности, и, например, автору, предлагающему статью издательству, нет юридической необходимости представлять доказательства своего авторства.

2. Облегчение доказывания правомерности использования. В спорах об использовании результатов интеллектуальной деятельности часто возникает потребность доказать, что использование было добросовестным и не нарушало права автора или правообладателя. Презумпция добросовестности перекладывает начальное бремя доказывания на ту сторону, которая утверждает нарушение, и требует от нее представить достаточные доказательства такого нарушения.

3. Поощрение инноваций и творчества. Презумпция добросовестности способствует стимулированию инноваций и творческой деятельности, поскольку облегчает использование результатов интеллектуальной деятельности без неоправданных преград и снижает риск неправомерного удержания прав.

Рассматриваемая презумпция относится к числу опровержимых, что особенно важно в случае конфликта или спора. Разумно предполагать, что участники конфликта, хотя бы и гражданско-правового, могли действовать как добросовестно, так и недобросовестно. В связи с этим следует отметить, что презумпция добросовестности не является абсолютной и может быть опровергнута, если появятся достаточные доказательства нарушения прав или неправомерного использования результатов интеллектуальной деятельности. Именно сторона, утверждающая о наличии нарушения, должна представить соответствующие доказательства; на практике это может быть затруднительно и не всегда возможно, однако и принцип справедливости, и непосредственно сама норма права требует в случае отсутствия доказательств опираться на презумпцию.

Изучение правоприменительной практики приводит к следующему. В практике рассмотрения споров об использовании результатов интеллектуальной деятельности презумпция добросовестности означает принцип, согласно которому действия лица предполагаются законными, пока не доказано обратное, и может применяться в различных контекстах. Вот несколько примеров:

1) защита авторских прав: при возникновении спора о нарушении авторских прав на произведение суд может применить презумпцию добросовестности в пользу предполагае-

мого нарушителя. Это означает, что автор должен представить достаточные доказательства нарушения, чтобы опровергнуть предположение о добросовестности использования произведения обвиняемой стороной. Так, если истец не доказал свое авторство, в иске ему будет отказано;

2) защита патентных прав: в случае спора о нарушении патентных прав на изобретение или полезную модель суд исходит из предположения, что использование изобретения или полезной модели является законным, пока не будет представлена достаточная доказательная база о нарушении патента;

3) защита прав на товарные знаки: презумпция добросовестности также может применяться при рассмотрении споров о нарушении прав на товарный знак; предполагается, что использование товарного знака другой организацией осуществляется добросовестно, пока не будет доказано обратное, в частности пока истец не докажет, что используемое ответчиком обозначение сходно до степени смешения с товарным знаком истца.

Основное практическое назначение рассматриваемой презумпции при разрешении споров — оценка действий субъектов. При определении степени нарушения интеллектуальных прав суд может учитывать презумпцию добросовестности и оценивать, насколько добросовестно или недобросовестно действовал субъект при использовании результатов интеллектуальной деятельности.

Применение презумпции добросовестности в каждом конкретном случае зависит от фактических обстоятельств и судебной практики, и ее использование не является обязательным или универсальным во всех спорах по поводу результатов интеллектуальной деятельности.

Ранее упомянутый второй абзац третьего пункта ст. 1250 ГК РФ устанавливает презумпцию вины: «Отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим интеллектуальные права». В этой работе не ставится задача оспаривать необходимость или логичность приведенного правила, следует обратить внимание на другое: данная норма не обязывает (как, впрочем, и никакая другая норма) априори считать любое лицо, исполь-

зующее РИД, нарушителем. Презумпция вины действует, если доказано нарушение прав, и она неприменима, если наличие нарушения как такового не доказано.

В актуальной судебно-арбитражной практике это означает, что истец (лицо, считающее свое право нарушенным) должен доказать как минимум: (1) наличие у себя заявляемого права и (2) совершение ответчиком действий, его нарушающих. Только при доказанности принадлежности права истцу и нарушения его со стороны ответчика применяется презумпция вины нарушителя интеллектуальных прав. Таким образом, презумпция вины в данном случае не противоречит презумпции добросовестности, поскольку относится к совершенно иному предполагаемому обстоятельству и применяется на ином этапе разрешения спора.

Следующий аспект применимости презумпции добросовестности к спорам, связанным с использованием результатов интеллектуальной деятельности, вытекает из тезиса о том, что гражданское законодательство в целом и пункт п. 5 ст. 10 ГК РФ в частности адресованы не только суду, но и всем субъектам права. Не только суд вправе применять презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений, но и сами участники.

Гражданин, получивший от другого гражданина право на использование произведения, вправе и даже обязан предполагать, что предоставивший является добросовестным участником оборота. Из этого следует, что он не обязан перепроверять сообщенную ему информацию о принадлежности интеллектуального права. В качестве аналогии можно привести пример приобретения гражданином «с рук» предметов мебели: у покупателя нет ни обязанности, ни возможности, ни оснований проверять, каким путем покупатель приобрел мебель; в соответствии с п. 5 ст. 10 ГК РФ предполагается, что продавец действует добросовестно. Если же выяснится, что покупатель приобрел краденое кресло, то это не означает, что он виновен в нарушении права собственности, однако же он будет обязан вернуть кресло собственнику (у которого оно было украдено), то есть прекратить незаконное владение и пользование вещью. Представляется единственно правиль-

ным такой же подход к незаконному использованию результата интеллектуальной деятельности: если право на использование было получено гражданином от неуправомоченного лица, использование должно быть прекращено, однако виновным в нарушении исключительного права этот гражданин не является, как не является вором покупатель краденого кресла.

Таким образом, если исходя из презумпции добросовестности лицензиара, в действительности правообладателем не являющегося, лицензиат начал использование результата интеллектуальной деятельности, основным последствием для лицензиата является необходимость прекращения такого использования. Сделка, на основании которой он действовал, недействительна, поскольку лицензиар никак не мог предоставлять права, которыми не обладает сам. Однако последствия недействительности сделки, во-первых, касаются именно сторон этой сделки, а не третьих лиц, к числу которых относится и правообладатель, а во-вторых, последствия эти существенно мягче, нежели установленные действующим законодательством меры ответственности за нарушение исключительных прав. Дополнительным последствием для такого «лицензиата» по недействительному лицензионному договору может быть необходимость возмещения правообладателю неосновательного обогащения. Размер неосновательного обогащения, то есть оплата, которую при нормальных условиях оборота заплатил бы нарушитель, доказывается правообладателем и также составляет сумму, значительно отличающуюся от компенсации за нарушение исключительного права.

Сказанное относится к субъектам, использовавшим РИД не в связи с предпринимательской деятельностью, — их существенно больше, чем субъектов предпринимательства, и именно их интересы представляются наиболее требующими защиты. Что касается юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, то предъявляемые к их осмотрительности повышенные требования могут нивелировать применимость презумпции добросовестности. Насколько такая ситуация благоприятна для гражданского оборота — вопрос для дополнительного исследования, и в данной статье останется открытым.

Еще один аспект применения презумпции добросовестности — соотношение ее с существующей в западных странах концепцией «добросовестного использования», относящейся, как правило, к произведениям науки, литературы и искусства. Использование запатентованных технических решений в рамках «добросовестного использования» в зависимости от конкретных законов и положений в некоторых странах разрешено, однако в целом данная практика менее распространена, чем в случае авторских произведений. Кроме того, требования и ограничения для добросовестного использования запатентованных технических решений могут быть более жесткими, чем для авторских произведений.

Анализ существующих в некоторых странах исключений для использования запатентованных технических решений в рамках «добросовестного использования» позволяет, в частности, выявить основные подходы:

- в США есть концепция «истощения патента», которая означает, что продажа изобретения, запатентованного в США, или его импорт может использоваться без дополнительного разрешения правообладателя;
- в Европейском Союзе установлены исключения в отношении использования запатентованных изобретений для личного использования, экспериментальных и научных исследований и других законных целей;
- в Японии есть исключения в отношении использования запатентованных изобретений для экспериментальных и научных исследований, а также для создания лекарственных средств;
- в Канаде и Австралии существуют исключения для использования запатентованных изобретений в научных исследованиях и экспериментальных целях.

Вместе с тем приведенные примеры свидетельствуют, что данная концепция скорее соответствует правилам российского законодательства о свободном использовании результатов интеллектуальной деятельности, а не презумпции добросовестности.

Итак, мы видим, что в исследуемой сфере презумпция добросовестности и вполне применима, и применяется фак-

тически, в том числе в судебной практике, однако применение это носит неоправданно узкий характер и должно быть расширено.

Литература

1. Волкова К. Ю. Концепции добросовестного использования (fair use) и честного использования (fair dealing) в законодательстве по авторскому праву и их значение для библиотек // Научные и технические библиотеки. 2021. № 10. С. 15–28.
2. Угрюмов Г. Доктрина добросовестного использования произведений // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 3. С. 63–66.
3. Штенников В. Н., Зяблова А. Ю. Добросовестное использование произведения // Биржа интеллектуальной собственности. 2016. Т. 15. № 1. С. 9–11.

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Е. В. Чепурная

Управление Федеральной антимонопольной службы
по Новосибирской области
ведущий специалист-эксперт отдела контроля
государственного оборонного заказа
to54-chepurnaya@fas.gov.ru

Аннотация. На современном этапе развития института государственных закупок цифровизация является актуальным средством повышения эффективности, прозрачности, а также доступности контрактных правоотношений. В статье рассмотрено внедрение цифровых технологий в период формирования системы государственных закупок современной России. Автор указывает на изменения законодательства о контрактной системе, послужившие электронизации основных процессов в данной сфере.

Ключевые слова: государственные закупки, жалоба, контрактная система, цифровизация, эффективность.

Abstract. At the present stage of development of the institution of public procurement, digitalization is a relevant means of increasing efficiency, transparency, and accessibility of contractual legal relations. The article considers the main aspects of the introduction of digital technologies in the process of establishing a public procurement system. The author points to the

changes in the legislation on the contract system, which served to electronize the main processes in this area.

Key words: public procurement, complaint, contract system, digitalization, efficiency.

Нормативное развитие контрактных правоотношений в постсоветский период России обусловлено принятием Закона РФ от 28.05.1992 № 2859-1 «О поставках продукции и товаров для государственных нужд», Указа Президента РФ от 07.08.1992 № 826 «О мерах по формированию федеральной контрактной системы» и постановления Правительства РФ от 10.08.1992 № 565 «О Реализации Указа Президента РФ «О мерах по формированию Федеральной контрактной системы».

В последующем был принят Федеральный закон от 13.12.1994 № 60-ФЗ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд», который устанавливал обязательные требования к качеству поставляемой продукции. При этом названный Федеральный закон имел определенный недостаток, так как в нем не содержалось четко регламентированного порядка процедуры размещения заказов.

Так, с целью решения данной проблемы был принят Федеральный закон от 06.05.1999 № 97-ФЗ «О конкурсах на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд». Однако с его принятием институт государственных закупок все еще требовал серьезного законодательного регулирования, что, в свою очередь, было обусловлено объективными причинами.

В 2000-е годы ощутимо выросли доходы государственного бюджета, что привело к возрастанию объемов государственных заказов, которые размещались органами власти разных уровней. Вместе с тем это привело к ряду негативных последствий, среди которых можно выделить:

- 1) увеличились трудозатраты на осуществление закупочной процедуры;
- 2) осуществление контроля за расходованием бюджетных средств стало весьма затруднительным;

3) увеличилась динамика коррупционных соглашений, свидетельством которой стало увеличение доли государственных контрактов, заключаемых с единственным поставщиком.

Тогда-то и был принят получивший широкую известность Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон о размещении заказов), который должен был решить проблемы, накопившиеся в сфере закупок.

Основным достижением принятия Закона о размещении заказов стало повышение информационной открытости государственных закупок. Было предусмотрено опубликование официального печатного издания для размещения информации об осуществлении закупок для нужд органов власти, также с целью публикации такой информации распоряжением Правительства РФ в 2006 г. был определен официальный сайт в сети «Интернет» — zakupki.gov.ru.

Это позволило обеспечить участникам закупок свободный доступ к размещаемым государственным заказам, создав тем самым предпосылки для формирования единого рынка государственных закупок.

Вместе с тем Закон о размещении заказов регулировал контрактные правоотношения фрагментарно, в большей степени определяя только порядок размещения закупок. Это способствовало возникновению вопросов его правоприменения, которые разрешались путем внесения многочисленных изменений и поправок.

Все это привело к тому, что государству требовались кардинальные изменения законодательства, которые смогли бы по-новому, комплексно регулировать контрактные правоотношения.

Так, был принят Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон о контрактной системе).

Действующий в настоящее время Закон о контрактной системе еще в первой редакции закрепил в себе понятие вновь созданной единой информационной системы в сфере

закупок, которая представляет собой структурированную совокупность информации, содержащейся в базах данных, технических средств и соответствующих технологий, обеспечивающих хранение, сборку и обработку такой информации, а также ее предоставление по средствам официального сайта в Интернете [1].

В условиях стремительно складывающейся системы государственных закупок значительная роль в формировании цифрового поля приходится на 2017–2019 гг.

В 2017 г. был принят крупный пакет поправок к Закону о контрактной системе, согласно которым был дополнен понятийный аппарат в отношении электронных площадок, на которых проводятся торги, изменены требования к электронному документообороту, к порядку регистрации участников закупок в системе, также были актуализированы новые правила мониторинга закупок и др.

При этом основные поправки все же относились к особенностям проведения электронных закупок. Так, с 1 января 2018 г. за заказчиком оставалось право осуществлять конкурентные закупки в электронной форме, однако с 1 января 2019 г. данное право переходило в обязанность.

Также немаловажным является появление в 2018 г. новой электронной торговой площадки — Единый агрегатор торговли (ЕАТ) «Березка».

В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 27.11.2018 № 2326-р установлено, что с 1 марта 2019 г. использование ЕАТ «Березка» для проведения закупок малого объема на основании п. 4, 5 и 28 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе для федеральных заказчиков стало обязательным.

Нововведения должны были увеличить количество участников закупок, сократить трудозатраты на осуществление закупочной процедуры, способствовать открытости и прозрачности осуществления закупок, соответственно улучшить систему мер противодействия коррупции, а также повысить эффективность расходования бюджетных средств [2]. Стоит отметить, что поправки, вступившие в силу в соответствии с Федеральным законом от 31.12.2017 № 504-ФЗ, частично оправдали свою эффективность.

Вместе с тем происходящие в последующие годы внешние и внутренние факторы показали необходимость дальнейшего, в какой-то части даже безотлагательного, совершенствования как самого законодательства о контрактной системе, так и цифровых технологий, используемых в данной сфере.

В июле 2021 г. сразу тремя Федеральными законами были внесены поправки в Закон о контрактной системе. Основную долю нормативных изменений содержал Федеральный закон от 02.07.2021 № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В частности, оптимизация была направлена на сокращение количества способов закупок и особенности их осуществления, унификацию сроков проведения закупок, упразднение излишней документации, изменения в части предоставления обеспечения участником закупки, изменения в части заключения контракта, нововведения при обжаловании действий (бездействия) заказчика, оператора электронной площадки и др.

В этом же году был запущен процесс электронного активирования, который подразумевает обмен электронными документами между заказчиками и контрагентами на этапе исполнения контракта. С начала 2022 г. электронное активирование в обязательном порядке предусмотрено для сторон контракта, который был заключен по результатам конкурентной закупки.

Необходимо отметить, что с 2022 г. подача обращений в контрольный орган на рассмотрение, а именно: жалобы на действия (бездействия) субъектов контроля, обращения о согласовании заключения контракта с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), обращения о включении сведений в реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей)— осуществляется только с использованием единой информационной системы. Исключением является только подача обращения в рамках осуществления закрытой закупки.

В 2023 г. в случаях, предусмотренных п. 4–5.2 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе, у заказчика появилось право

осуществить закупку товаров на сумму, не превышающую 5 млн руб. в электронной форме с использованием электронной площадки.

Следующая ступень развития общества предполагает, что люди будут более требовательны к открытости и прозрачности деятельности государственных органов, в том числе и в области закупок. Последняя и вовсе становится предметом большого внимания со стороны общественности.

Исходя из вышесказанного, можно резюмировать, что цифровая трансформация системы закупок осуществляется равнозначно изменениям, вносимым в законодательство о контрактной системе.

Дальнейшее развитие института государственных закупок неразрывно связано с цифровизацией всех связующих процессов, соответственно, для достижения лучших результатов, необходимо внедрять новые информационные технологии, направленные на повышение эффективности, открытости и прозрачности государственных закупок.

Литература

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 29.05.2023). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.06.2023).
2. Бакулина А. А., Карпова С. В. Цифровизация в сфере закупок: особенности и эффективность // Проблемы современной экономики. 2020. № 3 (75). С. 35–39.
3. Балтутите И. В., Апазов Д. А. Развитие системы государственных закупок в условиях внедрения цифровых технологий // Цивилист. 2022. № 1. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.06.2023);
4. Гладилина И. П., Кирюхина Е. О., Литвенко И. О. Управление закупками в условиях цифровизации закупочной деятельности — стратегическое управление контрактными отношениями // Инновации и инвестиции. 2019. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-zakupkami-v-usloviyah-tsifrovizatsii-zakupочноy-deyatelnosti-strategicheskoe-upravlenie-kontraktnymi-otnosheniyami> (дата обращения: 19.06.2023).

СОДЕРЖАНИЕ

Международная научно-практическая конференция «Взаимодействие правовых систем: евразийское измерение — правовая интеграция на евразийском пространстве»

Сарсембаев М. А.

Решение проблем цифровизации и роботизации
на предприятиях электротранспортного,
агротехнического и водородомобильного машиностроения
Казахстана и развитых государств
(казахстанское, зарубежное и международное право) 5

Шерстобоев О. Н.

Системы административного права:
возможности взаимодействия..... 21

Турецкий Н. Н.

Суд присяжных в Республике Казахстан:
история и перспективы..... 35

Макарцев А. А.

Принципы избирательного права Казахстана:
особенности закрепления и практика реализации..... 43

Байниязова З. С.

Правовая система и вопросы организации
правового пространства в современных условиях 54

Жадауова Ж. А., Омарова Б. А.

О некоторых результатах анализа
Закона Республики Казахстан
«О Фонде национального благосостояния» 58

Халиков И. А.

О возможности ограничения межотраслевого усмотрения
правоприменителя при выявлении
и пресечении правонарушений в отношении
исторического и культурного наследия 74

<i>Кайжакпарова А. Б.</i> Институциональное укрепление системы профилактики бытового насилия (на примере Республики Казахстан)	82
<i>Беляев А. И.</i> Правовой анализ действующего избирательного законодательства государств-членов ЕврАзЭС	96
<i>Вельтмандер А. Т., Каракулов Т. Г.</i> Особенности криминализации и пенализации преступлений, совершенных с использованием цифровых (информационно-коммуникационных) технологий	101
<i>Мустафина Л. Р.</i> Государственная политика в сфере обеспечения безопасности детей.....	108
<i>Сарсембаев М. А.</i> Венчурное финансирование стартапов по производству микрочипов для транспортных средств в законодательстве Казахстана, ряда зарубежных стран, в международном праве.....	112
<i>Сибогатулина М. Р.</i> Особенности правоприменительной практики установления дополнительных гарантий деятельности депутата представительного органа муниципального образования в период проведения специальной военной операции на примере Сибирского Федерального округа Российской Федерации	126
<i>Сметанникова П. И.</i> Право на отмену неправомерных актов налоговых органов вне рамок процедуры досудебного обжалования.....	136

**Международная научно-практическая конференция
«Гармония частного права:
современные глобальные тенденции развития
международного и национального права»**

<i>Аюшеева И. З.</i> Проблемы определения больших данных как объекта гражданских прав	146
<i>Бова́ Д. А.</i> О некоторых проблемах, возникающих в деятельности застройщика	153
<i>Вершок И. Л.</i> Вопросы интерпретации юридических терминов в условиях трансформации национальных правовых систем	161
<i>Гасанов З. У.</i> Электронная подпись как способ составления завещания в условиях чрезвычайных обстоятельств	167
<i>Захарова И. В.</i> Адвокатская деятельность: правовые проблемы представительства в гражданском судопроизводстве	172
<i>Епифанцев А. В.</i> Цифровые платформы как система организационных договоров в частноправовых отношениях	180
<i>Зимнева С. В.</i> Военные обстоятельства как форс-мажор	187
<i>Карцева Н. С., Комиссарова П. К.</i> Использование цифровых технологий: проблемы и перспективы правового регулирования	194
<i>Ковалёва Н. П.</i> Право граждан на медицинскую помощь	201
<i>Красникова Л. А.</i> Особенности гражданско-правовой ответственности за негативное воздействие на централизованную систему водоотведения	208
<i>Ломакина И. Г.</i> К вопросу об эффективности законных способов минимизации рисков работодателя в условиях дефицита кадров	218

<i>Матиящук С. В.</i>	
Подлог в гражданском процессе как основная составляющая коррупционной схемы	224
<i>Михайлов А. А.</i>	
О легальном закреплении понятия криптовалюты в законодательстве Российской Федерации	230
<i>Панова А. С.</i>	
Развитие доктрины исчерпания права на товарный знак в судебной практике	237
<i>Рубцова Н. В.</i>	
О существенных признаках предпринимательской деятельности	245
<i>Феденев Р. А.</i>	
Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности: к вопросу о правовой природе отношений, возникающих при создании и использовании искусственного интеллекта	250
<i>Холмова Е. Г.</i>	
Применение презумпции добросовестности в спорах об использовании результатов интеллектуальной деятельности	262
<i>Чепурная Е. В.</i>	
Институт государственных закупок в условиях цифровизации.....	269

Научное издание

**ПРАВО И ЭКОНОМИКА:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ
И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ**

Сборник статей
по итогам V Новосибирского
международного юридического форума
(24–26 мая, 22–23 июня 2023 г.)

Часть 1

Корректор *Ю. Ю. Алехова*
Верстка *Ю. А. Кувшинова*
Дизайн обложки *А. Ю. Болдина*

Гарнитура PT Serif. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Усл.-печ. л. 16,22.
Подписано в печать 17.05.2024. Тираж 300 экз.

Новосибирский государственный университет экономики
и управления «НИНХ»
630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56.